

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

Александр Гзовский

Социальная революция
в Туркестане:
полумесяц и красная звезда
(туркестанские воспоминания)

ГАУГН-ПРЕСС
МОСКВА
2020

УДК 94(57).084.3
ББК 63.3(2)612
А46

*Книга подготовлена в рамках проекта № 33.4122.2017/ПЧ
«Международные комиссии историков: современные подходы в исторических
исследованиях, изучении и преподавании истории в России и мире»
Министерства образования и науки Российской Федерации*

Перевод:
Ольга Минник

Рецензенты:
докт. ист. наук *Д. А. Аманжолова* (ИРИ РАН)
докт. ист. наук *Б. М. Бабаджанов* (ИВ АН Республики Узбекистан)
канд. ист. наук *С. А. Третьяк* (ИИ НАН Республики Беларусь)
докт. ист. наук *А. В. Шубин* (ИВИ РАН)

Автор вступительной статьи и комментариев, научный редактор:
канд. ист. наук *Т. В. Котюкова* (ИВИ РАН, ГАУГН)

А46 Александр Гзовский. Социальная революция в Туркестане: полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания); авт. вступ. ст. и коммент., науч. ред. Т. В. Котюкова. — М.: ГАУГН-Пресс, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-6042181-6 -7 **DOI** 10.18254/S42181-6-70000011-6-1

Воспоминания участника революционных событий в Русском Туркестане Александра Гзовского посвящены нескольким драматичным событиям, одно за другим произошедшим в 1917–1918 гг. в истории Центральной Азии: падению царизма и приходу к власти Туркестанского комитета Временного правительства, поражению Туркестанского комитета Временного правительства и приходу к власти большевиков, провозглашению Туркестанской (Кокандской) автономии и ликвидации ее большевиками и, наконец, большевистскому, так называемому колесовскому, походу, на Бухару в марте 1918 г. В книге представлены две работы Александра Гзовского: «Социальная революция в Туркестане (воспоминания)», написанная с большевистских позиций и изданная на территории Советской Белоруссии в 1919 г. и «Полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания)», написанная автором уже с антибольшевистских позиций после эмиграции в Польшу в 1922 г. на польском языке.

Книга рассчитана как на специалистов — историков и востоковедов, преподавателей вузов и студентов, так и на широкий круг читателей, интересующихся проблемами истории народов Центральной Азии в Российской империи и Советском государстве.

**ГАУГН
ПРЕСС**

© Котюкова Т. В., текст, 2020
© ГАУГН, оригинал-макет, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Котюкова Т. ДВЕ СТОРОНЫ ПОЛУМЕСЯЦА: ТУРКЕСТАН МЕЖДУ БОЛЬШЕВИКАМИ И КОКАНДСКОЙ АВТОНОМИЕЙ	5
Гзовский А. СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ТУРКЕСТАНЕ (ВОСПОМИНАНИЯ)	158
Юноша-Гзовский А. ПОЛУМЕСЯЦ И КРАСНАЯ ЗВЕЗДА (ТУРКЕСТАНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ)	194
ИЛЛЮСТРАЦИИ	271
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	278
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	282

ДВЕ СТОРОНЫ ПОЛУМЕСЯЦА: ТУРКЕСТАН МЕЖДУ БОЛЬШЕВИКАМИ И КОКАНДСКОЙ АВТОНОМИЕЙ

Предыстория

В 2008 г. белорусский историк и архивист Виталий Владимирович Скалабан¹ передал мне копии экземпляров минской газеты «Знамя» за 1919 г. с воспоминаниями Александра Гзовского «Социальная революция в Туркестане»² и книги «Полумесяц и красная звезда»³, изданной в Варшаве на польском языке в 1922 г. Прошло еще несколько лет, прежде чем я смогла приступить к работе с этими материалами. Когда наконец представилась возможность сделать перевод на русский язык, я поняла, что книга «Полумесяц и красная звезда» откопирована ровно наполовину. В 2011 г. Виталия Владимировича не стало, и, как раздобыть недостающие страницы, я не знала.

Помощь пришла неожиданно. На бескрайних просторах Интернета случай познакомил меня с Дмитрием Александровичем Стрельниковым — писателем и журналистом, уроженцем Алматы, живущим в Варшаве. Он нашел в Польше и прислал мне окончание книги. Дмитрий Александрович помог и с поиском биографической информации о Гзовском.

Как оказалось, некоторые книги Гзовского в самой Польше — библиографическая редкость. Поэтому, чтобы найти недостающие страницы «Полумесяца и красной звезды», Дмитрию Александровичу пришлось приложить усилия, за что я ему крайне признательна!

Чем же привлекают рукописи Гзовского, ведь он был далеко не единственным человеком, кто стал свидетелем смены исторических эпох на окраинах России и оставил об этом воспоминания. Александр Гзовский оказался двуликим, как древний бог Янус. Для любого исследователя — несказанная удача найти два исторических

¹ Скалабан В. В. Повесть Александра Гзовского «В государстве красных людоедов» как исторический источник для изучения политических репрессий в Смоленске в 1918 году // Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении зарубежных и российских историков / под общ. ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 1999. С. 79–83; *Он же*. Из Рославля — в Петербург: Автобиография Александра Гзовского // Культура. Филология. Методика: сборник трудов в честь 60-летия профессора Г. С. Меркина. Смоленск, 2000. С. 73–79; и др.

² Звезда. 1919. № 351, 352, 353, 354, 356, 357, 358, 359, 361.

³ *Junosza-Gzowski A. Pyłksiężyc i Gwiazda czerwona (wspomnienia turketańskie)*. Warszawa, 1922.

источника с диаметрально противоположной оценкой одних и тех же событий, авторство которых принадлежит одному человеку.

Александр Гзовский — писатель, публицист, журналист — согласно автобиографии родился в 1888 г. в семье дворянина Иосифа Фортунатовича Гзовского в Могилевской губернии. В Национальном архиве Республики Беларусь в фонде Минского дворянского депутатского собрания сохранился документ с описанием дворянского родового герба «Юноша»⁴, что является свидетельством происхождения из небогатой белорусской шляхты. Он был, как подчеркивал сам Гзовский, «из шестой родословной книги»⁵. Однако согласно польским источникам, «Юноша» — это польский дворянский герб⁶, и традиции рода берут отсчет от Станислава Гзовского, королевского придворного, который получил герб «Юноша» от короля Сигизмунда Августа (1520 — 1572).

По окончании Смоленской гимназии Гзовский поступил на юридический факультет Московского университета⁷. В 1912 — 1914 гг. работал адвокатом. Впечатлительного Александра готовили в ксендзы, однако священника из него не получилось. Он выбрал стезю писателя и журналиста. К 1912 г. из 13 написанных им пьес 5 находились под цензурным запретом. В 1915 г., в годы Первой мировой войны, Гзовский окончил Алексеевское военное училище в Москве. Мы не располагаем достоверными сведениями о том, как и когда Гзовский оказался в Туркестане. Поиски хоть какой-то информации о туркестанском периоде в жизни Гзовского в Национальном архиве Республики Узбекистан (НА РУз) оказались безрезультатными. Между 1915 и рубежом 1916 — 1917 гг. он служил в Сибири. Судя по одной из его книг, оттуда, через Казахскую степь, он прибыл в Среднюю Азию⁸. Дальнейшие обстоятельства его жизни сложились таким образом, что он стал очевидцем важнейших политических событий в истории Туркестанского края — от свержения монархии в феврале 1917 г. до «колесовского похода» на Бухару весной 1918 г.

⁴ Демисезон-1919. Белогвардейская проза на страницах газеты «Минский курьер» // Белорусский интернет-портал TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/society/415051.html> (дата обращения: 01.03.2019).

⁵ Там же.

⁶ Junosza (herb szlachecki) // Wikipedia. Wolna encyklopedia. URL: [http://pl.wikipedia.org/wiki/Junosza_\(herb_szlachecki\)](http://pl.wikipedia.org/wiki/Junosza_(herb_szlachecki)) (дата обращения: 01.03.2019).

⁷ Пушкинский Дом. Ф. 377. 1 собр. № 891. Оп. 7. № 1069.

⁸ *Junosza-Gzowski A.* Przez taiga I stepy. Poznan, 1925.

В октябре 1917 г. Гзовский становится редактором газеты «Туркестанский курьер» — одного из наиболее крупных ежедневных изданий, выходящих в Ташкенте. За несколько месяцев пребывания на этом посту (Гзовский был предпоследним редактором «Туркестанского курьера») вышли всего сто с небольшим номеров, которые издавались с предварительной цензурой, осуществляемой представителями Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов и Ревкома. Покинув в ноябре 1917 г. Ташкент, Гзовский отправляется в Коканд. Именно здесь далее развернутся те события, летописцем которых он стал.

Нет никаких сомнений, что Гзовский был знаком с ключевыми политическими фигурами Туркестанской (Кокандской) автономии, например, со вторым главой правительства автономии Мустафой Чокаевым. Чокаев в воспоминаниях очень тепло отзываясь о Гзовском: «...поляк офицер Юноша-Гзовский в рядах туркестанцев дрался с большевиками до самого последнего момента — до окончательного взятия большевиками Коканда. Юноша-Гзовский сейчас в Варшаве. Пусть и он примет нашу благодарность за свою защиту нашего дела...»⁹.

Что же происходило в Туркестане с сентября 1917 по март 1918 г. и насколько ценны наблюдения и впечатления, оставленные Гзовским? Чтобы понять это, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать общественно-политическую ситуацию в крае и начать не с осени, а с весны 1917 г.

Туркестан между Турккомитетом и Советами

28 февраля 1917 г.¹⁰ в Ташкенте было получено сообщение о падении в России самодержавия и о переходе власти в руки Временного комитета Государственной думы¹¹. Несколько дней последний генерал-губернатор Туркестана А. Н. Куропаткин задерживал все телеграммы с известиями о революции в Центральной России, пытаясь скрыть эту информацию от местной общественности.

Действия Алексея Николаевича легко объяснимы. Ему стоило огромных трудов стабилизировать общественно-политическую ситуацию в регионе после событий лета — осени 1916 г., связанных

⁹ Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио; М., 2001. С. 16.

¹⁰ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

¹¹ Абдурахимова Н. А. Февральская революция и Туркестанская колониальная администрация // Материалы по истории, историографии и археологии: сборник научных трудов ТашГУ. № 556. Ташкент, 1978. С. 54.

с мобилизацией на тыловые работы коренного мусульманского населения. Но слухи о революции упорно ползли по столице края. 2 марта 1917 г. рабочие железнодорожных мастерских организовали в Ташкенте митинг. Часть митингующих направилась к генерал-губернатору и потребовала от него объяснений. Куропаткин ответил, что никакой революции нет и слухи о ней — это провокация¹².

Однако уже на следующий день, 3 марта, во всех газетах Туркестана было опубликовано сообщение о революции в России и об отречении императора. В тот же день, например, в Андижане состоялся 5-тысячный интернациональный митинг в поддержку Временного правительства, Куропаткин признал новую власть, а Временное правительство признало его своим комиссаром в Туркестане и даже предоставило ему некоторую свободу действий.

В это же время в Ташкенте был организован Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. Исполнительный комитет, возглавляемый «старым туркестанцем», бывшим вице-губернатором Ферганской области, депутатом Государственной думы второго созыва, примкнувшим там к социал-демократам, В. П. Наливкиным¹³, сразу же наладил контакт с генерал-губернатором, чего нельзя сказать о самом Ташкентском Совете рабочих и солдатских депутатов.

4 марта Временное правительство издало указ о «даровании гражданского равноправия» всем народам России. Однако Куропаткин считал необходимым «не применять полностью принципа равенства, иначе Туркестан пойдет назад: большинство голосов будет у туземцев, и они захватят все в свои руки, а руки-то ненадежные». Этой же позиции придерживалось и Временное правительство в лице министра юстиции А. Ф. Керенского: «При неравенстве обязанностей¹⁴ с русским населением туземцам не следует предоставлять и полноту прав». Поэтому Керенский полагал, что управление Туркестаном должно быть устроено на манер английских и французских колоний в Азии и Африке¹⁵.

¹² *Кастельская З. Д.* Из истории Туркестанского края (1865—1917). М., 1980. С. 95.

¹³ О В. П. Наливкине подробнее см.: Полвека в Туркестане. В. П. Наливкин: биография, документы, труды / ред.-сост.: С. Н. Абашин и др. М., 2015.

¹⁴ Неравенство обязанностей существовало. Например, коренное население Туркестана было освобождено от несения воинской повинности.

¹⁵ Из дневника А. Н. Куропаткина [публикация М. Н. Покровского] // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 65.

Тем не менее в старогородской части Ташкента началась замена полицейских чинов избранными из мусульман милиционерами.

В марте, опасаясь волнений, Куропаткин неоднократно обращался в Петроград с просьбой ускорить присылку в Туркестан представителей Временного правительства, подчеркивая, что в регионе нет земского самоуправления, а городское имеется только в Ташкенте и Верном, а между еще не упраздненной старой и новой властью (в лице общественных советов и комитетов) бывают конфликты¹⁶.

Некоторые очевидцы писали, что генерал Куропаткин «в интимном кругу выражал уверенность, что при известном умении власти примериться к моменту... переходное время пройдет благополучно для Туркестана»¹⁷. Но Алексей Николаевич ошибался...

Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов вел активную агитационную работу среди войск против генерала Куропаткина. В сложившейся обстановке Алексей Николаевич был вынужден подготовить военному министру прошение об отставке. Не вдаваясь в причины своего решения, он сообщал, что Туркестан благополучно пережил первый, наиболее острый, этап революции, и, считая свою роль законченной, просит о скорейшем преемнике¹⁸.

По мнению В. П. Булдакова новая власть утвердилась в Туркестане позже других регионов бывшей империи, поскольку Временное правительство устраивала фигура А. Н. Куропаткина — близкого друга военного министра А. И. Гучкова. Он и дальше бы оставался на своем посту, но «взволновались местные демократические лидеры»¹⁹.

31 марта 1917 г. на объединенном заседании Ташсовета, Исполнительного комитета Ташсовета и других общественных организаций края были приняты решения об отстранении от занимаемых должностей генерал-губернатора А. Н. Куропаткина, его помощника М. Р. Ерофеева, начальника Штаба Туркестанского военного округа Н. Н. Сиверса и о назначении на эти должности других лиц, а также о разделении гражданской и военной власти в крае.

¹⁶ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 13. Д. 1175. Л. 7, 21.

¹⁷ *Чиркин С. В.* Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М., 2006. С. 260.

¹⁸ Там же. С. 265.

¹⁹ *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 187.

7 апреля 1917 г. вместо старой администрации специальным решением Временного правительства «в целях установления прочного порядка и устройства Туркестанского края на основах, всенародно объявленных Временным правительством 6 марта 1917 г., и для разрешения на месте всех возникающих вопросов управления краем» был образован Туркестанский комитет Временного правительства (Турккомитет)²⁰. Членами Турккомитета стали А. Н. Букейханов (комиссар Временного правительства в Тургайской области), М. Т. Тынышпаев (комиссар Временного правительства в Семиреченской области), С. Н. Максудов, В. С. Елпатьевский, А. Л. Липовский, П. И. Преображенский, О. А. Шкапский и А. А. Давлетшин (военный комиссар Временного правительства в Хивинском ханстве)²¹.

«Туркестанцами» в этом составе Турккомитета были: Мухамеджан Тынышпаев (уроженец Семиречинской области, депутат II Государственной думы от Семиреченской области), Орест Шкапский (уроженец Ташкента, действительный член Туркестанского отделения Русского географического общества, служил в крае по переселенческой линии), Александр Липовский (уроженец Ташкента, директор одной из петроградских школ), генерал-майор Абдулазиз Давлетшин (служил в администрации Закаспийской области в 1890 – 1898 гг.).

Председателем Турккомитета был назначен бывший член Государственной думы, управляющий Министерством внутренних дел кадет Н. Н. Щепкин. Этот выбор не был случайным. Со времен Первой русской революции кадеты имели очень неплохие позиции в Туркестане, в том числе вызывали наибольшее доверие среди прочих общероссийских партий в мусульманской среде.

Не последнее влияние оказали взгляды кадетов на национально-территориальное устройство Российской империи, отраженные в политической программе партии.

Основной закон Российской империи, считали кадеты, должен гарантировать всем населяющим ее народностям, помимо полного политического и гражданского равноправия, право свободного культурного самоопределения: полную свободу употребления родного языка в общественной жизни, возможность создания учебных

²⁰ Революция и национальный вопрос: документы и материалы по истории национального вопроса России и СССР в XX веке. Т. 3. М., 1930. С. 72.

²¹ Подробнее см.: *Азамходжаев С. С.* В преддверии драмы. Туркестанский комитет Временного правительства // Звезда Востока. 1993. № 2. С. 135 – 148.

заведений на родном языке, организацию различного рода собраний и союзов с целью сохранения и развития языка, литературы и культуры каждой народности²².

Кроме того, кадеты были лидирующим политическим движением во Временном правительстве. Разделяли политические взгляды кадетов и бывшие члены мусульманской фракции Государственной думы разных созывов, вошедшие в состав Турккомитета: А. Н. Букейханов, М. Т. Тынышпаев и С. Н. Максудов. Забегая немного вперед, скажем, что очень скоро отношение к кадетам у российских мусульман изменится, и не в лучшую сторону. Причиной такого изменения политических ориентиров можно считать не в последнюю очередь призывы вести войну до победного конца, дойдя до Стамбула / Константинополя.

Первое заседание состоялось еще в поезде по дороге в Ташкент, во время которого члены Турккомитета распределили между собой направления деятельности: Липовскому и Максудову достались просвещение и религиозные вопросы; Преображенскому и Давлетшину — проблемы Бухары и Хивы; Шкапскому, Тынышпаеву и Букейханову — проблемы Семиречья; Елпатьевскому, Преображенскому и Щепкину — торговля, промышленность и землеустройство²³.

Члены Турккомитета считали, что организация власти в крае должна выстраиваться «снизу», а сам Туркестанский комитет должен стать своеобразным министерством, сотрудничающим с представителями местного населения. Представители комитета на местах наделялись одновременно правами и обязанностями председателей земских управ и губернаторов²⁴.

Европейское население Туркестана обращалось к Керенскому с вопросом: какую политику намерено проводить правительство — федеративную или колониальную. Сами обращавшиеся были убеждены: «Туркестанский край должен стать русской колонией хотя бы временно, ибо невозможно ожидать, чтобы мусульмане отрешились теперь же от религиозной, национальной и племенной нетерпимости»²⁵. Поскольку до внедрения идей гражданского равенства в сознание подавляющего числа населения края было еще

²² Программные документы политических партий и организаций. М., 1990. С. 123–126.

²³ НА РУз. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 37. Л. 36.

²⁵ Цит. по: *Буддаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России... С. 221.

далеко, отмечает В. П. Булдаков, взаимопредставления народов оставались на традиционалистском уровне, что не исключало конфликтов на этнической почве.

16 апреля 1917 г. председатель Турккомитета Щепкин выступил на I Всетуркестанском съезде мусульман, в котором достаточно прямо изложил суть отношения Временного правительства к населению края: «Новому правительству известно, что туркестанские мусульмане являются отсталыми по отношению к другим мусульманам. Поэтому оно прислало со мной вместе несколько мусульманских комиссаров... Такое внимание, оказанное новым правительством, означает его лучшее отношение к вам. Новое правительство уверено в том, что вы не будете отделяться от России»²⁶.

Характерно, что многие приехавшие из Петрограда ораторы, на съезде поздравляли собравшихся мусульман с обретением статуса гражданина, поскольку сословная система, существовавшая в Российской империи, относилась к коренное население края к сословию «инородцев»²⁷.

По мнению Марты Брилл Олкотт, Временное правительство, признавая необходимость решения постимперского «национального вопроса», никогда не считало проблему самоуправления мусульманскими территориями столь же насущной, как европейскими регионами империи. В результате Временное правительство довольствовалось управлением этими территориями через местные временные комитеты, слегка обновив персональный состав местной администрации²⁸.

Более того, как и предшествующая царская, и последующая советская власть, Временное правительство арестовывало и осуждало граждан по политическим статьям. Так, известный в Туркестане политический деятель Турар Рыскулов был арестован весной 1917 г. за пропагандистскую работу, направленную против Временного правительства. Находясь в заключении, он сблизился с социал-демократами и создал «Революционный союз казахской молодежи»²⁹.

²⁶ Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение: сборник документов и материалов / сост., предисл. и примеч. С. М. Исхакова. М.; СПб., 2019. С. 78.

²⁷ Там же. С. 79.

²⁸ Олкотт М. Б. Средняя Азия // Критический словарь русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. С. 664–665.

²⁹ Кровавые страницы истории / сост. Б. Абдыгалиев, Д. Аманжолова и др. М., 2019. С. 19.

Необходимо отметить, что падение царизма значительной частью мусульман края было понято как «отказ русского правительства от государственной власти». По мнению комиссара Временного правительства на Памире И. И. Зарубина это было связано с отсутствием разъяснительной работы среди населения³⁰.

С первых дней у Турккомитета возникли серьезные трения с Ташкентским Советом рабочих и солдатских депутатов.

Ташкентский Совет рабочих депутатов был образован 3 марта 1917 г., а 4 марта — Ташкентский Совет солдатских депутатов. Вскоре они объединились в единый Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов.

С 7 по 15 апреля 1917 г. в Ташкенте прошел I учредительный съезд Туркестанского краевого Совета рабочих и солдатских депутатов. Так же как в Ташсовете, в нем преобладали представители партии эсеров, кадетов и меньшевиков. Влияние этих партий сохранялось в краевом и городском Советах до начала осени 1917 г. Большевики составляли в Ташсовете политическое меньшинство, а значит, вплоть до сентябрьских событий в Ташкенте, о которых речь пойдет ниже, не оказывали решающего влияния на ситуацию и могли действовать эффективно только в составе коалиции. Умение выстраивать такие коалиции было важной слагаемой их успеха.

9 мая 1917 г. в местной печати появилось сообщение Турккомитета о прекращении своей деятельности ввиду реорганизации Временного правительства и разногласий с Ташсоветом. Министр-председатель Г. Е. Львов 12 мая 1917 г. от лица нового состава Временного правительства настоятельно просил членов Турккомитета продолжать исполнять свои обязанности. 16 мая Щепкин в телеграмме на имя Львова и Керенского просил об отставке, ссылаясь на большое сердце. Но конфликт с Ташсоветом, видимо, принял уже необратимую форму, поскольку Щепкин писал Львову: «Мое дальнейшее пребывание здесь излишне и может повредить делу... Им (Ташкентскому Совету рабочих и солдатских депутатов. — Т. К.) надо иметь предлог для продолжения борьбы за диктатуру при внешнем словесном подчинении Временному правительству. Если пришлете председателем видное социалистическое имя, на первое время вынуждены будут стихнуть, а дальше начнут опять ... Внутри комитета полное единство»³¹.

³⁰ Бухерт В. Г. «Настоятельнейшие нужды Памирского района». Записка И.И. Зарубина. 1917 г. // Восточный архив. 2011. № 24. С. 32.

³¹ НА РУз. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 41. Л. 68.

12 мая 1917 г. новый состав Временного правительства подтвердил полномочия Турккомитета, пообещав пополнить состав последнего. Тынышпаеву были предоставлены полномочия, привлечь людей необходимых ему для работы в Семиречье³². Тынышпаев и Шкапский предложили И. Н. Шендрикова.

Непростая ситуация складывалась в мусульманской части города Ташкента. 22 мая в мечети Кукельдаш собрался митинг, на который приехали представители новой краевой власти, в том числе Наливкин. Когда Наливкин попытался разъяснить собравшимся смысл «новых свобод», «то возбужденно настроенный вследствие агитации улемов темный люд» не пожелал его слушать. Толпа не давала говорить оратору и кричала: «Долой! Нам не нужна никакая твоя свобода! Нам нужна наша религия и наша вера — ислам!» Очевидец так описывал состояние митингующих: «Настроение народа было такое, что, казалось, как будто весь народ ошалел и коллективно по уговору сошел с ума. Всеобщее умопомрачение. Возбужденный до крайности, народ... выгнал с собрания всех уважаемых представителей нового правительства...»³³.

4 июня 1917 г. в Петрограде на восьмом заседании Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета (Икомус), избранного 11 мая 1917 г. на I Всероссийском мусульманском съезде в Москве, с докладом о деятельности Туркестанского комитета Временного правительства и о проекте реорганизации краевой власти выступил председатель Туркестанского и Ташкентского Советов рабочих и солдатских депутатов Г. И. Бройдо.

Позиция Краевого и Ташкентского Советов сводилась к критике бездействия Турккомитета по самым важным вопросам внутри-региональной политики, а именно: вопросам обеспечения населения продовольствием; организации власти на местах и замены представителей старого режима; урегулирования киргизско³⁴-русских отношений в Семиречье после восстания 1916 г. Бройдо настаивал на отставке действовавшего состава Турккомитета, в том числе

³² Архив новейшей истории России. Серия: «Публикации». Т. IX: Журнал заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 2. Май — июнь 1917 г. / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько. М., 2002. С. 62—63.

³³ Великая российская революция 1917 года... С. 185.

³⁴ До начала 1920-х гг. все кочевое население Туркестана (казахи и киргизы) в официальной переписке и документах называлось «киргизы». Для удобства, особенно при цитировании архивных документов, мы так же будем использовать этот термин.

членов-мусульман, которые, и в этой части Икомус был полностью солидарен с Бройдо, никак положительно себя не проявили. Поэтому Икомус заявил о своей полной солидарности с Туркестанским краевым и Ташкентским Советами рабочих и солдатских депутатов, высказав пожелание увеличить представительство мусульман в составе Турккомитета³⁵.

Неудачи, сопровождавшие попытки Турккомитета решить производственную проблему, во многом обусловили его судьбу, ход региональной политической борьбы и приход к власти большевиков. К сожалению, формат вступительной статьи не позволяет нам остановиться на этом аспекте жизни края детальнее.

8 июня 1917 г., в бытность Керенского военным и морским министром, ташкентского уездного воинского начальника полковника Л. Н. Черкеса назначили командующим войсками Туркестанского военного округа, с производством в генерал-майоры. Впоследствии Черкес был включен в состав Туркестанского комитета Временного правительства³⁶.

14 июня Икомус вновь заслушал доклад «по туркестанским делам» — теперь уже члена Турккомитета А. А. Давлетшина. На заседании присутствовали туркестанцы У. А. Ходжаев (постоянный представитель Туркестана в Икомусе) и председатель Ферганского Совета рабочих и солдатских депутатов В. А. Чайкин.

Давлетшин сообщил о сложной кадровой ситуации в Турккомитете: Преображенского отозвали в Петроград после назначения товарищем министра народного просвещения, Букейханов постоянно находится в Тургайской области, поскольку являлся еще и комиссаром Временного правительства в этой области, Тынышпаев (комиссар Временного правительства в Семиреченской области) и Шкапский — в Семиречье. Максудов приезжает в Ташкент периодически, Щепкин собирается подать в отставку. В Ташкенте остались Елпатьевский и Липовский. На 15 июня 1917 г. Временное правительство запланировало созыв совещания по вопросу о реорганизации Турккомитета.

Членами Икомуса Давлетшину был задан целый ряд непростых вопросов: чем объяснить конфликт между Турккомитетом и Ташсоветом; распался ли комитет сам по себе или же его члены

³⁵ Великая российская революция 1917 года... С. 193—194.

³⁶ Архив новейшей истории России. Серия: «Публикации». Т. IX: Журнал заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 2. Май — июнь 1917 г. С. 225.

подали в отставку; в чем выразилась положительная деятельность Турккомитета; каково в настоящий момент положение местного мусульманского населения; что представляет собой местная политическая организация Шуро-и-Исламия (Совет мусульман); имеет ли под собою реальную почву требование туркестанцами федерации?

Ответы Давлетшина были предельно ясными. Причиной конфликта стало желание Ташсовета монополизировать власть, поэтому проект Бройдо о реорганизации власти сочувствия у Турккомитета не встретил.

Отвечая на вопрос по кадровому составу, Давлетшин проинформировал собравшихся о готовящейся отставке своей и Максудова.

Отвечая на третий вопрос, генерал подчеркнул, что конфликт с Ташсоветом сделал продуктивную работу Турккомитета практически невозможной. Однако даже в таких сложных условиях началась работа по реформированию городского самоуправления, были упразднены органы административного управления Туркестанского генерал-губернаторства. Неупраздненными остались лишь областные правления.

С падением царизма среди мусульман края усилились консерваторы, особенно в Ферганской долине. Их больше, чем прогрессистов. Идет усиление агитации против женской эмансипации и новометодных школ. При этом Советы мусульман или Шуро-и-Исламия представляют в крае внушительную силу, состоящую из прогрессивных элементов, особенно в Ташкенте.

По личному мнению докладчика, требования туркестанцами федерации не имеет под собою реальной почвы, они не осознают своей неподготовленности к федеративной системе управления. Для федеративной республики в том виде, в каком ее хотят в Туркестане, нет потенциала управленческих кадров. Это заявление Давлетшина поддержал Чайкин, заявив, что мысль о федеративной республике нашла отклик прежде всего у местных reactionеров³⁷.

Буквально на следующий день, 15 июня 1917 г., состоялось еще одно заседание Икомуса, на котором о реорганизации Туркестанского комитета Временного правительства и возможных кандидатах в председатели этого комитета собравшимся рассказал член Икомуса Убайдулла Ходжаев, олицетворяя собой после Бройдо

³⁷ Великая российская революция 1917 года... С. 222–224.

и Давлетшина одновременно коренного туркестанца и некоего независимого эксперта. Ходжаев назвал кандидата — эсера Вадима Афанасьевича Чайкина. По мнению Ходжаева Чайкин являлся подходящим лицом для этой должности как по своим личным качествам, политическим убеждениям (всегда выступал в оппозиции к царской администрации и проводимой ею политике в Туркестане), так и по отношению к мусульманам, он сможет руководить политической и экономической жизнью края.

После обмена мнениями стало очевидно, что никто из членов Икомуса ничего против предложенной Ходжаевым кандидатуры не имеет. Поэтому было принято единогласное решение войти во Временное правительство с докладной запиской о необходимости назначения на пост председателя Турккомитета Чайкина³⁸.

Еще до Февральской революции Чайкин активно сотрудничал с мусульманскими прогрессистами в Туркестане. После революции он выступал за предоставление каждому народу в России отдельной федерации, а малым нациям — национально-культурной автономии³⁹.

В 1922 г. в Москве была издана одна из частей книги В. А. Чайкина о революции в России, которая одновременно является его мемуарами. Она посвящена расстрелу 26 бакинских комиссаров⁴⁰. В Российской государственной библиотеке хранится неопубликованная рукопись, охватывающая более ранний период — с 1906 по 1923 г. Важный и насыщенный событиями отрезок жизни автора с 1910 по 1917 г. (в том числе туркестанский период) представлен практически несколькими эпизодами. Один из них — о председательстве на интернациональном митинге в Андижане 3 марта 1917 г. Некоторые части рукописи сохранились в Национальном архиве Республики Узбекистан⁴¹.

У Туркестанского и Ташкентского Советов на освободившуюся должность председателя Турккомитета был свой кандидат — Владимир Петрович Наливкин. Кандидатуру В. А. Чайкина они встретили буквально в штыки.

29 июня 1917 г. министр-председатель Временного правительства Г. Е. Львов предложил возложить временное исполнение обя-

³⁸ Там же. С. 225–226.

³⁹ История и историки Узбекистана в XX столетии. Ташкент, 2014. С. 90.

⁴⁰ *Чайкин В. А.* К истории российской революции. Вып. 1: Казнь 26 бакинских комиссаров. М., 1922.

⁴¹ НА РУз. Ф. Р-1747. Оп. 1. Д. 8, 9, 10 и др.

занностей председателя Туркестанского комитета на члена комитета В. С. Елпатьевского⁴².

1 июля 1917 г. Временное правительство освободило Щепкина от должности председателя с оставлением в составе Турккомитета. Новыми членами комитета стали присяжный поверенный И. Н. Шендриков и В. А. Чайкин. На Чайкина было возложено председательствование в комитете⁴³.

Узнав о кадровом решении Временного правительства, находившийся в Петрограде в качестве делегата на I Всероссийском съезде Советов большевик А. Я. Першин сообщил в Ташсовет: «Мусульмане выставили кандидатуру Чайкина, мы протестовали. Сегодня мы предупредили Убайдулла Ходжаева, чтобы он и мусульманский комитет сепаратным путем не действовали и не выдвигали бы кандидатур на место председателя Турккомитета без согласия краевого Совета»⁴⁴.

8 июля 1917 г. Временное правительство все же издало указ о назначении В. А. Чайкина председателем Турккомитета⁴⁵. Першин перешел к угрозам и шантажу. Ходжаев телеграфировал из Петрограда: «Делегаты из Ташсовета... усиленно выставляют на должность председателя Турккомитета кандидатуру Наливкина. Если же пройдет Чайкин, то они, по их словам, отправят его в арестантском вагоне. Поэтому Чайкин полностью отказался. По нашему мнению, кандидатура уважаемого Наливкина неприемлема»⁴⁶.

Министру внутренних дел свой отказ Чайкин объяснил следующим образом: «Ввиду полной невозможности для меня по состоянию здоровья занять пост председателя Туркестанского комитета Временного правительства и исходя из уверенности, что при создавшихся за последние дни в Туркестане условиях, о которых ЦК уведомлен срочными депешами Краевого Совета, должно последовать немедленное вступление председателя Комитета в исполнение обязанностей. Находя, что срочное назначение на пост Турккомитета

⁴² Архив новейшей истории России. Серия: «Публикации». Т. IX: Журнал заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 3. Июль — август 1917 г. С. 35.

⁴³ Там же. С. 59.

⁴⁴ Цит. по: История и историки Узбекистана в XX столетии... С. 91.

⁴⁵ Азгамходжаев С. С. История Туркестанской автономии (Туркистон махтурияти). Ташкент, 2006. С. 94.

⁴⁶ Цит. по: История и историки Узбекистана в XX столетии... С. 91—92.

тов. В. П. Наливкина может наилучшим образом способствовать при данных условиях устранению тяжелых недоразумений между Турккомитетом и Советами края, я от занятия поста председателя Комитета, на который назначен указом Временного правительства от 8 июля, отказываюсь»⁴⁷.

Мусульмане края выставили кандидатом на столь ответственный пост немусульманина. Принимая такое решение, они руководствовались, объясняя свой выбор на заседании Икомуса, отнюдь не этноконфессиональными критериями, а деловыми качествами кандидата. Однако и туркестанские большевики, протестуя против такого выбора, руководствовались исключительно политическими мотивами. Вероятно, Чайкин был для них настолько неудобной фигурой, что его этноконфессиональная принадлежность не имела для них равным счетом никакого значения. При этом у Временного правительства в Петрограде вообще не было никакого кандидата на эту должность. Оно отдало решение вопроса на откуп внутренним политическим акторам. Это лишний раз доказывает, что острейшую политическую борьбу за власть в Туркестане, развернувшуюся в 1917 г., нельзя сводить только к противостоянию «мусульман» / «немусульман».

Очень может быть, в тех непростых обстоятельствах Чайкин⁴⁸ искренне верил, что кандидатура Наливкина, рукопожатная как для Временного правительства, так и для Советов, будет способствовать «умиротворению» политических оппонентов и выработке политического консенсуса. Однако то, что Ташсовет делал ставку на Наливкина как на слабого политика, с которым даже и не планировали договариваться, а на которого рассчитывали оказывать давление, ведя себя с очень пожилым человеком, напоминающим Дон Кихота, не по-джентльменски, стало очевидным уже очень скоро.

А пока шла политическая борьба, обязанности председателя Турккомитета исполнял А. Н. Липовский⁴⁹. За это время было принято Постановление Туркестанского комитета Временного

⁴⁷ Цит. по: Там же. С. 92.

⁴⁸ В ноябре — декабре 1917 г. В. А. Чайкин был делегатом IV съезда партии социалистов-революционеров (ПСР). Избран в состав ЦК ПСР. Но в ноябре 1918 г. вышел из ЦК ПСР, отказавшись от вооруженной борьбы против большевиков. Несколько раз арестовывался за антисоветскую деятельность. В 1920—1930-е гг. отбывал ссылку в Вятке, Ташкенте, Алма-Ате. В 1941 г. Чайкина расстреляли.

⁴⁹ *Флыгин Ю. С.* Владимир Наливкин: ориенталист, педагог, администратор. Ташкент, 2017. С. 63.

правительства об организации в городах (кроме Ташкента) Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской и Закаспийской областей и в русских поселениях Бухарского ханства особых местных комитетов для производства выборов гласных в городские Думы⁵⁰.

На заседании Временного правительства 19 июля 1917 г. управляющий Министерством внутренних дел И. Г. Церетели внес устное предложение о назначен председателем Туркестанского комитета Временного правительства В. П. Наливкина⁵¹. По мнению П. А. Ковалева, согласившись занять этот пост, Наливкин стал «орудием демократического прикрытия для сил реакции и милитаризации»⁵².

Большую часть своей жизни Наливкин провел в Туркестане, прекрасно знал местные языки, был исследователем-самоучкой, написал ряд научных работ о жизни и обычаях мусульман Туркестана. М. Чокаев напишет о нем в своих воспоминаниях: «Симпатии наши — туркестанцев — вообще к Наливкину известны»⁵³. Тогда почему кандидатура «уважаемого Наливкина» была неприемлема для туркестанских мусульман? Для нас этот вопрос остается открытым.

Академик В. В. Бартольд, лично знавший Наливкина и состоявший с ним в переписке, описал его судьбу как «обычную в истории русской интеллигенции картину неумения общества использовать исключительные знания и дарования своего члена и неумения самого деятеля найти свой настоящий путь»⁵⁴.

Максим Горький ставя в один ряд его и Савву Морозова, писал, что хоть у таких людей и «мозги набекрень», но они настоящие «красавцы и праведники»⁵⁵.

В конце июня 1917 г. на II Туркестанском съезде РСДРП Наливкин выступил с приветственной речью: «... Я беру на себя смелость приветствовать вас от имени социал-демократической фракции II Государственной думы. Заранее приветствую те труды, которые вам придется понести: я приветствую их, так как рано

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 365. Л. 5–6 об.

⁵¹ Архив новейшей истории России. Серия: «Публикации». Т. IX: Журнал заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 3. Июль — август 1917 г. С. 121.

⁵² Ковалев П. А. Общедемократическое движение за мир в Туркестане в период от Февраля к Октябрю // Труды САГУ. Ташкент, 1959. Вып. 150. С. 51.

⁵³ Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 1917 г. ... С. 30.

⁵⁴ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. II, Ч. I. М., 1963, С. 305–306.

⁵⁵ Лукин Б. В. Владимир Петрович Наливкин // Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Ташкент, 1974. С. 251.

или поздно, они как звенья соединят воедино весь трудовой пролетариат. Я уверен, что эти труды однажды явят собой один из тех камней, из которых мощная и искусная рука жизни создаст величественную триумфальную арку, пройдя под сводами которой мировой пролетариат вступит, наконец, победоносно в заветные пределы социал-демократической республики»⁵⁶.

Это небольшое выступление, считает Ю. С. Флыгин, как большинство текстов Владимира Петровича на общественно-политическую тематику, представляет «смесь патетики, идеализма и демагогии»⁵⁷.

Кроме позиции местных большевиков на решение о назначении Наливкина главой Турккомитета, мог повлиять и Керенский. Детство и юность А. Ф. Керенского прошли в Ташкенте. В 1889 г., после назначения его отца Ф. М. Керенского, на должность Главного инспектора училищ края, семья переехала туда из Симбирска⁵⁸. Но едва ли Наливкин, делает вывод Ю. С. Флыгин, со своей характерной чертой метаться из стороны в сторону, был лучшей кандидатурой на эту должность в то бурное время⁵⁹.

Толстовские взгляды Наливкина, неприятие идеологии насилия и волевого решения проблем общественной жизни отдаляли его от большевиков. В то же время он не оставлял попыток примирить большевиков и меньшевиков. «Однако же, будем надеяться, — писал он, — что при обоюдном желании, корректных отношениях как к своей, так равно и к чужой свободе выйти из всякого положения возможно более приличными и человеческими способами, не сделавшись врагами»⁶⁰.

20 января 1918 г. Николай Петрович покончил жизнь самоубийством на могиле жены, скончавшейся в ноябре 1917 г. Н. П. Остроумов, долгие годы хорошо знавший Наливкина, так сформулировал своеобразный итог его жизни: «...желал только полезного для Туркестана и много трудился, но не достиг исполнения своих желаний и в отчаянии, по горделивому самолюбию, окончил жизнь самоубийством»⁶¹.

⁵⁶ Цит. по: *Флыгин Ю. С.* Владимир Наливкин... С. 63–64.

⁵⁷ Там же. С. 63

⁵⁸ *Котикова Т. В.* Семья Керенских в Туркестанском крае (по документам ЦГА Республики Узбекистан) // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 69–73.

⁵⁹ *Флыгин Ю. С.* Владимир Наливкин... С. 64.

⁶⁰ Туркестанские ведомости. 1917. № 35.

⁶¹ НА РУз. Ф. Р-1009. Оп. 1. Д. 66. Л. 36.

По мнению С. Н. Абашина, Наливкин — пример периферийного социализма, воспринятого колонистами из европейской части империи скорее как оппозиционная мода из центра. Однако «колонисты не смогли построить свои социалистические убеждения на антиколониальной риторике, которая подрывала их собственный статус, носителей прогресса и ставила в сложное, если не сказать опасное положение по отношению к местному мусульманскому обществу»⁶².

Социально-демократические идеи, отмечает А. Б. Джумаев, исповедовала значительная часть российских интеллектуалов, служивших в Туркестанском крае. Многие из них, даже крупные царские чиновники, подвергали критике идеи капиталистического развития, осуждали сопутствующие капитализму наживу, жульничество, социальную несправедливость⁶³.

Тем временем Турккомитет продолжало лихорадить. Он стремительно утрачивал реальную власть, которая все больше переходила в руки Советов. Спасение ситуации Временное правительство и Турккомитет искали в новых кадровых назначениях.

23 июля 1917 г. Временное правительство, наконец, приняло решение освободить председателя Турккомитета В. А. Чайкина от занимаемой должности с 23 июля, согласно его заявлению⁶⁴.

24 июля 1917 г. в Ташкенте Туркестанский краевой Совет рабочих и солдатских депутатов предложил новый состав Турккомитета: В. П. Наливкин (председатель), В. С. Елпатьевский, В. А. Чайкин, И. Н. Иванов (бывший городской голова Ташкента), М. Чокаев, Фуад Тактеров (в случае отказа — Юргали Агаев, будущий министр в кабинете автономного правительства в Коканде). Совет заявил о желательности контролировать действия Турккомитета. Такая откровенная попытка узурпации власти не нашла поддержки среди населения. Например, Ташкентский совет общественных организаций в ответ на запрос МВД о форме управления в Туркестане заявил о желательности назначить на пост предсе-

⁶² Абашин С. Н. «Мое мировоззрение» Владимира Наливкина: взгляды российского социалиста на имперской окраине // Центральная Азия в эпоху средневековья и нового времени: общество, культура, источники / под ред. Д. Алимовой, Ф. Шварц. Ташкент, 2019. С. 169.

⁶³ Джумаев А. Б. «Скажите, а Ленин еще вернется?» К истории Октябрьской революции в Средней Азии: наброски и размышления с неизбежными экскурсами в современность // Дружба народов. 2017. № 10. С. 220–221.

⁶⁴ Архив новейшей истории России. Серия: «Публикации». Т. IX: Журнал заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 3. Июль — август 1917 г. С. 154.

дателя Турккомитета лица «не из местных деятелей» и введения должности особого министра по делам Туркестана во Временном правительстве⁶⁵.

27 июля 1917 г. в Азиатской части Главного Штаба была распространена докладная записка об учреждении при Временном правительстве особого комитета по делам Туркестанского края⁶⁶. Правда, он функционировал меньше месяца и был последним по времени крупным учреждением, созданным Временным правительством. Планы особого комитета были очень широкими, стоял даже вопрос о создании в Ташкенте мусульманского университета. Глава комитета (комиссар) на правах министра входил в состав Временного правительства. Им стал Н. Н. Шнитников, получивший с приходом к власти Временного правительства статус сенатора⁶⁷.

Этот шаг был ни чем иным, как попыткой сохранить лицо центральной власти и оставить за собой хотя бы видимость права последнего слова, соорудив над головой председателя Туркестанского комитета (Наливкин был утвержден в этой должности официально, после оказанного большевиками давления по всем политическим фронтам), надстройку в виде комиссара Временного правительства по делам Туркестана.

По этому поводу в центральной прессе появилось интересное суждение, что Туркестан «можно рассматривать в бытовом и этнографическом отношении как мусульманский, в территориальном — как окраину и в социально-экономическом и правовом отношении как нашу колонию»⁶⁸.

Николай Николаевич Шнитников — отставной коллежский секретарь, юрист, присяжный поверенный, в прошлом — гласный Санкт-Петербургской городской думы, народный социалист, активно проявил себе на волне революционных событий 1905—1907 гг.⁶⁹ Один из лидеров кадетской партии, В. Д. Набоков, упоминает Шнитникова в воспоминаниях, давая следующую характеристику: «Помню, что чуть ли не в первом заседании в субботу Керенский объявил, что он в товарищи (заместители. — Т. К.) себе берет Н. Н. Шнитникова, и помню, что этот незначительный

⁶⁵ Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России... С. 329.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Михайловский Г. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914—1920 гг. Кн. 1. М., 1993. С. 257.

⁶⁸ Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России... С. 418.

⁶⁹ См.: Макаревич М. Л. Городская дума г. Санкт-Петербурга в 1904—1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

факт произвел тогда на меня большое и крайне отрицательное впечатление. ...Шнитников — личность достаточно хорошо известная. Человек добрый и вполне порядочный, он вместе с тем человек с узко предвзятым отношением к каждому вопросу. Ни в адвокатуре, ни в городской думе, ни в какой-либо другой сфере он... никогда не пользовался ни малейшим авторитетом. И его Керенский хотел поставить рядом с собою, во главе всего судебного ведомства! ... Помню, что стоило некоторого труда отговорить Керенского»⁷⁰.

Шнитников получил назначение в Туркестан, вероятно, не без протекции и дружеской поддержки Александра Федоровича. На ключевые посты в руководстве Туркестаном Керенский постарался назначить своих друзей или людей, которых хорошо знал и которым симпатизировал. Его креатурами были: сменивший Н. Н. Шнитникова на посту комиссара Временного правительства в Туркестане генерал П. А. Коровиченко, комиссар по делам Закаспия граф Г. И. Доррер, член Туркестанского комитета Временного правительства И. Н. Шендриков, посланник (комиссар) Временного правительства в Бухаре В. С. Елпатьевский.

Гзовский пишет о Коровиченко, Доррере и Шендрикове, как о некоем политическом триумvirате, управлявшем Туркестаном, правда, очень непродолжительное время. Так же оценивает влияние этих троих французский военный атташе в Персии Ж. Дюкрок⁷¹. Справедливости ради стоит отметить, что должность комиссара по делам Туркестана, которую занимал Шнитников, была практически декоративной.

О назначении Шнитникова и других туркестанских кадровых решениях хорошо знавший его начальник Международно-правового отдела МИД Г. Н. Михайловский писал в воспоминаниях: «То, что замышлялось при Временном правительстве в Средней Азии, далеко превышало прежние мечты и дела царского правительства. Грандиозность предприятия ослаблялась только его полной несвоевременностью и парадоксальным выбором людей»⁷².

И было чему удивиться. Шнитникова с Туркестаном связывало то обстоятельство, что он «имел в свое время адвокатские дела с французами в Бухаре», Елпатьевский, посланник Временного правительства в Бухаре, до того исполнявший обязанности предсе-

⁷⁰ *Набоков В.* Временное правительство (воспоминания). М., 1924. С. 51 — 52.

⁷¹ *Мария Чокай.* Я пишу Вам из Нождана... (воспоминания письма, документ). Алматы, 2001. С. 169.

⁷² *Михайловский Г.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства... С. 258.

дателя сиротского суда в Петрограде, имел какие-то виноградные плантации в Туркестане и изредка наезжал туда⁷³.

В августе 1917 г. по рекомендации Туркестанского краевого мусульманского совета и предложению Керенского указом Временного правительства членом Туркестанского комитета был назначен председатель Туркестанского краевого мусульманского совета М. Чокаев. Чокаев был еще одним личным знакомым главы Временного правительства России. В отличие от царского правительства и большевиков, Временное правительство формировало кадровую политику в крае на принципах землячества и кумовства. На первый взгляд может показаться, что у такого подхода были плюсы (управленцами в край назначались люди, знавшие его специфику или пользовавшиеся личным доверием главы правительства). Однако быть уроженцем края и даже личным знакомым главы правительства не означало быть хорошим управленцем.

Кроме того, областные и уездные комиссары Турккомитета были в основном из числа старых уездных начальников и приставов, работавших еще с Куропаткиным.

В августе 1917 г. на выборах в ташкентскую городскую Думу мусульмане одержали абсолютную победу, получив 75 мест, 64 из которых досталось местным улемам и буржуазии. Эсеры получили 24 места, социал-демократы — 4, другие либеральные партии, национальные группы и общественные организации — 9⁷⁴. Такой исход выборов большевики напрямую связали с бездеятельностью Турккомитета и предрекали городу и краю засилье улемов. М. Чокаев позже писал об этом: «Победа духовенства на городских выборах Ташкента дала и правительственному комитету, и Краевому Совдепу новый лишний повод для похода, на этот раз настоящего похода, против самой идеи совместного сотрудничества туркестанцев и русских в Туркестане...»⁷⁵.

Результаты выборов огорчили и Временное правительство. 24 августа, принимая делегацию мусульман края, Керенский заявил: «Я не верю слухам, что в Туркестане готовятся волнения против России, но предупреждаю, что если бы таковые где-нибудь произошли, то будут приняты самые крутые меры»⁷⁶.

⁷³ Там же. С. 257 — 258.

⁷⁴ Туркестанский Курьер. 1917. 2 августа.

⁷⁵ Чокаев Мустафа. Революция в Туркестане. Февральская эпоха [публикация С. М. Исхакова] // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 15.

⁷⁶ Цит. по: Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России... С. 371 — 372.

Большевики: выход на авансцену революции

Большевики для Туркестана были сравнительно молодой политической силой. В основном это были люди, приехавшие в край на волне февральских событий. Поэтому неудивительно, что они плохо ориентировались в местной специфике. При этом были крайне пассионарны и четко формулировали свои цели и задачи. Начиная с марта 1917 г. они проводили упорную и целенаправленную агитационную работу среди населения, объявив о своих серьезных притязаниях на власть. Весну и лето 1917 г. они накапливали силы, а к сентябрю были готовы к захвату власти силами рабочих (в основном железнодорожных мастерских) и солдат Ташкентского гарнизона. А поводов для антиправительственного выступления в условиях царившего тогда политического хаоса и продовольственной разрухи было достаточно.

В сентябре 1917 г. в Самарканде забастовали рабочие картонажного отделения товарищества Газарова. В Ташкенте бастовали машинисты Туркестанской железной дороги. В первых числах сентября рабочие хлопковых, маслособойных и мыловаренных заводов — основной промышленности Туркестана — предъявили ряд требований владельцам предприятий. В ответ некоторые фабриканты объявили локаут⁷⁷.

8 сентября на объединенном заседании Туркестанского краевого и Сырдарьинского областного съезда Советов была принята резолюция о создании Краевого военно-революционного комитета.

11 сентября в Ташкенте, в связи с сообщением о переходе Петроградского Совета в руки большевиков, было создано совещание краевых демократических организаций. Большевики выступили с предложением объявить это совещание Революционным комитетом и передать ему всю полноту власти. Их предложение было отклонено 11 голосами против 6⁷⁸.

Протестуя, большевики покинули собрание. Они ушли на заседание исполкома Ташкентского Совета и внесли там только что провалившуюся резолюцию об организации Ревкома. Теперь заседание покинули правые эсеры. После их ухода исполком Ташсовета принял резолюцию большевиков о передаче власти Советам, создании Ревкома и об устройстве общегородской демонстрации.

⁷⁷ Голубева Р. Сентябрьские события 1917 г. в Ташкенте // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 26.

⁷⁸ Свободный Самарканд. 1917. 17 сентября.

Правые эсеры направились к генералу Черкесу и сообщили ему о принятой исполкомом резолюции. В свою очередь Туркестанский комитет Временного правительства в экстренном порядке запретил проведение митингов⁷⁹.

Несмотря на это, 12 сентября большевики организовали шеститысячный митинг рабочих и солдат Ташкента. Из трех предложенных на голосование резолюций — эсеровской, меньшевистской и большевистской — митинг принял резолюцию большевиков: о немедленной реквизиции продуктов и предметов первой необходимости; об осуществлении рабочего контроля над производством и распределением продуктов; о переходе земли без выкупа в руки крестьян; об издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов, профсоюзов и фабричных комитетов; о передаче всей власти в руки Совета⁸⁰.

Сместив в городе представителей власти, назначенных Временным правительством, и арестовав членов краевого Совета рабочих и солдатских депутатов, Ташсовет попытался овладеть властью во всем Туркестане. Был избран Временный революционный комитет, состоявший из 14 человек: 5 большевиков, 2 меньшевика, 5 эсеров и 2 анархиста⁸¹. Под его руководством была предпринята попытка государственного переворота.

И так, коалиция была создана. Большинство в Ревкоме принадлежало эсерам и меньшевикам. Однако такая коалиция устраивала большевиков и не противоречила их политическим взглядам на «текущий момент», в отличие от следующей, не сложившейся коалиции с демократическими политическими организациями мусульман Туркестана.

Генералу Черкесу не удалось разогнать митинг: военные части, получившие от него соответствующий приказ, отказались его выполнить. Вечером того же дня было устроено экстренное совещание Турккомитета и генерала Черкеса с представителями Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов. Черкес предложил немедленно арестовать членов Ревкома, но сам был арестован ими. 12 сентября, вечером, в Доме Свободы⁸² в разных комнатах заседали

⁷⁹ Наша газета. 1917. 12 сентября.

⁸⁰ История Узбекской ССР. Ташкент, 1974. С. 234.

⁸¹ Наша газета. 1917. 14 сентября.

⁸² Первоначально в 1909 г. — дом хлопкозаводчика Водьяева, с 1910 г. — Общественное собрание, с 1917 г. в здании находился Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов. С этого периода здание стало называться Дом Свободы.

Революционный комитет и Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов⁸³. Гзовский в своих «красных» воспоминаниях описывает этот сюжет.

13 сентября Краевой Совет созвал объединенное собрание с представителями краевых крестьянского и киргизского Советов, на котором было принято решение не признавать Ревкома и Исполкома, о чем было опубликовано обращение к населению. В ответ на это Исполком Ташсовета отстранил от работы руководителей Краевого Совета.

На следующий день руководители Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов бежали в Скобелев (ныне г. Фергана), где уже находились многие офицеры и чиновники, как царского, так и Временного правительства, на поддержку которых они рассчитывали. В Скобелеве так же находились В. Чайкин и М. Чокаев.

14 сентября председатель Турккомитета Наливкин отправил в Петроград телеграмму, прося выслать в Ташкент вооруженную помощь.

Реакция Петрограда не заставила себя долго ждать.

16 сентября 1917 г. в ответной телеграмме глава Временного правительства А. Ф. Керенский шлет в Ташкент срочную телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «...преступная попытка Ташсовета расшатать в Туркестане власть центрального правительства является явно контрреволюционной и будет признана мятежом со всеми вытекающими из этого последствиями. Захватчики власти, кем бы они ни являлись и кого бы ни представляли, в двадцать четыре часа не подчинившиеся представителям Временного правительства, понесут наказания по всей строгости закона»⁸⁴.

В тот же день, направляясь к Дому Свободы, Наливкин был арестован. Юнкера Ташкентской школы прапорщиков и военного училища поспешили ему на помощь⁸⁵.

В Доме Свободы Наливкину был устроен буквально допрос. В результате оказанного давления Владимир Петрович признал, что «был введен в заблуждение, почему и в таком (негативном. — Т. К.) виде освещал перед Временным правительством ход ташкентских событий»⁸⁶.

⁸³ Голубева Р. Сентябрьские события 1917 г. в Ташкенте... С. 30—31.

⁸⁴ НА РУз. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.

⁸⁵ Туркестанские ведомости. 1917. 8 октября.

⁸⁶ Цит. по: Флыгин Ю. С. Владимир Наливкин... С. 67—68.

17 сентября между Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов и Наливкиным было подписано соглашение, по которому он должен был телеграфировать генералу Коровиченко об отмене его военной экспедиции в Ташкент. Большевики в свою очередь давали обязательство прекратить антиправительственные выступления. Но тут же нарушили свои обещания. Поэтому Наливкин отказался выполнять свои⁸⁷.

Еще одна версия происходивших событий передана в воспоминаниях начальник 3-го политического отдела МИД Российской империи В. О. фон Клемма. В сентябре большевики как-то остановили на улице автомобиль председателя Турккомитета, Наливкина, и вынудили его уступить Совдепу ряд функций высшего управления краем. Они настояли также на допущении в Турккомитет специального комиссара в лице Е. Л. Вайнштейна, каковому должны были быть вручены такие же права, как председателю Комитета. Они потребовали также разоружения кадетского корпуса и военного училища, недопущения в край генерала Коровиченко, который был назначен генеральным комиссаром Туркестана и спешил в Ташкент из Петрограда с войсками. Наливкин подписал документ, согласившись на все эти требования с единственным условием, что Совдеп должен признать его как главнокомандующего войсками. Этот пост он принял вследствие болезни генерала Л. Н. Черкеса⁸⁸.

Соглашение, в которое вступил Наливкин под давлением большевиков, обсудили на чрезвычайном заседании Турккомитета под председательством Шендрикова. Было принято единодушное решение, что не может быть никаких соглашений с горстью людей, которые задумали свержение власти. «Наливкин скоро открыл, — вспоминал В. О. фон Клемм, — какую ошибку он допустил, ибо демагоги вскоре напечатали его обязательство и жестоко осмеивали его лично в своих газетах, не выказывая никакой жалости к этому старому и добродушному человеку, на назначении которого на пост председателя Туркестанского комитета они сами настаивали ранее перед центральным правительством»⁸⁹.

20 сентября председатель Турккомитета В. П. Наливкин, обращаясь к областным и уездным комиссарам, начальникам военных гарнизонов края назвал сентябрьские события в Ташкенте контр-

⁸⁷ Флыгин Ю. С. Владимир Наливкин... С. 68.

⁸⁸ Вильям фон Клемм. Очерк революционных событий в русской Средней Азии [публикация В. Л. Гениса] // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 17.

⁸⁹ Цит. по: Там же. С. 18.

революционными, «имеющим мятежный характер выступлением темных сил под руководством безответственных лиц»⁹⁰.

21 сентября на заседании Ташсовета была принята резолюция, в которой действия Наливкина осуждались, а Турккомитету выражалось полное недоверие, с требованием отставки Наливкина.

Такого рода известия из Ташкента продолжали поступать и спустя неделю после мятежа. Из телеграмм, получаемых министром-председателем А. Ф. Керенским, было очевидно, что улучшения обстановки не происходило⁹¹. Поэтому войска под командованием генерала П. А. Коровиченко для восстановления порядка в Туркестан все же отправили. 24 сентября они прибыли в Ташкент. Коровиченко был назначен Генеральным комиссаром Временного правительства по управлению Туркестанским краем вместо никак не проявившего себя на этом посту Н. Н. Шнитникова и командующим войсками Туркестанского военного округа вместо В. П. Наливкина ушедшего в отставку.

25 октября 1917 г. в Ташкенте состоялось совещание большевиков и членов Исполнительного комитета Ташкентского Совета, на котором было принято решение об организации вооруженного восстания в Ташкенте. Действуя на опережение, в ночь с 27 на 28 октября генерал Коровиченко отдал приказ окружить здание, где проходило совещание. Были произведены аресты. Утром 28 октября 1917 г. в Ташкенте начались вооруженные столкновения между войсками Туркестанского комитета Временного правительства под командованием Коровиченко и революционно настроенными солдатами ташкентского гарнизона и рабочими железнодорожных мастерских. Коровиченко потерпел поражение и был арестован. К вечеру 31 октября весь город был занят революционными солдатами и рабочими. Утром 1 ноября революционные отряды ворвались в Ташкентскую крепость, где находились сторонники Временного правительства. Параллельно были произведены массовые аресты. В Ташкенте была установлена советская власть. Бывшему председателю Турккомитета Наливкину опасаясь за свою жизнь, пришлось перейти на полуправильное положение. Об этом в воспоминаниях пишет очевидец событий — лидер башкирского национального движения Ахмет-Заки Валидов (Валиди Тоған)⁹².

⁹⁰ НА РУз. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 18—19.

⁹¹ Известия Совета рабочих и солдатских депутатов. № 177. 21 сентября 1917.

⁹² Тоған З. В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 129.

В это время в сотнях километров от Ташкента в пограничной крепости Кушка, разворачивались не менее драматичные события. В противовес власти Советов в Закаспии было организовано свое демократическое правительство, опиравшееся главным образом на железнодорожных рабочих Асхабадских и Кызыл-Арватских мастерских. 28 октября 1917 г. в Кушке встретились представители Закаспия и ташкентских рабочих, которым угрожал генерал Коровиченко. Ташкентцы требовали от Кушкинского гарнизона поддержки, планируя после операции в Ташкенте отправить Кушкинский отряд дальше на запад, к Оренбургу. Представитель Ташкента на митинге, состоявшемся в крепости, сделал доклад о положении в столице края. После него выступил комиссар Временного правительства граф Доррер. Он уговаривал кушкинцев никаких отрядов в Ташкент не посылать. Однако его выступление успеха не имело и 29 октября сборный отряд около 1200 человек (солдат и железнодорожных рабочих) выдвинулся к столице края.

Помощь подошла вовремя. Отряд занял главные стратегические пункты в городе. Вскоре выступление генерала Коровиченко было подавлено. Из Ташкента отряд был направлен в Бухару, но поход потерпел неудачу. Одна часть отряда вернулась в Ташкент, другая — в Асхабад⁹³.

«Переворот в Ташкенте, — по воспоминанию одного из участников событий, — был совершен и молчаливо признан всем краем»⁹⁴.

Однако местные демократические национальные политические организации отнеслись отрицательно к свержению Турккомитета. Они пытались отстоять свой альтернативный проект в виде Туркестанской автономии, речь о котором еще впереди.

2 ноября 1917 г. состоялось совещание всех демократических организаций, на котором рассматривался вопрос о создании временной краевой власти, призванной заменить Туркестанский комитет. Решено было составить новый краевой орган из 9 человек — 3 от Совдепа, 2 от мусульманских депутатов, и по одному от узбеков, киргизов, эсеров и меньшевиков⁹⁵. 13 ноября представители краевых городских самоуправлений заявили о том, что мусульмане сами способны создать власть, соответствующую специфике края⁹⁶.

⁹³ НА РУз. Ф. Р-2559. Оп. 1. Д. 23. Л. 5—6.

⁹⁴ Белов И. П. Туркестан // Этапы большого пути: воспоминания о гражданской войне. М., 1963. С. 386.

⁹⁵ Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России... С. 514.

⁹⁶ Там же.

Мусульманские организации Туркестана и их политический дискурс

Главным вопросом русской революции 1917 г. был вопрос о власти: на каких принципах она будет организована, и какие пути решения сложившихся проблем будут выбраны. В Туркестане самой острой составляющей этого вопроса стало определение его статуса в составе России и степени участия мусульманского населения в организации региональных властных структур и принятии решений, поскольку на момент Февральской революции своего готового национального проекта у местной мусульманской элиты не было⁹⁷.

При этом, как и вся Россия, край переживал период мощнейшего общественно-политического подъема, иногда напоминавшего эйфорию. Региональная мусульманская пресса пестрела публикациями, совокупный смысл которых сводился к примерно следующему: «Да здравствует великая Россия! Пришла пора счастливой жизни. Управление страной стало делом всенародным... Все народы теперь уравнины в социально-политических правах. Отныне уже больше нет “пасынков”. Все являются родными детьми одной родины»⁹⁸. И тот же автор: «...все еще находимся в спячке и не можем открыть глаза. Все еще инертность всей своей тяжестью душит и давит нас. Эх, каковы же в конце концов будут наши дела?!»⁹⁹.

Весной — летом 1917 г. в крае были организованы первые политические организации/партии. Назовем лишь самые крупные¹⁰⁰: Шура-и-Исламия («Совет мусульман», организация т. н. младотуркестанцев, или младосартов¹⁰¹, председатель Мунавар-кары Абдурашидханов, возникла в марте 1917 г.), состоявшая в основном из представителей местных мусульманских торгово-промышленных кругов и интеллигенции, разделявших идеи модернистского движе-

⁹⁷ Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918—1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии: коллективная монография / под общ. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул, 2018. С. 64.

⁹⁸ Великая российская революция 1917 года... С. 46.

⁹⁹ Там же. С. 53—54.

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана в 1917—1918 гг. Ташкент, 2014.

¹⁰¹ Сартами до начала 1920-х гг. называли оседлое (в основном городское) население Туркестана. По аналогии с реформаторским джадидским движением в Османской империи, младотурками, сторонников новых просвещенческих идей в Туркестане русское правительство называло младосарты.

ния в исламе — джадидизма, представители которого настаивали на реформации мусульманского общества; Улема Джамиати, больше известная под названием Шууро-и-Улема (консервативная, как принято считать, партия, основу которой составляли кадимисты, оппоненты джадидов, вышедшая в июне 1917 г. из состава Шууро-и-Исламия, председатель Серали Лапин) и партия Тюрк адами марказият фиркаси¹⁰², также по большей части состоявшая из туркестанских джадидов.

В действительности, серьезной разницы в реформаторских идеях так называемых «джадидов» и «кадимистов» не было, как это доказывают исследования последних лет. Как полагают Б. Бабаджанов и П. Сартори, «в нарративах о “джадидизме” и “кадимизме”, первые из них отнесены к сторонникам ‘прогресса и модернизма’, а их визави обвиняются в косности и консерватизме. Такой подход тоже теряет смысл, когда в способах аргументаций и, особенно, в темах, которые они обсуждали, мы находим больше сходств, чем противоречий. Во всяком случае, аналитические категории, построенные на внутренней (взаимной) публицистической критике реформаторов и на полемических ярлыках, заводят в методологический тупик, особенно в обзорах и анализе разных проблем, которые обнаруживаются в журналах тех реформаторов, кто переведен в разряд ретроградов»¹⁰³.

Например, анонимный автор газеты «Наджат» относительно акторов двух основных политических объединений Шууро-и-Исламия и Улема Джамиати использует термины «молодежь» и «улемы». Целью и задачей «улемского объединения» он считал захват власти в Шууро-и-Исламия и в Туркестане в целом. Доказательством тому служило на первом этапе «изгнание русских», а затем — «молодых своих неверующих-кафиров», которые все еще находились у кормила власти в Шууро-и-Исламия¹⁰⁴.

Шууро-и-Исламия была организована по типу Советов. Первоначально на руководящие позиции вышли местные джадиды: М. Бехбуди, У. Ходжаев, М. Абдурашидханов. К ним примкнула многочисленная для Туркестана светская, русифицированная группа политиков, преимущественно этнических казахов — М. Чокаев,

¹⁰² Тюрк адами марказият фиркаси — партия тюркских федералистов, если дословно, то «Центр тюркских народов». Другой встречающийся в литературе и источниках вариант названия — Тюрк адами марказияти.

¹⁰³ *Бабаджанов Б. М., Сартори П.* У истоков советского дискурса о «Хорошем исламе» в советской Центральной Азии // *Ab imperio*. 2018. № 3. С. 37.

¹⁰⁴ Великая российская революция 1917 года... С. 183—186.

М. Тынышпаев¹⁰⁵. За короткий срок она создала свои филиалы во многих городах Туркестана, особенно в Ферганской долине — Коканде, Андижане, Намангане, Скобелеве, Маргилане, а также в Самарканде и Мерве¹⁰⁶. Один из наиболее авторитетных просветителей края, Абдулла Авлони, давал организации такую характеристику: «Этот «Шура-и-Исламия» первым положил фундамент для претворения в жизнь союза, являющегося основной своей идеей, познакомил, соединил и сдружил казахов, узбеков и татар, которые угнетались и были отделены друг от друга при старом режиме тиранов»¹⁰⁷.

Сохранился один из протоколов общего собрания «Шура-и-Исламия» в Ташкенте от 1 апреля 1917 г., постановляющая часть которого позволяет нам представить диапазон интересов этой организации: просить Временное правительство о назначении в члены Турккомитета генерала Давлетшина; просить будущий общемусульманский съезд по возможности созвать не в Петрограде, а в Казани, для удобства мусульман; создать специальное бюро для увольнения полицейских, работавших в Туркестане еще при царской власти; сформировать комиссию для борьбы с саранчой; приступить к изданию партийной газеты; сформировать комиссию для проведения подготовительной работы к предстоящему съезду исполнительных комитетов Туркестанского края; избрать представителей для участия на собрании в Совете рабочих и солдатских депутатов Туркестана; избрать комиссию для подготовки избирательной кампании по выборам нового казия г. Ташкента¹⁰⁸.

О джадидах или младотуркестанцах (младосартах) А. Гзовский отзывался как о политической силе имеющей незначительное количество последователей, «которые ничем не отличаются от своих дедов, разве что своим европейским платьем», и которые никогда не расстанутся со своей национальной шапкой-гюбетейкой.

Гзовский описывает, как в период нахождения у власти Временного правительства он сам видел, как на заседании Ташкентского Совета «младосарты прервали заседание, чтобы пойти в мечеть на молитву, неоднократно совершали молитвы в зале, украшенном красными знаменами, в присутствии своих русских товарищей».

Многие из представителей Шура-и-Исламия (Мунавар-кары Абдурашидханов, Мустафа Чокаев и др.) откровенно говорили,

¹⁰⁵ Гражданская война в Степном крае и Туркестане... С. 63.

¹⁰⁶ Знамя Свободы. 1917. 27 июня.

¹⁰⁷ Великая российская революция 1917 года... С. 157.

¹⁰⁸ Там же. С. 64—65.

что добиваться национально-территориальной автономии не только не нужно, но и вредно. Они считали, что «мусульмане не могут сами справиться с управлением земельно-водными делами», а поэтому надо добиваться автономии только в культурно-просветительных вопросах¹⁰⁹. На наш взгляд, такие требования во многом схожи со статусом Бухарского эмирата и Хивинского ханства в составе Российской империи, во внутреннюю, прежде всего религиозную жизнь которых, империя не вмешивалась.

По планам улемистов, Туркестан должен был стать автономной республикой в составе России со своим законодательным собранием (сам Лапин выдвигался кандидатом на выборах во Всероссийское учредительное собрание). Ими была подготовлена конституция «Туркестанского штата». Законодательная система будущего «штата» должна была согласовываться с основными законами Российской республики и с законами шариата¹¹⁰.

Решение о создании Партии тюркских федералистов (Тюрк адами марказият фиркаси) в Туркестане было принято на съезде мусульманских организаций Ферганской области в июле 1917 г. Программа Туркестанского комитета партии во многом стояла на политической платформе партии закавказских мусульман Мусават (Равенство)¹¹¹ и носила, по мнению Н. С. Валихановой, отпечаток пантюркизма¹¹². С. М. Исхаков полагает, что на самом деле туркестанские федералисты, воспринимали Туркестан в качестве автономной единицы, связанной с Российской республикой¹¹³.

В Туркестане возникли и локальные и национальные политические объединения, сфера влияния которых порой не выходила

¹⁰⁹ *Кастельская З. Д.* Из истории Туркестанского края... С. 106.

¹¹⁰ *Исхаков С. М.* Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии // *Acta Slavica Iaponica*. Т. XVIII. 2001. С. 212.

¹¹¹ Известны две политические партии с таким названием. Первая из них была образована в 1911 г. в Баку под названием «Мусульманская демократическая партия Мусават». После Февральской революции 1917 г. Мусават выступила за создание «Российской демократической республики», требуя при этом национально-территориальной автономии для Азербайджана. В июне 1917 г. произошло объединение Мусавата с Партией тюркских федералистов, и новая партия стала называться «Тюркская демократическая партия федералистов-мусаватистов». В программе этой партии уже содержалось требование национально-территориальной автономии в составе демократической России.

¹¹² *Валиханова Н. С.* Историография национальных движений партий Средней Азии за период 1917–1991 гг.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. С. 73.

¹¹³ *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция (лето 1917 г. — весна 1918 г.). М., 2004. С. 209.

за пределы одного города. Так, в Андижане, существовали две самостоятельные партии местных баев-магнатов — М.-К. Мумынбаева¹¹⁴ и А. Темирбекова. Отношения между «партиями» были непростыми, поскольку «руководители» занимались откровенным сведением личных счетов, прикрываясь политической риторикой. За таким столкновением лидеров просматривался главный конфликт — борьба за единоличную власть¹¹⁵. Просветитель и общественный деятель Н. Яушев писал в этой связи: «Было бы, конечно, лучше если бы такие сильные и привлекательные люди притягивали массу к одной цели и идее»¹¹⁶. С Мумынбаевым мы еще встретимся, читая воспоминания Александра Гзовского.

13—20 апреля 1917 г. в Ташкенте при обществе Иттифак прошел съезд туркестанских татар. Общество было организовано 4 апреля 1917 г. с целью «распространения среди народа основ гражданственности и объединения в одном месте мусульман Туркестана»¹¹⁷.

Съезд принял ряд важных решений, среди которых: организация в Ташкенте Центрального бюро туркестанских тюрко-татар в целях объединения всех татарских организаций в Туркестане и реализации содействия культурному, политическому и экономическому развитию татар¹¹⁸.

18 апреля 1917 г. в Ташкенте был организован многотысячный митинг татар, сартов и казахов. Вот как на страницах газеты «Улуг Туркистон» описывается этот праздник свободы: «Вместе с другими празднующими мусульмане тоже с красными знаменами в руках (сарты от имени «Туран тодасы» (группы Туран. — Т. К.) и Общества учащейся молодежи, татары от имени общества Иттифак и кружка учащихся) и с песнями заняли соответствующие места. Среди татар было около 30 учащихся-девушек. ...Господин Щепкин говорил о том, что татары являются самым передовым народом среди мусульман, отметил заслуги их в деле просвещения Туркестана и выразил им благодарность. Сарты со своими песнями, а татары с «Марсельзой» прошли несколько больших улиц...»¹¹⁹.

¹¹⁴ О М.-К. Мумынбаеве подробнее см.: Спасая честь мундира: дело Мир-камя Мумынбаева [публикация Т. В. Котюковой] // Восток свыше. 2015. Вып. 39. № 4. С. 29—48.

¹¹⁵ *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция... С. 156.

¹¹⁶ Великая российская революция 1917 года... С. 64—102.

¹¹⁷ Там же. С. 64—71.

¹¹⁸ Там же. С. 98—99.

¹¹⁹ Там же. С. 87.

В конце митинга все единодушно призывали: «Долой разделение на татар, сартов, казахов. Да здравствует мусульманство и тюркизм!».

Здесь особо хочется обратить внимание на то, что общественно-политическое движение мусульман в России было не просто неоднородным и многовекторным, но и многомерным. Идентичность «мусульманин» при расхожести убеждения, что именно она удовлетворяла все общественные и личные запросы каждого правоверного последователя учения пророка Мухаммада в России, имела ряд уточняющих национальных и региональных маркеров. И коренное мусульманское население, и татары-мусульмане, на наш взгляд, воспринимали себя как «общность» только до определенного момента или в совместном противостоянии третьей силе, например, имперской власти, после чего этнополитические интересы каждого народа выходили на первый план. И организация обществ подобных Иттифаку хорошо иллюстрирует этот тезис.

В конце июня 1917 г. Н. Яушев отмечал, что Ташкентский Шуру-и-Исламия принял решение не допускать вмешательства татар ни в какие внутритуркестанские дела, а туркестанские улемы стремятся к высылке и изгнанию всех татар из пределов Туркестана. По мнению Яушева, враждебность духовенства к татарам возникла в контексте эмансипации женщин-мусульманок¹²⁰.

С другой стороны, нельзя не отметить, что ежегодно сотни татарских учителей и учительниц приезжали в Туркестан, создавались смешанные семьи, татарский язык был главным языком русской мусульманской прессы, понятным, в том числе в Туркестане.

В 1917 г. женский вопрос стал все интенсивнее входить в круг политических проблем. Острые дебаты разгорелись между Шуру-и-Исламия и Улема Джамяти. Последние считали, что говорить об общественной активности женщин — это безумие. Сторонников эмансипации туркестанские улемы обвиняли в богоотступничестве. Участие женщин в выборах во Всероссийское учредительное собрание представители Шуру-и-Исламия считали наиважнейшим, но не потому что их беспокоила судьба этой самой бесправной части туркестанского социума, а потому что это были потенциальные избиратели, чьи голоса на выборах могли оказаться решающими. «В Ташкенте есть 48 тыс. русских и военных, — писал Бехбуди, — здесь проживают 44 тыс. мужчин мусульман и 35 тыс. женщин мусульманок. Если в выборах женщины не примут

¹²⁰ Там же. С. 257–258.

участия, то русские могут добиться успеха»¹²¹. После долгих дискуссий в апреле 1917 г. на I Всетуркестанском съезде было принято решение об участии мусульманок в выборах.

Летом 1917 г. в Ташкенте, Асхабаде, Намангане, Мерве, Коканде, Красноводске были созданы туркестанские отделения закавказской социал-демократической организации Гуммет («Община»). Мервская группа Гуммет распространяла поступавшую из Баку литературу, вела просветительскую работу среди местного населения. При непосредственном участии гумметистов в Туркестане были созданы Советы мусульманских депутатов¹²².

В последние тридцать лет принято считать, что распространение идей социалистического переустройства общества в Туркестане начала XX в. было совсем незначительным и что оно стало возрастать лишь после революции 1905—1907 гг. Революционные идеи в основном распространялись в среде русских рабочих, в особенности рабочих железнодорожных мастерских и немногочисленных тогда промышленных предприятий. Однако было бы ошибочным считать, что социалистические идеи были неизвестны образованным мусульманам.

С начала XX в. в Среднюю Азию стали завозиться труды европейских авторов, изданные в Стамбуле в переводе на турецкий язык, в которых рассматривались учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса и идеи социалистов. Близкая по духу литература поступала из России и ее мусульманских регионов. Книги ходили по рукам, читались и обсуждались. Однако они, как и программные документы и работы российских социал-революционеров, отпугивали мусульманскую интеллигенцию идеями радикального переустройства всех сторон жизни и призывами к насильственному мему по их осуществлению¹²³.

Революция способствовала появлению в Туркестане и Советов трудящихся мусульман формировавшихся из тыловых рабочих, мобилизованных в 1916 г. и весной 1917 г. возвращавшихся на родину зараженными леворадикальными революционными идеями. В конце апреля в Ташкенте были организованы профсоюзы рабочих кожевников и строителей. В течение мая — июня уже во многих городах Туркестана возникали один за другим, как Советы трудя-

¹²¹ Цит. по: История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX — начало XX в.). Самарканд, 2012. С. 239.

¹²² Там же. С. 270.

¹²³ Джумаев А. Б. «Скажите, а Ленин еще вернется?»... С. 219—220.

щихся мусульман, так и союзы рабочих. В Фергане были созданы первые женские общественные организации — союзы работниц-мусульманок. 25 мая в Коканде был организован Союз рабочих и трудящихся мусульман, 2 июня в Ташкенте — Совет мусульманских рабочих, 14 июня в Андижане — Совет мусульманских рабочих и чайрикеро-издольщиков. Многие рабочие-мусульмане были также членами Советов рабочих и солдатских депутатов. Так было в Андижане, Ходженте, Намангане и Ташкенте и др.¹²⁴

В декабре 1917 г. четыре представителя коренного населения были избраны в состав Исполкома объединенного Совета рабочих, солдатских и мусульманских депутатов города Туркестана. В исполкоме Аулие-Атинского уезда было восемь казахов. Зимой 1917—1918 гг. туркмены входили во все уездные Советы Закаспийской области. В ряде случаев депутаты Советов от мусульман образовывали особые секции. Советы постепенно стали возникать в кишлаках и аулах¹²⁵.

В Андижанском уезде бедняки потребовали конфискации земель у местного миллионера Мумынбаева и хотели его убить. Но андижанская организация Шуру-и-Исламия спасла его и организовала охрану его имущества. За это он предоставил партии помещение для библиотеки в своем торговом пассаже¹²⁶.

Вслед за оживлением политической жизни, небывалый подъем переживала туркестанская мусульманская пресса. Согласно теории «воображаемого сообщества» Бенедикта Андерсона и развитию «печатного капитализма», нация представляет собой политическое сообщество, конструируемое людьми и представляемое как нечто ограниченное, однородное и суверенное посредством периодической печати¹²⁷. Этот принцип как нельзя лучше подходит для характеристики ситуации в Туркестане, поскольку сложно переоценить лепту внесенную прессой в дело формирования местного «воображаемого сообщества» мусульман в начале XX в.

В марте 1917 г. в Туркестане стала издаваться газета «Нажот», поддерживавшая Туркестанский комитет Временного правительства и практически являвшаяся его рупором на тюркском языке.

¹²⁴ *Кастельская З. Д.* Из истории Туркестанского края... С. 107—108.

¹²⁵ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967. С. 217.

¹²⁶ Там же. С. 110.

¹²⁷ См.: *Бенедикт Андерсон.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.

Обращаясь к сартам, татарам, киргизам, редакция называла их «соотечественниками», «земляками» и призывала их к единству. Редактором газеты был М. Абдурашидханов, авторами: В. П. Наливкин, Шакиржан Рахими, Махмудходжа Бехбуди и др.¹²⁸

В первом номере газеты «Туран» (орган Шуру-и-Исламия) от 20 апреля 1917 г. в передовой статье, Фикри (Мирмухсин Шермухамедов) писал: «Будущее правление государства должно сосредоточиться в руках Идараи Рухания, то есть Духовного собрания». Редакционная политика других местных мусульманских газет — «Эль Байроги» (орган кокандской финансовой аристократии), газета «Тюрк адами марказияти» (национально-автономистского направления), газеты «Хуррият» (выпускавшаяся мусульманской интеллигенцией Самарканда), «Шуру-и-Исламия» и др. — была построена на идее полного доверия Турккомитету¹²⁹.

Летом 1917 г. М. Бехбуди опубликовал в газете «Хуррият» статью «Права завоевываются, а не даются», в которой попытался сформулировать проект будущей автономии Туркестана в составе России: «В Ташкенте будет большой Марказ (Центр) и Мажлис (Собрание) избранных из пяти вилайетов (областей) Туркестана по несколько человек от каждого города и уезда, в чем ведении должны быть законодательство и законоисполнение... Этот Мажлис станет посредником между русским правительством и мусульманами. Каждого вали (попечителя) и маъмур (управителя) от Туркестана и от каждого вилайета они будут поддерживать. Дело должно делаться не приказным или насильственным методом, а согласно»¹³⁰. Эти инициативы Бехбуди во многом перекликаются с идеями, ранее появившимися у мусульман Поволжья, а затем у мусаватистов Закавказья.

Осенью 1917 г. непродолжительное время выходила в свет газета «Турк эли», издание Центрального совета мусульман Туркестана. Редакционная политика отвечала интересам сохранения ислама и защиты автономии края.

¹²⁸ *Абдуазизова Н.* История национальной журналистики (генезис и эволюция). Т. 1. Ташкент, 2012. С. 147.

¹²⁹ *Ерзин Х. А.* Февральская революция и подъем революционного движения в Туркестанском крае весной и летом 1917 г. // Труды САГУ им. В. И. Ленина. Вып. № 150. Ташкент, 1958. С. 13.

¹³⁰ Цит. по: *Алимова Д.* Историография проблемы построения национально-демократического правового государства в 1917—1920 гг. в Туркестане, Бухаре и Хиве // Очерки историографии государственности Узбекистана. Ташкент, 2018. С. 268—269.

После провозглашения Туркестанской автономии в Коканде «Эль Байроги» стала практически официальным изданием автономного правительства. Она призывала всех мусульман Туркестана объединиться под единым флагом в национальное государство. Однако, по мнению Н. Абдуазизовой, нельзя сказать, что эта газета имела вес в обществе, потому что она в основном писала для узкого национально-буржуазного и либерально-прогрессивного круга, «народные массы эту газету не читали»¹³¹.

Газета «Улуг Туркистон» была печатным органом татарской общины края. Газета имела богатых спонсоров. Статьи по большей части отражали консервативную точку зрения на происходившее и призывали не подчиняться указам Советов¹³².

Одно из первых мест в рядах национальных изданий того времени занимает газета «Садои Туркистон», издателем и редактором которой был Убайдулла Ходжаев. Основное внимание на страницах газеты уделялось национальному возрождению.

Как видим, политическая жизнь Туркестана весной — летом 1917 г. была достаточно насыщенной, однако, по мнению местных экспертов, беспечность, невежество, слабость национального просвещения и культуры являлись серьезным тормозом для будущего развития. Главнейшей задачей текущего момента они считали суметь использовать неожиданно приобретенную свободу. А для этого в первую очередь необходимо было объединиться. И именно это получалось хуже всего¹³³.

У истоков только зарождавшихся мусульманских партий Туркестана стояли разные люди. Однако с самого начала лидеры мусульманских организаций Туркестана заявили, что они будут поддерживать все начинания Временного правительства, активно включились в процесс подготовки выборов в Учредительное собрание.

¹³¹ Абдуазизова Н. История национальной журналистики... С. 150.

¹³² Там же. С. 150—151.

¹³³ Великая российская революция 1917 года... С. 64—102.

Новаторы и консерваторы

В начале XX в. в Туркестане, в условиях господства традиционных социальных отношений, ислам продолжал оказывать основополагающее влияние на общественно-политическую жизнь коренного населения. Поэтому, по мнению некоторых современных российских исследователей, «оформление идеологии национально-освободительного движения здесь осуществлялось на основе идей панисламизма и пантюркизма»¹³⁴.

Коллеги из Узбекистана возражают: «В Туркестане... не получили развития идеологические воззрения, с которыми выступали так называемые пантюркистские и панисламистские ортодоксы. Лидеры национального движения в Туркестане не ставили перед собой задачу создания единого общетюркского или общеисламского государства. Речь шла лишь об установлении и поддержании более тесных политических, экономических и культурных контактов между различными тюркскими и мусульманскими народами. В этой деятельности они проводили идею объединения усилий всех тюрков и мусульман в их общей борьбе против колониализма и деспотии»¹³⁵.

На наш взгляд, и одна и другая точка зрения являются экстремумами, а истина, как обычно, кроется где-то посередине. Во-первых, обе изложенные идеи к тому времени еще не успели оформиться в идеологию, по крайней мере — массовую. Во-вторых, между этими политическими платформами или идеями не было непреодолимой преграды. Идея «туркестанской» (не «тюркской»!) автономии обязательно включала конфессиональный компонент, а в идеях об исламской автономии, обязательно говорилось об автономии Туркестана.

Национальные и этнократические интересы, считает С. М. Исхаков, оказались гораздо сильнее подобных доктрин (панисламизм и пантюркизм), которые затронули лишь узкий круг местных интеллектуалов¹³⁶. Позволим себе отметить, что этот вывод был сделан С. М. Исхаковым основываясь на более поздних переосмыслениях самого Чокаева. Чокаев рано превратился в политика, потому

¹³⁴ *Лысенко Ю. А.* Социально-политическое движение в центральноазиатских окраинах Российской империи накануне революций 1917 г. // Известия АлтГУ. 2016. № 2 (90). С. 108.

¹³⁵ *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана... С. 198 — 199.

¹³⁶ *Исхаков С. М.* Мустафа Чокаев о революции 1917 года... С. 223.

вполне естественно, что его риторика оказалась вписанной в рамки правила выдавать «желаемое за действительное». На наш взгляд, вполне уместно поставить вопрос — а мнение скольких мусульман отражал этот «узкий круг местных интеллектуалов», в частности сам Чокаев?

Ряд современных казахстанских исследователей отмечает, что стержнем идеологии джадидизма, наряду с главной идеей модернизации, возрождения и демократизации ислама, была идея солидарности и духовно-политического единства мусульманских народов Российской империи. Для абсолютного большинства мусульманского населения империи идеи мусульманской солидарности и тюркского единства были тождественны и не противоречили друг другу¹³⁷. Кроме того, пантюркизм младотуркестанцев носил оборонительный характер, в нем не было агрессивности и наступательности, ксенофобии и фанатизма. Что касается реакционного панисламизма и пантюркизма (по сути, турецкого шовинизма), то они имели место среди старшего поколения улемов или феодально-монархических кругов и отличались, как правило, нетерпимостью и экстремизмом¹³⁸.

Такое «осовремененное» толкование политических идей столетней давности еще сильнее отдаляет нас от реального понимания и восприятия их самими акторами и носителями. Как и в случае с большевиками, о которых речь пойдет ниже, мы как бы заставляем людей прошлого мыслить современными категориями, что само по себе неверно и способно завести исследователей в методологический тупик.

Существуют две диаметрально противоположные оценки степени вовлеченности мусульман Туркестана в политические процессы 1917 г. Одни авторы считают, что основная масса коренного населения не была вовлечена в происходящие политические события и не понимала их смысла¹³⁹. Более того, основная масса местных мусульман рассматривала происходившее как борьбу за доминирование между различными группами европейского населения¹⁴⁰.

¹³⁷ *Нуртазина Н. Д.* Народы Туркестана: проблемы Ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX—XX вв.). Алматы, 2008. С. 108—109.

¹³⁸ Там же. С. 113.

¹³⁹ «В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет» [публикация *Л. А. Молчанова*] // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 3 (24). С. 102.

¹⁴⁰ *Абдуллаев К.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX в. Душанбе, 2009. С. 108.

Другие — что политическая активность представителей коренных народов Туркестана, главным образом его средних и низших слоев, значительно возросла в это время¹⁴¹. Об этом также свидетельствует туркестанская пресса и воспоминания очевидцев¹⁴².

А. Б. Джумаев справедливо отмечает, что для восприятия новых революционных и социалистических идей необходима была соответствующая общественная атмосфера в виде общей протестной среды. Эта среда формировалась постепенно и параллельно, вне прямой зависимости друг от друга в русском и «туземном» обществах Туркестана¹⁴³.

Необходимо констатировать, что на сегодняшний день история мусульманских политических партий Туркестана отечественной исторической наукой исследована мало¹⁴⁴. Между тем в современной российской историографии продолжает сохраняться мнение, что молодые мусульманские организации Туркестана, особенно Шури-Исламия, нужно характеризовать не иначе как «буржуазно-националистическую и сепаратистскую», Шури-Улема — как «панисламистскую», а Туркестанский комитет партии Тюрк адами марказият фиркаси открыто провозглашал отрыв Туркестана от революционной России¹⁴⁵. Но так ли это на самом деле? Насколько далеко и кардинально расходились в своих взглядах эти политические организации, и насколько правомерно, говоря об оценке их деятельности, использовать оценочные категории которыми тогдашние мусульманские политические деятели Туркестана не мыслили?

Ряд российских авторов воспринимают Шури-Исламия как «исламскую реформистскую партию»¹⁴⁶. Некоторые казахстанские коллеги характеризуют туркестанский джадидизм в целом как «одно из направлений национализма, круг интересов которого не выходил за контуры решения национального вопроса»¹⁴⁷. При этом

¹⁴¹ *Исмаилов Х.* Туркестан в эпоху двух революций // История СССР. 1990. № 5. С. 211–219.

¹⁴² *Манжара Д. И.* Революционное движение в Средней Азии. 1905–1920 гг. (Воспоминания). Ташкент, 1934. С. 40.

¹⁴³ *Джумаев А. Б.* «Скажите, а Ленин еще вернется?»... С. 213–224.

¹⁴⁴ См., например: *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция...

¹⁴⁵ *Размахов К. Е.* Создание советской автономии в Туркестане в 1917–1918 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 43.

¹⁴⁶ *Тарасов К. А.* Антиимперская революция. Национальные окраины и распад Российской империи // Неприкосновенный запас. 2017. № 5 (115). С. 157.

¹⁴⁷ *Кульшанова А. А.* Туркестанский джадидизм как разновидность национализма // Вестник КазНУ. Серия: «Востоковедение». 2010. № 1 (50). С. 56.

«идеология Шуро-и-Исламия базировалась на идее консолидации тюрко-мусульманских народов и достижения ими национального самоопределения»¹⁴⁸.

2 августа Абдурауф Фитрат в одной из своих публицистических статей, обращаясь к молодежи Самарканда, с нескрываемым сожалением писал: «Прошло три месяца с момента революции в России. Но наш народ не понял значения свободы и революции»¹⁴⁹.

Различное понимание конечных целей лидерами либерально-демократического (джадидского), кадимистского (условно консервативного) и находившегося в стадии формирования социалистического направления осложняло консолидационный процесс, порождая в нем разновекторное движение¹⁵⁰.

Туркестанский дискурс общероссийских политических партий

К моменту падения монархии в России в Туркестане сосуществовали, два сообщества: пришлое, преимущественно европейское, население и коренное мусульманское. В их отношениях присутствовала напряженность, которая не была устранена и после Февральской революции. Именно национально-конфессиональный фактор придавал специфику революционному процессу и развернувшейся позже Гражданской войне в Туркестане и в ситуации противостояния «красного» и «белого» лагерей создавал дополнительную линию раскола общества, и объединения его значительной части под «зеленым» знаменем Пророка Мухаммада¹⁵¹.

Временное правительство действовало по-разному в отношении окраин¹⁵². Решение всех конкретных вопросов было отложено до созыва Учредительного собрания. Новое правительство продолжало придерживаться фундаментального принципа первичности индивидуальных прав по отношению к коллективным правам национальных сообществ. Основное внимание уделялось не национальному

¹⁴⁸ Аунасова А. М. Провозглашение Туркестанской автономии в условиях политического кризиса 1917 года // 1917 год: исторические судьбы народов Евразии: коллективная монография // отв. ред. Н. У. Шаяхметов. Алматы, 2018. С. 72.

¹⁴⁹ Великая российская революция 1917 года... С. 322.

¹⁵⁰ История и историки Узбекистана в XX столетии... С. 104–105.

¹⁵¹ Гражданская война в Степном крае и Туркестане... С. 62.

¹⁵² См.: Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов / сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. М., 2018.

вопросу как таковому, а определению основ правового статуса личности как фундамента для разрешения всех остальных вопросов¹⁵³. Весной 1917 г. в нормативные акты было введено понятие «российский гражданин» вместо понятия «русский подданный». Таким образом, неравенство индивидов было упразднено в рамках различных меньшинств, но неравенство национальностей косвенно, а иногда и явно, сохранялось¹⁵⁴.

Позиция по сохранению за Петроградом сильной центральной власти осталась неизменной. По образному выражению Э. Аллворта: «Это правительство быстро сообразило, что проблема угнетенных национальностей воспринимается легче, когда они являются орудием в борьбе против имперской власти, а не когда они сами обретают власть»¹⁵⁵. Причем в отношении Туркестана Временное правительство выступило наиболее консервативно¹⁵⁶.

И это несмотря на обещания А. Ф. Керенского в августе 1916 г. «устроить для сартов все, о чем они просят» и призывы верить, что в России есть люди, которым не безразлична судьба местных мусульман и которые не считают их толпой, «с которой все дозволено», и он, Керенский, готов для них работать так же, как для своего народа¹⁵⁷. Через год, в августе 1917 г., будучи уже главой Временного правительства, А. Ф. Керенский, на встрече с делегацией туркестанских мусульман заявил, что, веря в преданность народов Туркестана России, не потерпит никакого сепаратизма и примет против этого самые суровые меры¹⁵⁸.

¹⁵³ Воронов С. Н. Национальный вопрос в правовой политике Временного правительства в 1917 г. // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://etnonkonf.astrobl.ru/document/1512> (дата обращения: 01.03.2019).

¹⁵⁴ Эдвард Аллворт. Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии. М., 2017. С. 181.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Анисимова И. В. Политика Временного правительства в решении «национального вопроса»: подходы и методы реализации региональных вариантов // Известия АлтГУ. 2016. № 2 (90). С. 19.

¹⁵⁷ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюковой. М., 2016. С. 78.

¹⁵⁸ Абдуллаев Р. Из истории национальных политических идей // Человек и политика. 1991. № 9. С. 89.

Мустафа Чокаев, вспоминая свой разговор с председателем Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов меньшевиком Н. С. Чхеидзе в начале апреля 1917 г., писал в эмиграции, что, когда разговор зашел о ситуации в Туркестане и Чокаев заявил, что местные политические силы будут добиваться автономии для края, реакция Чхеидзе была следующей: «Во-первых, сейчас еще рано говорить об этом, а, во-вторых, автономия в такой стране, как ваш Туркестан, это будет верным шагом к независимости, к сепаратизму»¹⁵⁹.

В апреле 1917 г. в Турккомитете прошло совещание по вопросу о статусе края. Итоги совещания нашли свое отражение в статье К. Тамаева «Автономия Туркестана» в газете «Туркестанский курьер», в которой автор отметил: «Вопрос об автономии Туркестана не так прост, чтобы его можно было выяснить в 2—3 часа... Он требует значительной затраты времени на предварительное обследование и изучение. Исключительное положение Туркестанского края делает невозможным введение в нем полной политической автономии. С этим, по крайней мере, соглашались представители всех партий, бывших на собрании. Приходится в силу необходимости поступиться основными положениями программы наших политических партий»¹⁶⁰.

На схожих с Временным правительством позициях стояли и филиалы различных общероссийских политических партий, действовавших на тот момент в Туркестане. В период между революциями все они отметились высказываниями о преждевременности предоставления автономии коренному населению края. Например, в апреле 1917 г. на съезде Исполнительных комитетов Туркестана делегаты-мусульмане подвергли резкой критике позицию бывшего ташкентского городского головы Н. Г. Маллицкого, выступавшего за раздельное управление для европейского и мусульманского населения¹⁶¹, а также проект русских общественных организаций об отдельном представительстве от русского населения края в Учредительном собрании¹⁶².

¹⁵⁹ Цит. по: *Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. ... С. 11.

¹⁶⁰ Цит. по: *Гражданская война в Степном крае и Туркестане...* С. 66—67.

¹⁶¹ *Алимова Д.* Историография проблемы построения национально-демократического правового государства в 1917—1920 гг. в Туркестане, Бухаре и Хиве // *Очерки историографии государственности Узбекистана.* Ташкент, 2018. С. 268.

¹⁶² *Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. ... С. 35.

По мнению Марко Буттино, русские политические организации Туркестана рассматривали мусульманское население как человеческую массу, которую нужно направлять и воспитывать: «...то есть понимание правления в параметрах колониального режима, но чуть более открытого к участию в нем местного населения; они ни в коем случае не собирались начинать колониальную революцию, которая бы обратилась против них самих... Демократия представлялась им как фундамент ценностей меньшинства, а не как признание прав большинства»¹⁶³. Но такой подход М. Буттино нам представляется слишком упрощенным, поскольку в политической риторике русских политических организаций «мусульманское население» всегда присутствовало.

В марте 1917 г. Временное правительство столкнулось с нараставшим в стране стремлением к автономии или полной государственной самостоятельности со стороны представителей ряда национальностей и регионов. В сентябре на Всероссийском демократическом совещании уже звучали требования «признать неограниченное право наций на самоопределение»¹⁶⁴.

Назначение Временным правительством генерального комиссара Туркестанского края и наделение его широкими полномочиями, на наш взгляд, отрицало саму возможность предоставления региону прав автономии. И действительно, в конце апреля при Турккомитете прошло совещание по вопросу о предоставлении Туркестану полной политической автономии. Совещание признало введение ее невозможной¹⁶⁵. Эту позицию поддержал А. Ф. Керенский. Бывший туркестанский генерал-губернатор А. Н. Куропаткин, также разделял эту точку зрения¹⁶⁶.

Вопрос об автономии обсуждался и на Съезде исполнительных комитетов Туркестанского края. Большинство выступило против предоставления Туркестану прав автономии под предлогом неподготовленности для этого основной части населения¹⁶⁷. Краевой съезд Советов в апреле 1917 г. также не поддержал введение автономии.

¹⁶³ Марко Буттино. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. С. 161 – 162.

¹⁶⁴ Воронов С. Н. Национальный вопрос в правовой политике Временного правительства в 1917 г. ...

¹⁶⁵ Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане (февраль — ноябрь 1917 г.). Ташкент, 1962. С. 52.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана... С. 79.

В мае на Краевом съезде эсеров была принята резолюция, в которой отмечалось, что мусульманское население пока не смогло воспринять европейских демократических ориентиров в общественно-политическом развитии и автономия может быть учреждена только Учредительным собранием¹⁶⁸.

В июне 1917 г. на своем съезде возможность создания автономии Туркестана обсудили местные социал-демократы. Собравшиеся считали, что, предлагая национальную и культурную автономию, необходимо учитывать специфику образа жизни и хозяйственного уклада коренного населения и подумать о достаточных гарантиях прав национальных меньшинств¹⁶⁹.

Первый председатель Туркестанского комитета Временного правительства Щепкин, оценивая ситуацию в крае, 13 мая 1917 г. поделился с князем Львовым своими мыслями: «Теперь времена изменяются, и мусульмане начинают чувствовать свое численное превосходство, моральное превосходство русских слабовато, больше страх штыков действует»¹⁷⁰.

С другой стороны, Временное правительство, пытаясь реализовать провозглашенные принципы «свобод» и отмены национальных ограничений, привлекло к управлению краем представителей мусульманского населения. Как мы помним, в состав Турккомитета входили мусульмане. Правда, только 2 из 5 были уроженцами Туркестана (М. Тынышпаев и М. Чокаев), что, на наш взгляд, одновременно может свидетельствовать как о недоверии к региональной мусульманской элите, так и о слабости местного кадрового потенциала, способного заниматься политической деятельностью и административной работой в новых исторических условиях.

Туркестанская повестка во всероссийском мусульманском движении

В середине марта 1917 г. в Петрограде, на совещании Мусульманской фракции Государственной думы и ее бюро с представителями всех мусульманских регионов России, было образовано Временное центральное бюро российских мусульман (ВЦБРМ),

¹⁶⁸ Наша газета. 1917. 11 мая.

¹⁶⁹ *Лопухов В., Мураевский С.* Из истории Коммунистической партии Туркестана: Второй Туркестанский краевой съезд РСДРП // Коммунист. 1922. № 78. С. 130.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 29. Л. 36.

председателем которого стал А. Т. Цаликов. Туркестан в нем постоянно представляли М. Чокаев и И. Шагиахметов, но регулярно приезжали и другие общественно-политические деятели со специальными сообщениями. По мнению Д. А. Аманжоловой, к формированию такого руководящего центра мусульман России привело быстрое повсеместное развитие национальных организаций¹⁷¹. В свою очередь С. М. Исхаков причины возникновения общероссийского мусульманского движения видит во внутренних проблемах: резком отставании мусульманских регионов в своем развитии и в недовольстве дискриминационной политикой царских властей¹⁷². Акценты в выступлениях мусульманских политических деятелей по всей стране все сильнее смещались от национально-конфессионального вопроса к классовому.

Как показывает анализ документов, в работе ВЦБРМ Туркестану отводилось далеко не последнее место. И этому, на наш взгляд, во многом способствовал тот факт, что среди членов Туркестанского комитета Временного правительства было несколько бывших депутатов Государственной думы. Важной особенностью Туркестана было то обстоятельство, что в работе политических организаций и управленческих структур участвовали «варяги», представители других мусульманских регионов бывшей империи (Поволжья и Степного края). Между тем туркестанцев, работавших в политических организациях и административных структурах соседей, встретить практически невозможно.

Уже на своем втором заседании, 18 марта 1917 г., ВЦБРМ обсудило вопрос об организации власти в Туркестане. Курировать этот вопрос со стороны Бюро было поручено И. А. Ахтямову¹⁷³. 27 марта генерал С.-Г. Еникеев, сотрудник Мусульманского отделения Управления по мобилизации Туркестанского окружного военного комиссариата в Ташкенте, на очередном заседании Бюро сделал доклад о положении в Туркестане. По его мнению, «выяснилась беспомощность самих туземцев и невозможность для них без содействия со стороны мусульман Внутренней России использовать создавшиеся благоприятные условия»¹⁷⁴. Обратим внимание

¹⁷¹ Аманжолова Д. А. Мусульманское движение в России в начале XX в. // Религия, церковь в России и зарубежом. 1995. № 6. С. 42.

¹⁷² Великая российская революция 1917 года... С. 9.

¹⁷³ Там же. С. 42—43.

¹⁷⁴ Цит. по: Там же. С. 55.

на дистанцию, которую выдерживал генерал в своем докладе, называя коренное население Туркестана «туземцами», а не, например, «местными мусульманами».

2 апреля 1917 г. на девятом заседании Бюро опять вернулось к рассмотрению вопросов организации политической власти в Туркестане. Докладчик, представитель Ташкентского Совета солдатских депутатов, отметил, что Ташкентский исполнительный комитет после революции был образован наспех и в нем преобладал «пришлый элемент». Поэтому неотложными, по его мнению, должны были стать следующие меры: посылка в край комиссара Временного правительства и отсрочка Краевого съезда Советов, поскольку коренное население находится еще в «аморфном состоянии» и вновь возобладает «пришлый элемент».

Еникеев, как эксперт, считал, что одним комиссаром не обойтись. Представители Временного правительства должны быть в каждой области и несколько в Ташкенте — всего 8 человек, в том числе мусульмане. Относительно кандидатов на роли комиссаров мнения членов Бюро разделись.

Решения ВЦБРМ носили лишь рекомендательный характер. Бюро не обладало никакими рычагами власти, особенно в регионах. Поэтому решение, принятое после долгих споров, выглядит вполне закономерно, — прежде чем предлагать что-то конкретное, выяснить каковы ближайшие планы относительно Туркестана Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов¹⁷⁵.

В тот же день в Петроградский совет от председателя ВЦБРМ Цаликова было направлено заявление, в котором, в частности, предлагалось направить в Туркестан особую комиссию в составе представителя Временного правительства, Совета рабочих и солдатских депутатов и 3—5 человек от ВЦБРМ¹⁷⁶.

Буквально через несколько дней, как мы помним, Временным правительством был сформирован Турккомитет, в состав которого вошли представители-мусульмане.

Для ознакомления мусульман Туркестана с работой Бюро первоначально предполагалось направить в край Ахмет-Заки Валидова. Однако его кандидатура не вызвала доверия у большинства членов ВЦБРМ. Как зафиксировано в журнале заседания от 4 апреля 1917 г., «Бюро не нашло возможным взять на себя ответ-

¹⁷⁵ Там же. С. 66—67.

¹⁷⁶ Там же. С. 68.

ственность за его действия» в крае и отклонило его кандидатуру¹⁷⁷.

1—11 мая 1917 г. в Москве проходил I Всероссийский мусульманский съезд. Выступление А. Цаликова было посвящено форме правления в России. Задавая себе и собравшимся вопрос: «Что хочет Туркестан?» — Цаликов проводя отчетливую границу между «Туркестаном баев» и «трудящихся масс» отвечал: «если только... народная трудящаяся масса поймет свои интересы, она скажет, что мы хотим воспользоваться благами рабочего законодательства, которое будет проведено в центральном парламенте... и вот этими правами должны воспользоваться рабочие и крестьяне Туркестана»¹⁷⁸.

При обсуждении национально-государственного устройства России произошло размежевание участников съезда на «унитаристов» (признавали экстерриториальную культурную автономию мусульман в составе Российской Республики) и «федералистов» (выступали за автономию для мусульманских народов в составе Российской Федерации). Победили «федералисты»¹⁷⁹. Важно отметить, что в проекте резолюции съезда, в частности, отмечалось, что федерализм затруднит в Туркестане и на Кавказе разрешение женского вопроса, «так как законодательство будет сосредоточено в руках мужчин, которые привыкли смотреть на женщину, как на рабу»¹⁸⁰.

В принятой съездом резолюции был сделан акцент на специфических особенностях Туркестана и ряда других регионов страны, в которых предполагалось создать областное самоуправление. Цаликов даже предлагал назвать его автономным самоуправлением, сделав шаг навстречу местным элитам, со стороны которых раздавались обвинения в адрес ВЦБРМ в намерении лишить местные национальные организации возможности самостоятельно заниматься собственными делами. Он убежденно отстаивал позицию большинства делегатов съезда, что не следует идти по пути увеличения политической самостоятельности отдельных регионов. В общероссийском контексте это могло привести к «грызне» как между собой внутри региона, так между регионами. Вместо того чтобы расчистить дорогу для честолюбцев и разделить политические силы

¹⁷⁷ Там же. С. 69—70.

¹⁷⁸ Там же. С. 153.

¹⁷⁹ Программные документы мусульманских политических партий (1917—1920 гг.). Оксфорд, 1985. С. 33.

¹⁸⁰ *Шарафеева А. Р.* Женщины и женский вопрос на мусульманских съездах 1917 г. // Тюркологические исследования. 2020. № 3 (2). С. 43—64; Великая российская революция 1917 года... С. 111.

мусульман, Цаликов призвал собравшихся создать мощный политический центр мусульман России¹⁸¹.

В качестве одного из делегатов от Туркестана на съезде присутствовал Валидов¹⁸². Впоследствии он писал в воспоминаниях, что на I Всероссийском мусульманском съезде в Москве якобы именно им была высказана мысль об автономии Туркестана¹⁸³.

12 мая 1917 г. в Москве в доме Асадуллаева состоялось первое заседание Всероссийского мусульманского совета, на котором присутствовали представители Туркестана: Убайдулла Ходжаев, мулла Султан Урунбаев (Ходжент), мулла Камалетдин Рахманбердиев (Коканд), Куканбай (Коканбай) Абдулхаликов (Абдухалыков) (Самарканд), Ахмет-Заки Валидов¹⁸⁴. Ходжаев и Валидов были избраны членами Исполнительного комитета¹⁸⁵.

Как отмечалось выше, Исполнительный комитет Всероссийского мусульманского совета достаточно активно интересовался политической ситуацией в Туркестане и деятельностью Туркестанского комитета Временного правительства. 24 июня на шестом заседании Всероссийского мусульманского совета, после долгой дискуссии, с перевесом в один голос, было принято решение провести очередной Всероссийский мусульманский съезд в Ташкенте, тем самым поддерживая прогрессивные политические процессы среди коренного населения, поскольку именно в это время в Ташкенте планировалось проведение еще двух съездов — Всетуркестанского мусульманского и Всекиргизского съездов. Такое синхронизирование, позволило бы мусульманам края принять участие во всех мероприятиях¹⁸⁶.

Однако, как известно II Всероссийский мусульманский съезд прошел не в Ташкенте, а в Казани 21 июля — 2 августа 1917 г., поскольку уже на следующий день, 25 июня, член Туркестанского комитета Временного правительства С. Максудов предложил пересмотреть вопрос о месте проведения съезда, мотивируя это тем, что решение принималось уже за полночь, а потому носило случайный характер.

¹⁸¹ Там же. С. 155.

¹⁸² Подробнее см.: *Исхаков С. М. А.-З. Валидов: пребывание у власти // Отечественная история. 1997. № 6. С. 55–75.*

¹⁸³ *Тоган З. В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана...* С. 122.

¹⁸⁴ *Великая российская революция 1917 года...* С. 159–160.

¹⁸⁵ Там же. С. 163.

¹⁸⁶ Там же. С. 251–252.

Развернулась очень оживленная дискуссия. Звучали аргументы как «за», так и «против». Доводы сторонников Казани формулировались следующим образом: город расположен в центре территории, населенной мусульманами. Для некоторых областей Казахской степи и Кавказа это ближе, чем Ташкент. Значение имеет и участие в съезде мусульманок. При их отсутствии на съезде в Ташкенте, принимая во внимание «отрицательное отношение туркестанских мусульман к женскому вопросу», постановления съезда могут потерять свой авторитет.

Ходжаев и председатель Всероссийского мусульманского совета Цаликов, как могли, отстаивали Ташкент в качестве места проведения съезда, подчеркивая, что кроме формальных мотивов, никаких серьезных оснований к новому голосованию вопроса нет. Устройство съезда в Казани оторвет «все имеющиеся культурные силы» из Туркестана. Перед местной интеллигенцией будет стоять дилемма: или оставить свой народ в самую трудную минуту, или отказаться от участия в съезде. Поволжские татары должны «продемонстрировать свою культурность перед отсталыми от них в культурном отношении братьями» и для этого приехать в Ташкент. Кроме того, историческая задача объединения тюрок должна произойти в их колыбели — Туркестане, а участие на съезде эмансипированных мусульманок даст лишь положительные результаты. Но большинством голосов (7 против 4) II Всероссийский мусульманский съезд решили проводить в Казани. Ходжаев от своего участия в голосовании отказался¹⁸⁷.

За происходившим в Туркестане пристально наблюдали не только в Петербурге, но и в мусульманских регионах бывшей империи. На страницах бакинской газеты «Ачыг сёз» («Свободное слово»), лидер партии Мусават М. Э. Расулзаде в сентябре 1917 г., анализируя ситуацию в Туркестане и политические разногласия между Шуро-и-Исламия и Улема Джамяти, резко критиковал последних, подчеркивая, что политический курс, проводимый улемистами наносит вред национальным интересам: «Улемы должны понимать, что мусульмане-прогрессисты — это те же улемы, служащие будущему нации. ... Пусть разрешится это недопонимание между улемами и интеллигенцией Туркестана. ... Пусть ташкентские улемы покажут, что они видят на небе не только летающих птиц, но и летающие аэропланы, и размышляют об этом»¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Там же. С. 252–255.

¹⁸⁸ Цит. по: *Мустафаев Ш.* Несколько слов о теме Туркестана и джадидизма

По мнению К. А. Тарасова, весной 1917 г. лидеры национальных движений не спешили воспользоваться ситуацией и поставить вопрос о выходе из состава империи. Наоборот, именно Временное правительство в своих первых действиях заложило основы децентрализации бывшей империи¹⁸⁹.

Весной — летом 1917 г. среди мусульман России усилилась тяга к интеграции в условиях раскола общества. Несмотря на разногласия, в одном российские мусульмане были на редкость единодушны: поддерживая Временное правительство, на Учредительном собрании отстаивая федеративный принцип объединения государства. А пока мусульмане добивались национально-культурной автономии в соответствии с решениями II Всероссийского мусульманского съезда в Казани¹⁹⁰. В статье «На переломе. 27 февраля — 27 августа», А. Цаликов писал: «Можно удивляться той беспримерной лояльности, тому тяготению к русской государственности, которое обнаружило мусульманское население, более чем какое-либо другое инородческое население, подвергнувшееся издевательствам и насилиям царских опричников»¹⁹¹.

При этом необходимо признать, что туркестанские реформаторы находились в более стесненных обстоятельствах, чем их единомышленники-мусульмане в европейской части страны и на Кавказе, поскольку они были вынуждены считаться с мнением политического большинства, то есть улемов. Рубиконом, который улемы не были готовы перейти, стал вопрос эмансипации женщин.

Контур автономии

Практически аксиомой является представление о том, что автономия в Коканде стала своеобразным ответом левоэсеровско-большевистскому правительству в Ташкенте, в состав которого не вошел ни один представитель коренного мусульманского населения. Однако сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что к созданию автономии готовились уже весной — летом 1917 г. и ее объявление было просто делом времени.

в азербайджанской периодической печати начала XX в. (статьи М. Э. Расулзаде в газете «Ачыг сёз») // Центральная Азия в эпоху Средневековья и Нового времени: общество, культура, источники / под ред. Д. Алимовой, Ф. Шварц. Ташкент, 2019. С. 110—111.

¹⁸⁹ Тарасов К. А. Антиимперская революция. Национальные окраины и распад Российской империи... С. 150.

¹⁹⁰ См.: Государственное совещание. М.—Л., 1930. С. 185—187.

¹⁹¹ Великая российская революция 1917 года... С. 350.

Вопрос о федерации и автономии стал объектом дискуссии на I Всетуркестанском мусульманском съезде, открывшемся 16 апреля 1917 г. в Ташкенте и созванном по инициативе Шура-и-Исламия. На съезде были сформулированы основные программные положения и цели этой организации. Председательствовал Мунавар-кары Абдурашидханов. В Ташкент съехались депутаты со всего Туркестана, включая представителей европейского населения. Речь шла о проведении демократических преобразований в крае. Одним из ключевых стал вопрос о популяризации среди туркестанских мусульман идей гражданственности. Открывая работу съезда Абдурашидханов призвал собравшихся доказать свою политическую зрелость¹⁹².

На съезде выступили и члены Турккомитета. В частности, С. Максудов отметил, что теперь не существует правовых ограничений, нет русского, сарта или еврея, есть только русский гражданин. Он призвал местных мусульман отдавать детей в русские учебные заведения и не отказываться от светского просвещения¹⁹³.

Месяцем ранее, в марте 1917 г., на съезде кадетской партии в Москве, согласно публикациям А.-З. Валидова, Максудов обещал собравшимся отговорить мусульман Туркестана от движения за автономию¹⁹⁴.

Звучавшие несколько дней речи местных политических деятелей подчеркнуто демонстрировали полное единение Туркестана со всей большой Россией. А представители Турккомитета, в свою очередь, неустанно заверяли их, что российское правительство, которое они представляют, — «вместе с народом»¹⁹⁵.

На I Всетуркестанском мусульманском съезде было принято решение создать Туркестанский мусульманский Центральный совет (Туркистон миллий марказ шуроси)¹⁹⁶, который начал работу в июне 1917 г. Это был орган реформаторов-младотуркестанцев, подвергшихся влиянию русской культуры и стремившихся к пере-

¹⁹² Там же. С. 64—85.

¹⁹³ Вестник Временного правительства. 1917. 18, 20 апреля.

¹⁹⁴ Красовицкая Т. Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля — октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015. С. 192—193.

¹⁹⁵ Великая российская революция 1917 года... С. 64—87.

¹⁹⁶ Другие названия этой организации: Туркестанский крайовой мусульманский совет (Туркамус) или Национальный центр (Миллий марказ).

устройству местной жизни на европейских началах¹⁹⁷. Возглавил его Мустафа Чокаев, секретарем стал Ахмад-Заки Валидов, членами президиума — Мунаввар-кары Абдурашидханов, Махмудходжа Бехбуди, Убайдулла Ходжаев и др. Именно этой организации, по мнению А. А. Кульшановой, принадлежит главная роль в пропаганде идеи мухторията (автономии) среди мусульманского населения¹⁹⁸.

Благодаря настойчивым требованиям делегатов съезда Туркестанский комитет Временного правительства организовал при Туркамусе постоянное совещание по делам края. В его состав вошли представители Краевого мусульманского съезда, областей края, представители исполнительных комитетов, Ташкентской городской думы, Совета рабочих и солдатских депутатов¹⁹⁹.

По вопросу о национально-государственном устройстве, съезд принял решение, по которому Туркестан входил в состав Российской республики в качестве отдельной территориальной автономии, организованной на началах национального самоопределения²⁰⁰.

Повлиять на политическую ситуацию в Туркестане пытались и поволжские татары. Необходимо отметить, что с начала XX в. основными распространителями идей как джадидизма, так и пантюркизма в Туркестане была татарская интеллигенция и торгово-промышленные круги²⁰¹.

Так в апреле 1917 г. в Ташкент прибыла делегация, состоявшая из известных татарских общественных и религиозных деятелей. Галимджан Баруди вспоминал, что цель делегации заключалась в том, чтобы содействовать усвоению мусульманами Туркестана идеей нового строя России. На встрече с учеными-богословами в Ташкенте был поднят вопрос о федеративной автономии, возможной для Туркестана. Один местный теолог спросил Баруди: «Будут ли в такой автономии полностью выполняться законы шариата?» Баруди ответил вопросом на вопрос: «Раньше у вас было исламское правительство. Соблюдались ли эти законы полностью?»²⁰²

¹⁹⁷ *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция... С. 159–160.

¹⁹⁸ *Кульшанова А. А.* Туркестанский джадидизм как разновидность национализма... С. 58.

¹⁹⁹ *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана... С. 69.

²⁰⁰ Там же. С. 70.

²⁰¹ Подробнее см.: *Котюкова Т. В.* Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. С. 333–374.

²⁰² *Исхаков С. М.* Российские мусульмане и революция... С. 160.

Критический тон в адрес местных мулл был воспринят туркестанцами негативно. Поэтому Баруди прервал свою поездку и уехал через несколько дней из Туркестана.

Необходимо отметить, что восприятие татарами Степного и Туркестанского краев в XIX — начале XX в. как территорий своего «повышенного интереса», над тюркско-мусульманским населением которых они ощущали определенное превосходство в силу более развитых социально-экономических и религиозных отношений и институтов, демонстрирует очевидную конкуренцию двух проектов: «русского» и «татарского». Они активно формировали в Туркестане альтернативный «полюс силы». В отличие от кочевого населения, на которое татары успешно распространяли свое духовное, экономическое и образовательное влияние, оседлое, сартовское, население Туркестана, вернее определенная часть элиты, переняло только новые образовательные методики.

Возможно, у местных акторов возникло ощущение, что на смену «русскому» проекту приходит «татарский». Поскольку в сфере религиозной жизни, в отличие от татар, которые были подчинены Оренбургскому мусульманскому духовному собранию, туркестанцы жили без вмешательства извне, подобное вторжение, воспринималось как недопустимое посягательство на сложившийся и существовавший веками миропорядок, на который не рискнули покушаться даже русские цари.

Однако местные реформаторы, несомненно, нуждались, и они признавали это сами, в помощи и поддержке политических деятелей из Поволжья. Например, краевой Центральный мусульманский совет был образован «благодаря помощи казанской делегации»²⁰³. Но, как показала жизнь, реформаторы недооценили силу влияния туркестанских улемов на умы и настроения масс или просто переоценили свою.

25 июня 1917 г. в самаркандской газете «Хуррият» вышла очередная статья Н. Яушева, в которой он с горечью констатировал, что Ташкентская организация Шуро-и-Исламия превратилась в организацию духовенства. «Я до сегодняшнего дня, — пишет Яушев, — был сторонником того, что бы дать Туркестану местную автономию. ...В сущности, по теперешнему положению Туркестана такие слова,

²⁰³ Великая российская революция 1917 года... С. 339—340.

как «автономия», совершенно не уместны. Увидев господство и успехи духовенства, мой опыт понудил меня отказаться от своего прежнего мнения. ...Так как дать автономию Туркестану — это значит подвергнуть безвинный тюрко-татарский народ унижению и презрению еще хуже, чем при правительстве Николая»²⁰⁴.

Тема автономии была центральной в общественной дискуссии развернувшейся весной — летом 1917 г. на страницах краевой периодической печати. Татарский публицист, Нуширван Евушев, находившийся в это время в Туркестане, в статье «О получении Туркестаном автономии» поддержал позицию Бехбуди и выступил против мнения о том, что край еще не готов к автономии. Учитель Олимжон Тиркишев в статье «Туркестанцы и федерация» особо подчеркивал, что, принимая решение о создании федерации, нужно думать не о настоящем, а о будущих поколениях, которым для развития необходима независимость²⁰⁵.

Уже упоминавшийся Фикри в статье «О методе управления Туркестаном» глубоко подходил к анализу политической ситуации и отмечал, что объединенная под лозунгом автономии сила не имеет основы и социальной базы. Он высказывал опасения за будущее Туркестана, если все управление будет сосредоточено только в руках национальной буржуазии и улемов. «Эти деспоты настолько сейчас усилились, — писал он, — что отцы тирании — штюрмеры отстают от них». Фикри всерьез опасался реставрации «ханских времен», которая была возможна при очевидном усилении реакционных сил в регионе: «Знайте, если в Туркестан самостоятельно примет независимость... то тогда в Туркестане уничтожится культура, наука и образование. Потому что те, кто говорит “Слава богу, пришло время мусульман” и стоит во главе этих дел, эти “умные головы”, объявят неверными, которых нужно гноить в зиндане или убить, одевающихся в короткие одежды, стригущих коротко волосы и усы, обучающихся по новой методике, умеющих говорить по-русски — могут самых любимых сынов нации...»²⁰⁶.

Европейское меньшинство, причем дееспособное, сохраняющее возможность участвовать и влиять на развитие политической жизни в Туркестане, было жизненно необходимо в понимании местных

²⁰⁴ Цит. по: Великая российская революция 1917 года... С. 257—258.

²⁰⁵ Абдуазизова Н. История национальной журналистики... С. 237.

²⁰⁶ Цит. по: Там же. С. 238—239.

прогрессистов. Иначе прогрессистов могла снести волна «тирании» местных консерваторов. Поэтому ведущие политические лидеры края, несмотря на имевшиеся между ними разногласия в понимании «текущего момента» и оценке будущих перспектив, М. Чокаев, У. Ходжаев, М. Тынышпаев, М. Абдурашидханов, М. Бехбуди, на наш взгляд, были готовы искать и находить компромисс с европейскими/русскими не большевистского толка политическими организациями Туркестана.

2—5 августа 1917 г. в Ташкенте прошел Краевой киргизский съезд, на котором были представлены делегаты Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской и Семиреченской областей. Почетным председателем съезда был С. Асфандиаров. Съезд высказался за поддержку выборов в Учредительное собрание, опирающееся на советы, федеративную демократическую парламентскую республику, национально-территориальную автономию киргизов, возвращение ранее отчужденных под крестьянское переселение земель и введение обучения на родном языке²⁰⁷. На базе этих политических требований спустя несколько месяцев возникнет партия Алаш, которую возглавит комиссар Временного правительства в Тургайской области, член Турккомитета А. Букейханов.

В самом конце лета 1917 г. в Туркестане предпринимались попытки создания совместных (европейское и коренное население) революционных органов. 30 августа 1917 г. в Ташкенте были объединены два краевых Совета — крестьянский и киргизский. В результате на свет появился Туркестанский краевой исполнительный комитет Советов киргизских и русских крестьянских депутатов под председательством М. Чокаева²⁰⁸.

7 сентября в Ташкенте начал работу II Краевой мусульманский съезд, созданный по инициативе Шуру-и-Исламия, под председательством Убайдуллы Ходжаева. Вице-председателем был Мустафа Чокаев. Участие в работе съезда приняли свыше 100 делегатов²⁰⁹. Ташкентская организация Улема Джамяти, готовившаяся в середине сентября провести собственный съезд, предприняла попытку сорвать работу, призывая мусульман края не принимать участия в форуме. Однако мусульманские организации Туркестана поддержали съезд, прислав своих делегатов. Представителя Туркестанского комитета Временного правительства на съезде не было.

²⁰⁷ НА РУз. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 3. Л. 206—208.

²⁰⁸ Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 1917 г. ... С. 26—27.

²⁰⁹ Наша газета. 1917. 13 сентября.

Открывая работу съезда, Ходжаев призвал туркестанцев «объединившись в одну нацию, не отделяться друг от друга под названиями “узбек”, “татарин”, “казах”»²¹⁰. По вопросу о власти съезд высказался против передачи власти Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, поддержав коалиционный принцип ее формирования²¹¹.

17—20 сентября улемисты, как и планировали, провели свой съезд. В газете «Улуг Туркистон» он назван съездом «туркестанских и казакстанских мусульман». Он был представительнее, чем съезд организованный Шуру-и-Исламия. В нем приняли участие свыше 500 человек. Приехали делегаты не только от областей Туркестана, но и от Тургайской и Уральской областей. Важная, на наш взгляд, деталь: большинство присутствовавших на съезде были муллами и мударрисами, а значит, имели много последователей²¹².

Среди важнейших итогов хочется отметить принципиальное решение делегатов не отделять религиозные дела от светских, что означало сохранение системы шариатского суда, а женщины не получали равных прав с мужчинами²¹³.

Свои резолюции Улема Джамяти вынесла на обсуждение еще продолжавшегося Краевого съезда мусульман под руководством политических конкурентов из Шуру-и-Исламия. Краевой съезд их одобрил. Чрезвычайная ситуация заставила два соперничающих течения забыть на время о разногласиях и попытаться выработать общую программу действий.

Решения мусульманских съездов показали, что национальное автономистское движение в Туркестане приобрело более зрелые формы и местная политическая элита не намерена более мириться с доминированием русского меньшинства в управлении регионом²¹⁴.

При этом «косные» и «отсталые» улемы оказались активной и организованной «молодежи/реформаторов». Это объяснимо. Им было что терять. По-своему они тоже хотели реформ. Но еще больше, на наш взгляд, они хотели договориться с новой властью и жить по-прежнему.

²¹⁰ Великая российская революция 1917 года... С. 342.

²¹¹ *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана... С. 122.

²¹² Великая российская революция 1917 года... С. 366.

²¹³ Там же. С. 368.

²¹⁴ Гражданская война в Степном крае и Туркестане... С. 66.

О принятых совместно решениях стоит сказать несколько слов. По мнению Марко Буттино, улемы были первыми, кто выдвинул предложение, изменившее отношения между двумя политическими организациями²¹⁵. Было решено создать единую мусульманскую партию Туркестана Иттифак-аль-Муслимин (Союз мусульман), «способную руководить тюрками-мусульманами и Туркестана и Казахстана»²¹⁶. Как следствие, Шууро-и-Исламия, Улема Джамяти и ряд других мусульманских политических партий Туркестана должны были самораспуститься. Важнейший шаг был сделан. В совместной резолюции манифестировалось предложение создать Федеративную Республику Туркестан, которая пользовалась бы территориальной автономией на основе принципов национально-культурного самоопределения в рамках Российской Республики.

Республика Туркестан должна была включать Сырдарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую, Закаспийскую области, а также Семиречье, которое не прислало на съезд своих представителей. Стоит отметить, что в мае 1917 г. Туркестанский комитет Временного правительства изменил административные границы края, отделив Семиречье²¹⁷. Такое решение было вызвано тем, что беспорядки в этом районе связанные с восстанием 1916 г., продолжали напоминать о себе тяжелыми последствиями, как в экономической сфере, так и в сфере межнациональных отношений.

Предполагалась перспектива расширения территории Республики за счет включения в нее Уральской и Тургайской областей (в отличие от Акмолинской и Семипалатинской, эти области не входили в состав Степного генерал-губернаторства), основным населением которых являлись казахи. Тем самым признавался принцип территориальной автономии, который ранее уже был одобрен I Всероссийским мусульманским съездом в Москве, а теперь формулировался более конкретно и с одобрения делегатов различных частей Центральной Азии.

Исследователи отмечают два существенных отличия между позициями, выраженными Улема Джамяти на своем съезде и на II Краевом мусульманском съезде (базовые принципы будущей Туркестанской автономии), и позицией партии Алаш. Первое отличие: объединенная резолюция туркестанских мусульман давала улемам возможность осуществлять контроль над государственными

²¹⁵ Марко Буттино. Революция наоборот... С. 188.

²¹⁶ Великая российская революция 1917 года... С. 368.

²¹⁷ НА РУз. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 37. Л. 38.

делами. Второе отличие: в Туркестане предложили объединить в одной республике все народности Центральной Азии, включая территории, населенные казахами. II Всекиргизский съезд в Оренбурге в декабре 1917 г., напротив, высказался за объединение только областей, населенных казахами²¹⁸. В протоколе заседания съезда, в частности, говорилось: «...анархия растет с каждым днем и угрожает распространиться на территории тех областей, где живут казак-киргизы, ...единственным выходом из создавшегося трудного положения является организация твердой власти, которую признало бы все население казак-киргизских областей»²¹⁹.

18—26 октября 1917 г. в Ташкенте прошел Краевой съезд воинов-мусульман. Съезд осудил попытку большевиков захватить власть, заявив о поддержке Временного правительства. Было принято решение о создании Ташкентского Центрального Совета воинов-мусульман в составе 9 человек, возглавил который Ариф Клевлеев²²⁰.

Тяга к интеграции среди мусульман бывшей Российской империи наметившаяся весной — летом 1917 г. так и не смогла перерасти ни во что большее. Не можем не согласиться с С. М. Исхаковым, что, казалось бы, после революции, и особенно после прихода к власти большевиков, следовало ожидать демонстрации всероссийского мусульманского или тюркского единства. Но ничего подобного не произошло. Все действовали обособленно²²¹.

Причем первым на путь практической реализации планов по созданию национально-территориальной автономии встал, как это ни удивительно, именно Туркестан, а формирование левоэсеровско-большевистского правительства в Ташкенте просто ускорило процесс объявления автономии, дискуссия о которой активно велась весной — летом 1917 г.

По мнению В. П. Булдакова, несмотря на усиление противоречий между младокиргизами и младосартами, с одной стороны, и улемистами (консерваторами) — с другой, уже в начале ноября в крае наметились консолидационные процессы на основе противостояния анархии и большевизму²²².

²¹⁸ Марко Буттино. Революция наоборот... С. 397.

²¹⁹ Цит. по: Абдыгалиулы Б. Войско Алаш. Казахские части в составе белой армии (1918—1920 гг.). Астана, 2017. С. 113—114.

²²⁰ Россия — Средняя Азия. Т. 2. Политика и ислам в XX — начале XXI в. М., 2011. С. 17.

²²¹ Исхаков С. М. Мустафа Чокаев о революции 1917 года... С. 217.

²²² Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России... С. 514.

Большевики в Туркестане: классовое или национальное сознание?

Как относились лидеры большевиков к Туркестану, и какое место отводили ему в своих планах государственного строительства, успели ли они проникнуться «очарованием Востока», как местные периферийные социалисты на манер Наливкина или удержались от этого соблазна, как Керенский? В. П. Булдаков отмечает, что если в центре страны большевики пытались задобрить мусульман, то в Туркестане они действовали как колонизаторы²²³.

Всем хорошо известны первые политико-правовые акты, принятые советской властью в октябре — ноябре 1917 г., связанные с национальным вопросом.

В обращении к «Рабочим, солдатам и крестьянам», говорилось, что советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»²²⁴, делая тут же, однако, оговорку о том, что в каждом конкретном случае будут исходить из «целесообразности» такого решения. В «Декларации прав народов России» были определены четыре основных принципа: равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России²²⁵. И наконец, в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»²²⁶ подчеркивалось, что верования и обычаи, национальные и культурные учреждения мусульман России отныне объявляются свободными и неприкосновенными. Были ли эти декларации реализованы в Туркестане и если нет, то почему?

Лидеры российских большевиков, не ставили под сомнение существование национальностей и отлично осознавали важность существования национализма как инструмента политической мобилизации²²⁷. Так В. И. Ленин признавал революционный характер нацио-

²²³ Там же. С. 666.

²²⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 8—9.

²²⁵ Там же. С. 39—41.

²²⁶ Там же. С. 113—115.

²²⁷ *Slezkine Y.* The Soviet Union as a Communal Apartment? Or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. № 53 (2). P. 415—452.

нальных движений среди угнетенных народов в европейских колониях. Для сохранения окраин в составе России и успеха революции он считал необходимым гарантировать всем народам равный статус, а главное положить конец русскому культурному и социальному господству, широко признав право народов на самоопределение²²⁸.

Буржуазное понимание самоопределения: «*Вся власть национальной буржуазии*». Социалистический принцип самоопределения: «*Вся власть трудовым массам угнетенных национальностей*»²²⁹. По мнению Жюльет Кадио, в момент прихода к власти у большевиков не было точно сформулированного и общепринятого понимания того, какое место должны занимать национализм и этничность в новом государстве. Поэтому «они приступили к разработке политики, основанной одновременно на теоретических принципах и практике переговоров с представителями национальных политических сил, родившихся под влиянием революции». Их целью было «восстановить единое государство путем признания национальных различий, которые должны были найти отражение в определенной территориальной и институциональной организации»²³⁰.

Однако, говоря о большевиках Туркестана, необходимо не забывать, что восстание оренбургских казаков под руководством атамана А. И. Дутова в ноябре 1917 г. прервало сообщение между Туркестаном и европейской частью России почти на два года. В таких трудных условиях большевистскому движению в крае пришлось развиваться почти без участия Центра.

15–22 ноября 1917 г. в Ташкенте прошел III Краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Из 114 присутствовавших делегатов подавляющее большинство принадлежало к фракции большевиков и максималистов, остальные — к фракции левых эсеров и меньшевиков²³¹. В сформированное левозеровско-большевистское правительство не вошел ни один представитель коренного населения. Главой правительства в Туркестане стал большевик Ф. И. Колесов. Именно Ташкент стал местопребыванием первого советского (хотя еще и не полностью большевистского) правительства, созданного на бывших окраинах империи²³². Съездом была

²²⁸ См.: Ленин В. И. О национальной политике. М., 1989.

²²⁹ Сталин И. В. Собрание сочинений: в 16 т. М., 1947. Т. 4. С. 162–163.

²³⁰ Жюльет Кадио. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890–1940. М., 2010. С. 148–149.

²³¹ История Узбекской ССР... С. 248.

²³² Пролетарская революция. 1924. № 10 (33). С. 138–161.

предложена следующая резолюция: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органах высшей власти фракция приветствовала бы»²³³.

На съезде прозвучали два диаметрально противоположных выступления представителей коренного населения: лидера организации Улема Джамияти Серали Лапина и делегата от Ходжентского совета мусульманских рабочих депутатов Абдуллы Рахимбаева. Первый был делегатом III Краевого съезда Советов от краевого совещания мусульман и выступил от его имени. Лапин заявил, что мусульманам должно быть предоставлено в органах новой власти 3/4 мест. «Основываясь на принципе самоопределения... мусульманство могло бы потребовать себе и всей власти, — сказал Серали Лапин, — но оно делает уступку пришлым элементам, допуская их представителей к власти... Путь мусульман самостоятельный. Он указывается им Кораном и правилами шариата, поэтому они не могут примкнуть ни к одной из русских политических партий, но будут поддерживать ту власть, которая, опираясь на все народные организации, приведет к Учредительному собранию... Мусульмане верят в обещание русской революции о самоопределении»²³⁴. Кроме того, Лапин предложил учредить в Ташкенте Краевой совет и Правительственный комитет, в которых половина мест должна принадлежать национальной буржуазии, а вторая половина должна быть поделена между русской буржуазией и Советами. На иных условиях мусульмане отказывались принять участие в организации власти в городе и крае²³⁵.

Выступление Лапина было опротестовано Рахимбаевым. Он предложил съезду не считаться с мнением «Объединенного совещания различных мусульманских групп», не являвшегося, по его мнению, выразителем настроений всего мусульманского населения, каковым может быть только краевой общемусульманский съезд, созыв которого был назначен на 25 ноября²³⁶.

²³³ Наша газета. 1917. 23 ноября.

²³⁴ Цит. по: История и историки Узбекистана в XX столетии... С. 106.

²³⁵ Знамя свободы. 1917. 28 ноября.

²³⁶ История и историки Узбекистана в XX столетии... С. 106.

Съезд отверг предложение Лапина. Однако это был компромисс или ультиматум?

Что в предложениях Лапина нам кажется важным и на что необходимо посмотреть, чтобы понять, глазами рабочих и солдатских депутатов. Они не собирались делить никаких мест с русской буржуазией. Такая коалиция была невозможна, поскольку это были политические антагонисты. И именно национальная буржуазия, а не просто мусульмане, являлась для собравшихся на III Краевом съезде Советов классовым врагом. Но были и такие, как Абдулла Рахимбаев, и о существовании мусульманского пролетариата в Туркестане забывать нельзя, и это делегаты тоже знали. Однако этот важный фактор руководством местных большевиков был полностью проигнорирован, поскольку таких, как Абдулла Рахимбаев, в правительстве, сформированном, на съезде не оказалось.

Царская власть и Временное правительство понимали необходимость или даже неизбежность, учитывать этноконфессиональную специфику края при формировании структуры власти. Они находили себе союзников среди «классово близких элементов», хотя в целом «инородцам» они не доверяли. Эту атмосферу недоверия, уловил Гзовский в первом варианте своих воспоминаний и передал, пусть и нарочито, словами генерала Черкеса: «Помните, граждане, — говорил командующий войсками, — что мы живем среди враждебного нам инородческого населения! Если между нами не будет согласия, если мы начнем между собой ссориться, то сарты и киргизы восстанут против нас и сотрут нас с лица земли. Не забывайте, что нас, русских, в Туркестане мало, а их (инородцев) — более десяти миллионов».

И делая реверанс интернационализму большевиков, Гзовский продолжает: «Толпа не испугалась этих “жупелов”, ибо она прекрасно уже понимала, что “инородцы” в массе ей не страшны, ибо и сартовский (и киргизский) пролетариат пойдет с ними рука об руку...».

Возможно, туркестанские большевики не видели ни в одной крупной политической национальной организации края потенциального партнера для создания политической коалиции. И за это их не вполне уместно обвинять в национализме. Они действовали достаточно гибко, когда были уверены, что это принесет реальные политические дивиденды. Например, об этом речь пойдет ниже, быстро нашли точки соприкосновения с младобухарцами.

Еще в июле 1917 г. II Туркестанский съезд РСДРП постановил поддержать всякое оппозиционное движение среди мусульман, вести соответствующую пропаганду на местных языках, способствовать созданию Советов трудящихся мусульман²³⁷.

Правые (позволим себе такой термин) мусульманские политические силы Туркестана ни чуть не в меньшей степени, если не в большей, чем большевики, были не готовы к уступкам, а левые силы находились на стадии формирования. Поэтому предложение Лапина больше напоминало ультиматум, поскольку выбирать большевикам было не из кого.

Лапин считается автором очень интересного документа — так называемого «Письма русским социалистам», написанного от имени организации Улема в январе 1918 г. В нем Лапин утверждает, что «европейский социализм имеет своим первоисточником тот же самый ислам»²³⁸. Отмежевываясь от джадидов-прогрессистов как от политических противников, отрицая и не принимая эволюцию туркестанского общества в направлении создания капиталистических структур, Лапин писал: «в главных своих основах социализм мало чем отличается от учения ислама и расходится с последним лишь в способах осуществления принципов и в некоторых подробностях. А это указывает на то, что европейский социализм имеет своим первоисточником тот же самый ислам, каковое обстоятельство само по себе представляет факт величайшей исторической важности, как в жизни мусульман, так и в целях объединения всего человечества»²³⁹. Такое по-настоящему компромиссное смягчение позиции, свидетельствует, что Лапин скорее был реалистом, чем консерватором. По сути, это запоздалый призыв к большевикам сесть за стол переговоров.

Временное правительство было готово к компромиссам, включив в состав Турккомитета мусульман, потому что в значительной степени унаследовало отношение к этноконфессиональному вопросу от правительства царского, с обязательной представительской квотой, пусть и непропорциональной реальному количеству населения, для так называемых «туземцев». Леоэсеровско-большевистское правительство действовало в иной политической логике —

²³⁷ Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России... С. 329.

²³⁸ «Европейский социализм имеет своим первоисточником тот же самый ислам...» Письмо русским социалистам от ташкентской организации «Шуро-и-Улема». 1918 г. [публикация М. М. Хайдарова] // Исторический архив. 2004. № 2. С. 172—182.

²³⁹ НА РУз. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 11. Л. 5 об.

классовой, и декларировало готовность эти квоты так же продолжать предоставлять, но не просто «национальным элементам», а «классово близким национальным элементам». Хотя имперская традиция отношения к Туркестану как к «окраине на особом положении» просматривается волне очевидно.

В январе 1918 г. В. А. Чайкин по поручению Краевого съезда дехкан и рабочих мусульман обратился к наркому по делам национальностей И. В. Сталину, считает ли он себя идейно обязанным поддержать переход власти в Туркестане к «туземным рабочим и крестьянам». Сталин якобы ответил: «Советы автономны в своих внутренних делах и действуют, опираясь на собственные реальные силы. Поэтому туземным пролетариям Туркестана надлежит не обращаться к центральной советской власти с ходатайством о роспуске ... Туркестанского Совнаркома, а распустить его силой, если такая у туземных пролетариев и крестьян найдется»²⁴⁰.

С одной стороны, возможно, это была обыкновенная тактическая уловка ленинского руководства, считает С. С. Агзамходжаев, не желавшего бросить тень на политический имидж большевиков, выступавших с декларациями полного национального самоопределения²⁴¹.

С другой — первый историограф Туркестанской автономии П. Алексеенков в 1931 г. признал допущенную ошибку: «Отказавшись привлечь к делу строительства советской власти пролетарские и полупролетарские слои коренного населения страны, наша туркестанская партийная организация не чувствовала под собой достаточно твердой почвы для того, чтобы вести решительное наступление на власть Временного правительства во всем Туркестане, и долгое время продолжала барахтаться в самом Ташкенте»²⁴².

На рубеже 1917—1918 гг., считает М. Буттино, советская власть в Туркестане означала русскую власть. Сложившуюся ситуацию он назвал «революцией наоборот»²⁴³. Возросшие претензии мусульман на участие во власти в сочетании с устойчивым восприятием их проектов как угрозы позиции русских в регионе определили выбор делегатов съезда по вопросу о власти в пользу большевиков.

²⁴⁰ Цит. по: Россия — Средняя Азия. Т. 2. Политика и ислам в XX — начале XXI в. ... С. 19.

²⁴¹ Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон махтурияти)... С. 209.

²⁴² Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931. С. 52.

²⁴³ См.: Марко Буттино. Революция наоборот...

По мнению И. Б. Бочкаревой и Ю. А. Лысенко, советская власть в Туркестане была провозглашена по классовому принципу как диктатура трудящихся, а правительство было сформировано по национальному принципу при чрезвычайно узкой социальной базе. При этом вопрос об автономии края вообще не нашел отражения в решениях съезда²⁴⁴.

Позволим себе не во всем согласиться с коллегами. Спустя столетие мы невольно додумываем за туркестанских большевиков, конструируя и навязывая им сформулированный в современных постсоветских условиях тезис о том, что «правительство было сформировано по национальному принципу», поскольку после ликвидации СССР «национальное» вышло на первый план, а «классовое» стало анахронизмом.

При этом в вышеприведенной резолюции Съезда вполне однозначно говорилось: включение в настоящее время мусульманского населения в органы высшей краевой революционной власти неприемлемо ввиду неопределенности его отношения к советской власти и отсутствия пролетарских организаций, представительство которых в органах высшей власти приветствовалось бы. Это значит, что советская власть в Туркестане была не только провозглашена, но и сформирована на основании классового подхода. При этом степень революционности туркестанских большевиков оказалась выше, чем у петроградских.

Начиная с 1918 г. в рамках уже советской автономии Туркестана, особенно после ликвидации блокады Оренбург-Ташкентской железной дороги и возобновления беспрепятственного сообщения с европейской частью России, Центр наконец получил возможность активно влиять на местную ситуацию, представителям коренных народов был гарантирован доступ во все эшелоны партийного и государственного аппарата. С 1921 г. начала проводиться политика коренизации. Более того, был принят ряд мер в духе «позитивной дискриминации», призванных способствовать развитию социальных лифтов для бывших «инородцев». С другой стороны, слишком сильное национальное самосознание грозило превратиться в признак «буржуазного национализма», считает Жюльет Кадио, борьба с которым началась практически одновременно с политикой коренизации: «Режим колебался между признанием “хорошего” и “плохого” национального самосознания»²⁴⁵.

²⁴⁴ Бочкарева И. Б., Лысенко Ю. А. «Национальный вопрос» и становление советской власти в Туркестане (1917–1921 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 101.

²⁴⁵ Жюльет Кадио. Лаборатория империи: Россия/СССР... С. 158.

Немного об историографии Туркестанской автономии, или «Не сотвори себе кумира...»

В советской историографии Туркестанская (Кокандская) автономия, получив приставки «буржуазная» и «контрреволюционная»²⁴⁶, прожила с этими эпитетами до конца 1980-х гг., практически обойденная вниманием исследователей, как самостоятельная научная проблема. Об автономии заговорили в начале 1990-х гг. на волне распада СССР и с получением бывших союзных республик статуса независимых государств²⁴⁷.

Со сменой исторических эпох и началом активного строительства на постсоветском пространстве национальных государств, для их полноценной легитимности потребовались собственные национальные герои с яркими и трагическими биографиями. Произошла очевидная и легко объяснимая смена оценок, а вместе с ней у автономии появились новые приставки «национальная» и «прогрессивная». После отказа от классового похода, подчеркнутое внимание стало уделяться этноконфессиональной принадлежности политических оппонентов. Произошла кардинальная смена «плохих» и «хороших» исторических акторов. Прежних «классовых» акторов, буржуазию, которая в рамках классового подхода не переставала быть буржуазией, будучи «русской/европейской» или «национальной/мусульманской», и пролетариат в совокупности с трудовым крестьянством/деханством, сменили новые внеклассовые — «русское/европейское меньшинство» и «национальное/мусульманское большинство».

Начала проводиться мысль о нелегитимности советской власти и всего советского периода истории. В то же время о национально-буржуазных образованиях первых лет революции (Кокандская

²⁴⁶ Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925; Алексеевков П. Кокандская автономия...; Ланда Л. М. Панисламистская и пантюристская агентура в Туркестане (конец XIX в. — 1917): дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1953; Шамагдиев Ш. А. Очерки истории гражданской войны в Ферганской долине. Ташкент, 1961; и др.

²⁴⁷ Хасанов М. К. «Кокандская автономия» и некоторые ее уроки // Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 2. С. 41—52; Эргашев Б. Джадиды: либералы или демократы // Звезда востока. 1991. № 12. С. 127—131; Агзамходжаев С. С. В преддверии драмы. Туркестанский комитет Временного правительства... С. 135—148; Кошанов Б. А. Большевики в Туркестане. 1917—1922 гг. Доктрина и реальность: дис. ... докт. ист. наук. М., 1994; Абдуллаев Р. Хроника противостояния // Звезда Востока. 1995. № 11—12. С. 199—202; и др.

автономия, Алаш-Орда и др.) заговорили как о подлинно законных, поддержанных широкими народными массами. Таким образом обосновывалась преемственность между теми национально-буржуазными образованиями (автономиями) и установившимися современными режимами²⁴⁸.

На фоне дискредитации недавней советской истории началось формирование своеобразного исторического зазеркалья, которое стало инструментом, поскольку методологические подходы остались зачастую прежними, для создания нового сакрального пантеона политических деятелей прошлого, очень быстро занявших освободившиеся места своих политических противников, при том что в реальной истории поражение потерпели новые обладатели старых пьедесталов.

Необходимо признать, что за последние десятилетия на постсоветском пространстве относительно событий 1917—1920-х гг. сформирована новая историческая память. Она, как и в случае с предыдущим пантеоном, зиждется на вере в абсолютную нравственную непогрешимость и безусловную политическую правоту новых национальных героев. Новым героям, так же как и советским, отказано в возможности быть людьми, со всеми присущими человеку слабостями.

В этой связи востоковед А. Б. Джумаев задает вопрос: «в какой степени можно доверять историческим концепциям официальной историографии, выполняющей новый социальный заказ?» Осмысление этого феномена, дело будущего, а вот то, что А. Б. Джумаев тезисно формулирует для начала научной дискуссии прямо сейчас:

а) историография, наученная советским идеологическим диктатом, мгновенно приспособилась к изменившейся ситуации (в ряде случаев более жесткой, чем прежняя);

б) часть историков, происходящая из бывших советских элит, сохранивших свои позиции в новых государствах после распада СССР, хотела бы сохранить таким способом и свое место и статус;

в) немало ученых-интеллектуалов скрывали в советское время свои подлинные взгляды на социализм, выдавая себя за его сторонников, и ждали «своего часа»;

г) к критикам социализма принадлежат потомки «выкорчеванных» из советского общества эксплуататорских и аристократических классов или репрессированных;

²⁴⁸ Джумаев А. Б. «Скажите, а Ленин еще вернется?»... С. 216—217.

д) среди критиков революции, советской власти и социализма есть и идейные сторонники буржуазной национальной и националистической концепции исторического развития;

е) антисоветская научная риторика вызвана необходимостью обрабатывать зарубежные гранты с их соответствующей идеологической установкой²⁴⁹.

Не смогла избежать этого и российская историография. В ней также произошла смена акторов во внутреннем историческом контексте, — «наших» и «не наших» поменяли местами, — отдавая предпочтение неолиберальному взгляду на исторический процесс. Однако в своих оценках событий на окраинах империи и бывших союзных республиках значительная часть отечественных исследователей сохраняет верность устоявшейся марксистско-ленинской трактовке. При этом тема Туркестанской автономии осталась периферийной. О ней, как правило, упоминают в рамках изучения других крупных научных вопросов²⁵⁰.

Уникальность воспоминаний Гзовского состоит в том, что он, представляя две диаметрально противоположные оценки событий («от наших» и «не наших»), подводит нас к пониманию, что историю русской революции нужно изучать комплексно, серьезно анализируя все доводы и аргументы противоборствовавших сторон, учитывая доводы классовой борьбы, этноконфессиональные противоречия и сложные межличностные отношения политических акторов. Поскольку, говоря непосредственно о Туркестане, зачастую очень сложно разобраться, где классовая борьба перерастала в противостояние на этноконфессиональной почве, а откровенная личная неприязнь прикрывалась лозунгами классовой и национальной борьбы, и наоборот.

Большая российская энциклопедия дает следующее определение Кокандской автономии: «...создана ... IV Чрезвычайным краевым мусульманским съездом в Коканде по инициативе мусульманских организаций Шура-и-Улема и Шура-и-Исламия с целью недопущения

²⁴⁹ Там же. С. 218—219.

²⁵⁰ *Валиханова Н. С.* Историография национальных движений партий Средней Азии...; *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России...; *Тарасов К. А.* Антиимперская революция. Национальные окраины и распад Российской империи... С. 150—164; Этнополитические процессы в центрально-азиатских окраинах России в период революций 1917 г. / отв. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул, 2017; Гражданская война в Степном крае и Туркестане... и др.

революционных преобразований, начатых Туркестанской советской республикой (ТСР), сохранения феодально-байского землевладения, норм шариата, а также с целью отделения Туркестана от Советской России и восстановления Кокандского ханства. ... Руководство Кокандской автономии достигло соглашения о совместных действиях с бухарским эмиром, хивинским ханом, атаманом А. И. Дутовым и националистической организацией Алаш. Активную поддержку Кокандской автономии оказало британское правительство, направившее в Коканд военных советников и оружие. В конце января 1918 г. вооруженные силы Кокандской автономии под командованием Иргаша начали боевые действия против ТСР. 6–9 (19–22) февраля 1918 г. войска Иргаша были разбиты отрядами Красной гвардии...»²⁵¹.

Текст не демонстрирует в концептуальном плане серьезного отличия от определения, дававшегося автономии советской исторической наукой, в том числе в Большой советской энциклопедии. Возможно, это связано с тем, что за последние три десятилетия специально посвященными истории Туркестанской автономии можно считать всего несколько статей²⁵², среди которых, несомненно, хочется выделить работу С. М. Исхакова²⁵³.

Немногом лучше обстоит ситуация на постсоветском пространстве. В 2006 г. в Ташкенте было издано единственное крупное исследование об истории Туркестанской автономии²⁵⁴, а в 2010 г. — защищена кандидатская диссертация по ее историографии²⁵⁵.

²⁵¹ Кокандская автономия // Энциклопедия «Всемирная история» [Электронный ресурс]. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/kokandskaia_avtonomiia (дата обращения: 01.03.2019).

²⁵² *Размахов К. Е.* Создание советской автономии в Туркестане в 1917–1918 гг. ... С. 42–46; *Бочкарева И. Б.* Автономистское движение в Туркестане в период революций 1917 г // Известия АлтГУ. 2017. № 2(94). С. 53–57; *Усманова Д. М.* Ислам Шагиахметов: забытые герои 1917 г. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2017. № 3–4. С. 166–175; *Кузьмин С.* Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии в первой половине XX в. // Религия и общество на Востоке. Вып. II. 2018. С. 188–245; *Бочкарева И. Б., Лысенко Ю. А.* «Национальный вопрос» и становление советской власти в Туркестане... С. 100–110; и др.

²⁵³ *Исхаков С. М.* Мустафа Чокаев о революции 1917 года... С. 204–223.

²⁵⁴ *Азгамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон махтурияти)....

²⁵⁵ *Мадьярова С. Н.* Историография Туркестанской автономии (1917–2008 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2010.

Американский исследователь Адиб Халид считает, что литература по данной теме весьма тенденциозна: советская историография настаивала на том, что провозглашение автономии являлось заурядной авантюрой местной буржуазии, поддержанной иностранными интервентами, а западные ученые²⁵⁶ и современная узбекистанская историография²⁵⁷ видели и видят в этом попытку создания национальной государственности.

Казахстанские коллеги расценивают автономию, по сути, как еще один «казахский государственный проект», возникший и развивавшийся параллельно с Алаш Ордой²⁵⁸. Так, Ж. Ж. Кумганбаев и М. Ж. Ташенев трактуют появление Алаш Орды и Кокандской автономии как проявление двух направлений в общественно-политической мысли казахов того периода: «западный» — с ориентацией на демократические либеральные ценности (партия Алаш) и «восточный» (или тюркистский), базирующийся на ценностях культурно-религиозного единства тюркских народов Туркестана, носителем и пропагандистом которого стал Мустафа Чокаев²⁵⁹.

Таджикская историческая наука обращается к теме автономии чаще в контексте критике пантюркизма, не считая ее предтечей своего нацистроительного проекта, либо рассматривает ее как один из эпизодов истории Согдийской области (Ходжентский уезд

²⁵⁶ *Буттино М.* Революция наоборот...; *Халид Адиб.* Туркестан в 1917–1922 гг.: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 189–226; и др.

²⁵⁷ *Коцанов Б. А.* Туркестанская (Кокандская) автономия // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. 1993. № 2. С. 95–99; Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000; *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон махтурияти); *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана...; *Алимова Д.* Историография проблемы построения национально-демократического правового государства в 1917–1920 гг. ... С. 264–291.

²⁵⁸ *Нуртазина Н. Д.* Народы Туркестана: проблемы Ислама, интеграции, модернизации и деколонизации...; *Кумганбаев Ж. Ж., Ташенев М. Ж.* Туркестанская (Кокандская) автономия и идея единого Туркестана // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия: «Историческая». 2013. № 3 (70). С. 49–55. и др.

²⁵⁹ *Кумганбаев Ж. Ж., Ташенев М. Ж.* Туркестанская (Кокандская) автономия и идея единого Туркестана... С. 49–55.

Туркестанского края), являющейся частью Ферганской долины²⁶⁰. Киргизская и туркменская историография практически не касаются этой темы.

Не имея возможности провести развернутый историографический анализ, а это отдельная исследовательская задача, которая, учитывая формат книги, не входила в наши планы, отметим лишь несколько мыслей коллег, показавшихся нам и близкими к истине, и спорными одновременно.

В работе, посвященной истории Туркестанской автономии, С. С. Агзамходжаев настаивает на единстве всех слоев коренного мусульманского населения края, утверждая, что ее создание — совокупная воля народов Туркестана²⁶¹.

Г. И. Сафаров в 1921 г. отмечал, что ташкентское руководство партии Улема Джамиати, было против автономии еще и потому, что руководящие позиции в ней занимала не узбекская, а казахская интеллигенция²⁶². Это очень интересное наблюдение Сафарова, на наш взгляд, плохо корреспондируется с тем, что главой партии был казах Лапин. Думается, что в значительной степени имело место личное ревностное отношение Лапина как к Тынышпаеву, так и к Чокаеву.

С. М. Исхаков считает, что «кокандские события» продемонстрировали, что в Туркестане, несмотря на абсолютное преобладание тюркско-мусульманского населения, необходимого единства в рядах духовной и политической элиты не случилось²⁶³.

Н. Д. Нуртазина, напротив, полагает, что в объединенной борьбе народов Туркестана за свои политические права проявилось духовное родство и согласие джадидской элиты, всех прогрессивно настроенных слов коренного населения²⁶⁴.

²⁶⁰ Масов Р. История топорного разделения. Душанбе, 1991; История Таджикского народа. (Новейшая история 1917–1941 гг.). Т. V. Душанбе, 2004; Абдуллаев К. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века...; Мамадалиев И. А. Россия и Средняя Азия: переосмысление исторических процессов (с 60-х гг. XIX — по 60-е гг. XX в.). Худжанд, 2018.

²⁶¹ См.: Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон махтурияти)...

²⁶² См.: Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921.

²⁶³ Исхаков С. М. Мустафа Чокаев о революции 1917 года... С. 223.

²⁶⁴ Нуртазина Н. Д. Народы Туркестана: проблемы Ислама, интеграции, модернизации и деколонизации... С. 136.

Очевидец всего происходившего Ф. Божко утверждал, что Кокандская автономия распалась «сама собою в результате противоречивых столкновений классовых сил», «внутренней классовой борьбы, разъедавшей национальную контрреволюцию»²⁶⁵.

Л. А. Молчанов уже в наше время пишет, что кокандское правительство не получило реальной поддержки в других частях края, а сама автономия была слишком слаба, чтобы сопротивляться большевикам²⁶⁶.

В противостоянии с Совнаркомом Туркестана кокандское правительство не располагало реальными ресурсами влияния (профессиональная армия, финансы, отсутствие безоговорочной поддержки со стороны коренного населения Туркестана и так далее) и не смогло перехватить политическую инициативу. То, что мусульманская политическая элита уже после прихода к власти большевиков в Петрограде и Ташкенте при слабости вышеуказанных факторов решилась на провозглашение автономии и создание правительства, И. Б. Бочкарева и Ю. А. Лысенко объясняют высокой мобилизационной особенностью идеологии национализма²⁶⁷.

Решения III съезда Советов Туркестана о формировании правительства края и переносе выборов в Учредительное собрание с ноября на декабрь стали точкой размежевания мусульманского автономистского движения с советской властью. Поэтому лидеры Шуру-и-Исламия, по мнению И. Б. Бочкаревой решили реализовать свой проект автономии Туркестана, не дожидаясь созыва Учредительного собрания²⁶⁸.

Первоначально большую роль в туркестанском автономистском движении играли джадидские реформаторы (У. Ходжаев, М. Абдурашидханов, М. Бехбуди) и сторонники светского пантюркизма (А.-З. Валидов, М. Чокаев, М. Тынышпаев), создавшие партию Шуру-и-Исламия, отражавшую политическую позицию обновленцев. «Со временем, — пишет П. Бергне, — в Кокандской автономии верх взяли консерваторы-улемисты, представлявшие лидеров местных кланов и религиозных деятелей, объединенных в партию

²⁶⁵ См.: *Божко Ф.* Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1930.

²⁶⁶ «В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет»... С. 104.

²⁶⁷ *Бочкарева И. Б., Лысенко Ю. А.* «Национальный вопрос» и становление советской власти в Туркестане... С. 102.

²⁶⁸ Гражданская война в Степном крае и Туркестане... С. 71.

Улема Джамяти во главе с Серали Лапиным и Кичик Иргашем, возглавившим после падения Коканда басмаческое движение в Ферганской долине». Улема представляла интересы консервативно настроенного «мусульманского духовенства», отражавшего умонастроения многомиллионных масс и ориентированного на шариатский порядок и местную культурную традицию²⁶⁹.

Лидеры движений алашевцев и туркестанцев смирились со слабой социальной поддержкой местного населения, больше склонного доверять клерикалам и традиционалистам и относившегося с остороженностью и страхом как к русским, так и к мусульманским реформаторам²⁷⁰.

А. В. Шубин считает, что нацистроительные проекты еще только вызревали на этносоциальной почве Туркестана, и победившие военным путем в борьбе за города большевики предпочли возглавить процесс и показать Востоку образец решения национально-колониального вопроса²⁷¹. Это в том числе подтверждают воспоминания Гзовского. Кроме того, Кокандская автономия изначально не была нацелена на нацистроительство, а выступала в роли объединителя близких мусульманских народов Туркестана и Степного края на основе религиозных и кровных уз. Тюркизм должен был стать этническим, а ислам — культурным ядром новой идентичности.

К. Абдуллаев не видит исторических перспектив автономии. Объявленная напех, автономия была обречена с самого начала. Среди автономистов не было единства ни по одному важному политическому вопросу. Это произошло потому, что в правительство вошли не столько истинные приверженцы идеи национальной автономии (то есть тюркские националисты), сколько разношерстные противники большевиков, а также обиженные невниманием ташкентских комиссаров мусульманские интеллектуалы из числа русифицированной интеллигенции и чиновников²⁷².

²⁶⁹ *Bergne P.* The Kokand Autonomy, 1917—1918: Political Background, Aims and Reasons for Failure // *Central Asia: Aspects of Transition*. London, 2003. P. 34—35.

²⁷⁰ *Казиев С. Ш.* Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917—1991 гг.): дис. ... докт. ист. наук. М., 2015. С. 197.

²⁷¹ *Шубин А.* Революция и нация (1917—1920 гг.) // *Неприкосновенный запас*. 2017. № 5. С. 147—148; *Шубин А. В.* Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. М., 2017. С. 354—371; *Шубин А. В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М., 2019. С. 239—245.

²⁷² *Абдуллаев К.* От Синьцзяна до Хорасана... С. 112.

Возможно, мусульмане полагали, что могут сыграть на противоречиях, имеющихся между позицией, занимаемой Петроградом, и политической линией туркестанских революционеров в Ташкенте²⁷³.

Эдвард Аллворт считает крах Кокандской автономии неизбежным, поскольку у нее не было достаточных политических сил и средств. В то же время она не пользовалась поддержкой широких слоев населения. И все же это «эфемерное правительство имело большое значение»²⁷⁴.

Встречаются и такие оценки: «Среди коренного населения преобладала религиозная психология с примесью традиционной легкой русофобии. Новые предпринимательские слои из числа местных этнических групп в основном были политически и психологически связаны с Россией и сотрудничали с русскими властями»²⁷⁵.

Заслуживает внимания и следующая позиция: «...национальная интеллигенция, которая, убедившись на опыте в невозможности существования национальной автономии помимо советской власти, пришла к осознанию необходимости сделать “пришлую” Советскую власть орудием национального самоопределения»²⁷⁶.

На наш взгляд, очень взвешенно оценил перспективы существования автономии Р. Абдуллаев: «Усилия национальных политических организаций и участников национального движения Туркестана, направленные на реализацию своих политических установок, естественных и обоснованных требований, не принесли и, по-видимому, в тех конкретно-исторических условиях еще не могли принести ожидаемых результатов»²⁷⁷.

Джадиды знали реальную ситуацию — центральная власть в Петрограде не была заинтересована в независимости Туркестана. Именно поэтому, по мнению Д. А. Алимовой, они попытались организовать национальную государственность — Туркистон мухториати — в рамках демократической России. Это было государственное образование внутри государства, но с четким разграничением компетенции автономии и центра, полномочия которого сводились к минимуму²⁷⁸.

²⁷³ *Марко Буттино*. Революция наоборот... С. 243.

²⁷⁴ *Эдвард Аллворт*. Россия: прорыв на Восток... С. 193.

²⁷⁵ Системная история международных отношений: в 4 т. 1918—1991. Т. 1. События 1918—1945. М., 2000. С. 86.

²⁷⁶ *Мамадалиев И.* Россия и Средняя Азия: переосмысление исторических процессов... С. 162.

²⁷⁷ *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана... С. 197.

Или: «Мустафа Чокаев и его единомышленники исходили из того, что Туркестан сможет восстановить свою утерянную государственность и защитить её от внешней угрозы только при консолидации всех тюркских народов, проживавших в регионе»²⁷⁹.

Однако более распространенная оценка событий выглядит следующим образом: первое — Кокандская автономия явилась одним из выражений стремления народов Туркестана восстановить свою государственность утраченную в 60-е гг. XIX в. в период российской колонизации; второе — попытку правительства Кокандской автономии восстановить утраченную Туркестанскую государственность следует расценивать как первое и самое яркое проявление национального возрождения в регионе после падения царизма; третье — автономия явилась одним из первых опытов восстановления Туркестанской государственности демократическим путем через свободное волеизъявление народа; четвертое — широким массам коренного населения необходимо было подлинное национальное самоопределение, без руководящего участия российской колониальной бюрократии и русских рабочих²⁸⁰.

Позволим себе ряд уточняющих вопросов. Во-первых — какую именно государственность и какие именно народы стремились восстановить и о чем национальном возрождении идет речь? В начале 60-х гг. XIX в. государственность в регионе существовала в трех вариантах — Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, из которых только государственность последнего была ликвидирована полностью.

Во-вторых, что касается народов, то, например, хорошо известно о непростых, мягко говоря, отношениях киргизов и правящей узбекской династии Кокандского ханства, туркмен и правящей узбекской династии Хивинского ханства и т. д. Более того, сам цитируемый коллега, в том же исследовании, но несколькими страницами ранее, пишет, что в период, предшествовавший появлению России в Средней Азии, таджики «проживали под господством чуждой им этнической государственной власти, испытывая постоянные

²⁷⁸ *Алимова Д. А.* История как история, история как наука. Т. 2. Феномен джадидизма. Ташкент, 2009. С. 29.

²⁷⁹ *Кумганбаев Ж. Ж., Ташенев М. Ж.* Туркестанская (Кокандская) автономия и идея единого Туркестана... С. 50.

²⁸⁰ *Мамадалиев И.* Россия и Средняя Азия: переосмысление исторических процессов... С. 158–159.

преследования и гонения со стороны тюркских кочевых племен, угрожавших им полным физическим уничтожением»²⁸¹.

В-третьих — говоря о том, что коренному населению необходимо было подлинное национальное самоопределение (или все же возрождение?), мы должны понимать, что подразумевается под понятием «национальное» — некая единая туркестанская политическая нация (а существовала ли она?) или речь идет о самоопределении отдельных народов (и здесь мы рискуем углубиться в анализ того, что совсем не входит в круг рассматриваемых нами вопросов)? Если последнее, то сколько народов, столько и самоопределений? Значит, автономий в Туркестане должно было возникнуть больше, чем одна, или речь должна идти о создании Туркестанской федерации?

В 1917—1918 гг. Туркестан стал ареной серьезной политической борьбы за реформы и прогресс. Местный джадидизм, возглавивший эту борьбу, был, по мнению Д. А. Алимовой, ярким проявлением евразизма, сплава культур и толерантности, и автономия стала не чем иным, как проявлением евразизма в политике, используя в своей стратегии европейский, в первую очередь российский, опыт, но основываясь на национальных восточных традициях²⁸².

Туркестанская (Кокандская) автономия была первой, но далеко не единственной, попыткой создать на окраинах бывшей Российской империи некие политические субъекты, которые, обладая статусом автономии, все же не мыслили себя вне рамок «большой России», правда, при условии наличия свобод и некоего федеративного устройства.

Туркестанская автономия: рождение

Основная дилемма для мусульман Туркестана, да, пожалуй, и всей бывшей империи, к концу 1917 г. формулировалась следующим образом: «с Россией или без нее». После февраля 1917 г. некоторая часть мусульманских лидеров Туркестана видела возможность консолидации вне рамок Российского государства, другие продолжали оставаться на классической позиции для туркестанских джадидов, сформировавшейся до 1917 г., — отстаивания идеи национально-территориальной автономии в составе России.

²⁸¹ Там же. С. 142.

²⁸² *Алимова Д. А.* История как история, история как наука. Т. 1. История и историческое сознание. Ташкент, 2008. С. 173.

Автономизм оказался наивысшим и самым радикальным пунктом в эволюции политических приоритетов среднеазиатских и казахских активистов революции. Но для среднеазиатских деятелей он не был связан с политизацией этничности, религиозная консолидация оставалась первичной²⁸³.

Одновременно с III Краевым съездом Советов 15 ноября 1917 г. в Ташкенте открылся III Всетуркестанский курултай мусульман под руководством Улема Джамяти. На него были приглашены представители левых и социалистических мусульманских организаций. Представители Шура-и-Исламия в работе курултая не участвовали, что обозначило очередной раскол внутри местного политкумума. Было решено обратиться к делегатам III Краевого съезда Советов с предложением о создании коалиционного правительства. Но это предложение было отвергнуто левыми эсерами и большевиками.

22 ноября 1917 г. в Ташкенте открылся III Краевой съезд мусульман, на котором была сделана попытка формирования правительства автономии. Это решение вызвало протест со стороны представителей левых мусульманских движений и партий, выступавших за Советы как единственную легитимную власть. Сторонникам автономии стало понятно, что в Ташкенте реализовать автономный проект не удастся.

Алашордынская газета «Брлык-Туы» («Знамя единства») на своих страницах писала о «большевистском бедствии», которое «надвигается на Туркестан». Это означало, что «кучка русских рабочих и солдат назначит во власть только самих себя». Поэтому они называют мусульманские Советы контрреволюционными и утверждают, что во главе их стоят «буржуи», которым нельзя доверять. В таких условиях нужно выбирать: либо автономия, либо большевистское рабство. За большевиками «идут лишь 5—6 собак из киргизов-хулиганов»²⁸⁴.

26 ноября 1917 г. в Коканде экстренно собрался IV Чрезвычайный краевой съезд мусульман. В резолюции съезда подчеркивалось, что он отражает волю всех народов, населяющих Туркестан, к самоопределению в составе Российской Республики, провозглашенной Временным правительством 1 сентября 1917 г.

²⁸³ Аманжолова Д. А. Революция 1917 года и проблемы этнополитического развития народов Центрально-Азиатского региона России // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». № 2 (90). 2018. С. 45.

²⁸⁴ Цит. по: Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России... С. 551.

На открытии съезда присутствовали: 150 делегатов от Ферганской области, 22 — от Сырдарьинской, 21 — от Самаркандской, 1 — от Закаспийской и 4 делегата из Бухарского эмирата²⁸⁵. К окончанию работы количество делегатов увеличилось до 250 человек. Представителей Семиречья на съезде не было.

Нет информации, подтверждающей присутствие на съезде и представителей Хивинского ханства. Там разворачивалась своя политическая драма. 5 апреля 1917 г. делегация хивинских прогрессистов (младохивинцев) обратилась с просьбой к хану Асфандияру о подписании манифеста о реформах. В соответствии с содержанием манифеста в Хиве устанавливалась конституционная монархия с сохранением власти хана, ограниченной маджлисом (парламентом) и Советом назиров (Советом министров). Правительство и маджлис возглавляли младохивинцы. Но не прошло и месяца, как консервативные силы во главе с Асфандияр-ханом совершили военный переворот. По приказу Асфандияр-хана наиболее видные младохивинцы были арестованы, и на их место в маджлис были введены представители феодальной знати. Процесс реформ был остановлен. Позже, в конце ноября 1917 г., хан разогнал маджлис вообще. Оставшиеся на свободе младохивинцы бежали на территорию Туркестана.

В ноябре для хана возникла угроза захвата власти большевиками. Он назначает предводителя одного из туркменских племен — Джунаидхана командующим вооруженными силами ханства. Но в январе 1918 г. Джунаидхан занял Хиву и объявил себя правителем. В такой ситуации все попытки (помощь царских войск осталась в прошлом) хана Асфандияра из узбекской династии сохранить свою жизнь и престол оказались тщетными.

В это непростое время в Коканд прибыли младохивинцы для установления связей с Туркестанской автономией, но, не получив практической помощи, были вынуждены вернуться обратно²⁸⁶.

Необходимо отметить, что коренное население Закаспийской области также было больше вовлечено в эти события, чем в то, что происходило в далекой Фергане. Советская власть в Закаспии смогла утвердиться не сразу. Ей пришлось столкнуться с серьезным противостоянием в лице антибольшевистских сил.

²⁸⁵ *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон махтурияти)... С. 189.

²⁸⁶ *Полвонов Н.* История социальных движений и политических партий Хорезма (1900—1924). Ташкент, 2011. С. 58.

28 ноября было провозглашено создание Туркестанской (Кокандской) автономии (Туркистон мухторияти), которая должна была стать демократическим государством, с гарантированными правами национальных меньшинств.

С формально-юридической точки зрения ничего противозаконного в появлении автономии не было. Ее возникновение соответствовало «Декларации прав народов России», провозгласившей «право на самоопределение, вплоть до отделения». По мнению большевиков, национально-культурная автономия могла подорвать единство рабочего движения и усилить различия между народами, поэтому Сталин был сторонником областной автономии. Она должна была позволить национальным территориям управлять собой самостоятельно с опорой на собственные элиты и национальный язык²⁸⁷. Существование автономии в том виде, в каком она была создана, не входило в планы большевистского правительства в Ташкенте²⁸⁸. По мнению А. Халида, в то время как Ташкентский Совет основывал собственную легитимность на риторике классовой борьбы, кокандское правительство возлагало надежды на достижение Февральской революции²⁸⁹.

И. Мамадалиев усматривает в провозглашении автономии в Коканде некую иронию судьбы. Он считает, что кокандские политические элиты изменили свой проект от «самостоятельной государственности» к «автономности», в рамках которой самостоятельность стала полусамостоятельностью. Провозглашая автономию, ее сторонники ссылались на ленинский декрет об автономии всех народов России. Следовательно, новое государственное образование одновременно не противоречило желанию народа и центрального правительства²⁹⁰.

Интересна оценка чиновника МИД Российской империи фон Клемма: «Общественное мнение в Туркестане рассматривало провозглашение автономии главным образом как организованный протест против тирании и беззаконий большевиков, которые уже стали прилагать усилия к тому, чтобы распространить их власть на другие города и районы Туркестана, где она еще не перешла в руки Совдепов»²⁹¹.

²⁸⁷ См.: *Сталин И. В.* Собрание сочинений: в 16 т. М., 1946. Т. 2.

²⁸⁸ Россия — Средняя Азия. Т. 2. Политика и ислам в XX — начале XXI в. ... С. 19.

²⁸⁹ *Адиб Халид.* Чем была революция в Туркестане? // Неприкосновенный запас. 2017. № 5. С. 172.

²⁹⁰ *Мамадалиев И.* Россия и Средняя Азия: переосмысление исторических процессов... С. 159.

²⁹¹ *Вильям фон Клемм.* Очерк революционных событий в русской Средней Азии... С. 5.

Автономистами были избраны Временный народный совет и Временное автономное правительство. Временный народный совет включал в себя 54 человека, из них 32 — от Чрезвычайного общемуусульманского съезда, 4 — от городских самоуправлений, остальные — от целого ряда организаций, союзов, партий, объединений и национальных меньшинств: от железнодорожного Союза до армянской партии Дашнакцутюн и местной еврейской организации. Практически треть мест в совете была за представителями некоренного населения²⁹².

В «Обращении» к населению края Автономного правительства Туркестана были перечислены задачи правительства: в кратчайший срок созвать Туркестанское учредительное собрание, принять меры по обеспечению населения продовольствием, для чего вступить во временные договорные отношения с «Юго-Восточным союзом казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народностей степей» (Юго-Восточный союз), приступить к созданию финансового аппарата, организовать народную милицию, принять меры к соблюдению прав всех народов края²⁹³.

Именно Туркестанское учредительное собрание должно было окончательно решить вопрос о будущем развитии края. Предполагалось, что две трети голосов в нем будет принадлежать мусульманам, а одна треть — делегатам-немусульманам. Всего намечалось избрать 234 человека²⁹⁴.

В состав правительства автономного Туркестана вошли и бывшие члены Туркестанского комитета Временного правительства М. Танышпаев и М. Чокаев. Председателем правительства и министром внутренних дел был избран член партии Алаш — казах — Мухамеджан Тынышпаев.

Управляющим отделом народной милиции и общественной безопасности и военным министром автономии в кабинете М. Тынышпаева был Убайдулла Ходжаев²⁹⁵ — узбек, юрист, известный и влиятельный политический лидер края, возглавлявший в 1916 г.

²⁹² *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана... С. 163.

²⁹³ Алаш в истории государственности Казахстана: идеи, судьбы, наследие: сборник архивных документов и материалов / сост. М. М. Козыбаева, З. Т. Садвокасова и др. Алматы, 2018. С. 48.

²⁹⁴ *Хасанов М.* Туркистон мухторияти: хакикат ва уйдирма // *Фан ва турмуш*. 1990. № 9. Б. 6.

²⁹⁵ В 1920—1930-х гг. У. Ходжаев неоднократно подвергался арестам, был в ссылках. Он вернулся домой весной 1937 г., но зимой 1938 г. был вновь арестован. Вскоре пришло сообщение о его смерти (по другим данным, он умер в 1942 г.).

Ташкентский комитет по отправке коренного населения на тыловые работы и один из авторов программы Туркестанской (Кокандской) автономии. После Февральской революции Ходжаев избирался в президиумы I, II, III, IV съездов мусульман Туркестана. Кроме того, Ходжаев представлял мусульман края в Особом совещании по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание, которое занималось разработкой проекта Положения о выборах в Учредительное собрание и Икомусе²⁹⁶.

В состав Особого совещания по подготовке закона о выборах в Учредительное собрание входил еще один член правительства Туркестанской автономии — Ислам Шагиахметов. Уроженец Оренбурга²⁹⁷, татарин, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, в период Первой мировой войны он поселился в Коканде и занимался частной юридической практикой и общественной деятельностью — был секретарем просветительского общества Гайрат. В 1916 г. Шагиахметов принимал самое активное участие в судебных процессах, связанных с восстанием 1916 г.²⁹⁸ В первом кабинете он был заместителем председателя правительства автономии. Позднее совмещал эту должность с должностью заместителя министра финансов. Еще на II Туркестанском краевом общемусульманском съезде в сентябре 1917 г. он выступил в поддержку «национально-территориально-федеративной» автономии Туркестана, составив ее проект с идеей последующего внесения на рассмотрение Учредительного собрания. Но, что даже более важно, Шагиахметов являлся автором проекта конституции Туркестанской автономии²⁹⁹.

30 сентября 1917 г. в «Туркестанских ведомостях» была опубликована его статья «Роль национальностей в революции». Шагиахметов сравнивал позицию украинцев и мусульман относительно перспектив революции в России. По его мнению, украинцы решили вовремя отгородиться от России, дабы не быть вовлеченными в анархию и спастись. Мусульмане, как самая крупная «национальная группа в стране» — заняли иную, государственническую линию

²⁹⁶ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 13. Д. 1222. Л. 5.

²⁹⁷ Происходил из татаро-башкирской семьи.

²⁹⁸ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сборник документов и материалов... С. 253.

²⁹⁹ Усманова Д. М. Ислам Шагиахметов: забытые герои 1917 г. ... С. 166—175.

поведения, зачастую в ущерб своим собственным интересам. Рассматривая будущее революции в России, Шагиахметов допускал, что в результате победы анархии в стране мусульмане, как сила наименее втянутая в анархию, в конце концов вынуждены будут объединиться со здоровыми элементами русского народа и взять дело спасения страны в свои руки. В противном случае страна окажется перед лицом невероятного позора: контроль над Россией со стороны иностранцев, наподобие Персии³⁰⁰.

Председателем Военного Совета автономного правительства (глава вооруженных сил) стал татарин Магди Чаньшев. Интересно, что Гзовский ни в одном из вариантов воспоминаний не упоминает имени этого человека.

Министром финансов автономии стал Соломон Абрамович Герцфельд³⁰¹. Уроженец Одессы, проживший более десяти лет в Самарканде, журналист, адвокат, общественный деятель, он был видным сионистом и одновременно очень авторитетным посредником между еврейскими и мусульманскими предпринимателями в Туркестане. Богатые еврейские купцы из Бухары и Самарканда охотно приглашали его как опытного и авторитетного юриста для ведения своих дел с партнерами из европейской части империи. Пропагандируя в Туркестане идеи сионизма, сам Соломон Абрамович отдавал себе отчет, что в Палестине его никто не ждет и карьеру придется начинать с нуля, поэтому отъезд не только туда, но и в родную Одессу, судя по сохранившимся архивным документам, не входил в его планы. Герцфельд был в дружеских отношениях с Убайдуллой Ходжаевым и другими политическими лидерами Туркестана, председательствовал на одном из заседаний I учредительного съезда Туркестанского краевого Совета рабочих и солдатских депутатов в апреле 1917 г. В январе 1918 г. он почти на три недели ездил в Баку. Зачем? Возможно искал финансовой поддержки богатой бакинской еврейской общины, но вот нашел ли... Согласно сохранившимся письмам жене, в январе — феврале 1918 г. Герцфельд несколько раз перемещался между Кокандом, Самаркандом и Ташкентом. В начале февраля 1918 г. он погиб в окрестностях Коканда при не выясненных обстоятельствах.

³⁰⁰ Алаш в истории государственности Казахстана... С. 46—47.

³⁰¹ О С. А. Герцфельде см.: *Мякотин Е. А.* Сила в нас самих. Чтение архива Соломона Герцфельда. М., 2002; *Гитлин С. И.* Исторические судьбы евреев Средней Азии. Появление в регионе. История. Исход. Тель-Авив, 2008. С. 172—439; *Гитлин С. И.* Страницы еврейской истории в документах 1860-е гг. — 1940 г. М., 2011. С. 378—422.

Состав правительства автономии был интернациональным и реформаторским. Однако не было ни одного авторитетного улема. На наш взгляд, это не добавляло автономному правительству, в тех исторических обстоятельствах и с учетом особенностей менталитета населения, жизнеспособности. Хотя партия Улема Джамиати и заявила о поддержке идеи автономии при условии выполнения трех требований: чтобы не было враждебных выступлений против большевиков (Лапин рассчитывал, вероятно, установить с ними некий политический диалог для нахождения компромисса); действия автономного правительства не должны противоречить шариату; недопущение любого кровопролития³⁰². Улемы были необходимыми посредниками между населением и политическими лидерами автономии. Нужен был некий переходный период, который бы позволил идее светского государства глубже и основательнее проникнуть в туркестанский социум.

Не менее важным, чем персональный состав Временного автономного правительства, был вопрос о вхождении Туркестанской автономии в состав Юго-Восточного союза. Его рассмотрение было инициировано атаманом А. И. Дутовым. Он прислал свой проект договора о вхождении Туркестана в союз³⁰³.

Правительство союза декларировало приверженность демократической федеративной республике, гарантируя своим членам полную независимость их внутренней жизни, сформулировало концепцию «оздоровления России с окраин»³⁰⁴.

Среди делегатов съезда вспыхнула оживленная дискуссия. Серали Лапин призвал собравшихся не торопиться с принятием столь важного решения: «Юго-Восточный союз обещает очень много, но все его обещания могут быть осуществлены только после окончания происходящей борьбы и установления порядка»³⁰⁵. Речь шла о выборе: «красные» или «белые». Большевики, придя к власти в Ташкенте, уже категорически отказались брать мусульман в союзники.

³⁰² Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана... С. 165.

³⁰³ Алексеенков П. Кокандская автономия... С. 21.

³⁰⁴ Об этом см.: Карпенко С. Добровольческая армия и казачий Юго-Восточный союз: разные пути возрождения России // Обозреватель-Observer. 2012. № 10 (273). С. 118–128.

³⁰⁵ Цит. по: Аунасова А. М. Провозглашение Туркестанской автономии в условиях политического кризиса 1917 г. ... С. 72–73.

Поэтому потеря туркестанцами в имеющихся обстоятельствах своего нейтралитета и открытая поддержка антибольшевистских сил могла привести к «совершенно бесполезным страданиям и кровопролитию». Только после того, когда власть естественным образом перейдет к народу, можно вернуться к разговорам о политических союзах и соглашениях. Против вступления в союз выступили и лидеры Шуру-и-Исламия: Чокаев, Шагиахмедов, Ходжаев и др. В конце концов председатель вынужден был закрыть заседание, и вопрос о вхождении в Юго-Восточный союз остался открытым³⁰⁶.

8 декабря 1917 г. автономисты направили в Икомус телеграмму по случаю объявления автономии Туркестана в составе Российской Республики. В ответ Икомус направил в Коканд «братский сердечный салам (привет. — Т. К.)»³⁰⁷.

По мнению туркестанского публициста Шакирджана Рахими, сохранение автономии было возможно при наличии трех условий: деньги, армия и «благосклонность», под которой понимались совокупные усилия всего общества по поддержке автономного проекта. Временное правительство автономии пыталось изыскать средства, выпустив 6-процентный внутренний заем на сумму 30 млн сомов. Однако, с горечью констатировал Рахими (и не только он), состоятельные люди в крае не спешили вносить свою лепту в дело экономического укрепления автономии³⁰⁸.

Организация вооруженных сил была, бесспорно, для автономии вопросом выживания. Звучали различные предложения, прежде всего — организовать призыв молодых туркестанцев (добровольный или обязательный), с приглашением военных преподавателей. Планировалось обращение к Всероссийскому мусульманскому Военному Совету с просьбой о сформировании из солдат и офицеров татар, служивших в Туркестане, отдельного полка, подчиненного Временному правительству автономии³⁰⁹.

Другой туркестанский публицист, Мухтар Бакир, не сомневался: чтобы автономия осуществилась — нужна большая культурная сила, а, по его собственному мнению, только 20 человек из 100 понимали автономию в ее истинном смысле³¹⁰.

³⁰⁶ Алексеевков П. Кокандская автономия... С. 23.

³⁰⁷ Великая российская революция 1917 года... С. 430.

³⁰⁸ Там же. С. 464—465.

³⁰⁹ Там же. С. 442—443.

³¹⁰ Там же. С. 440—441.

Многие представители образованной части туркестанского общества вполне отдавали себе отчет, что Туркестан достиг свободы в форме автономии благодаря революции, совершенной силами других, не переживая при этом «никаких обид и трудностей»³¹¹.

Правительством автономии был начат выпуск нескольких периодических изданий на узбекском, казахском, а также на русском языках. В частности, с 13 декабря 1917 г. начали издаваться «Известия Временного правительства автономного Туркестана»³¹². Согласно воспоминаниям Гзовского, это произошло спустя два месяца после провозглашения автономии. «Я преодолел силу технических препятствий, — пишет Гзовский, ставший главным редактором, — и наконец начал издавать скромную газетку: «Известия Временного правительства автономного Туркестана». Газета пользовалась большим успехом. Большевики не пропускали ее в Ташкент и изымали отовсюду, где могли».

Однако издание столкнулось с критикой в местной интеллектуальной среде: «Конечно, по принципу лучше иметь, чем не иметь, мы должны приветствовать издание этой газеты и пожелать ей успехов в начатом деле. ...Но... она печатается русскими буквами и на русском языке! Какая ужасная трагедия! В колыбели тюркизма... выходит газета автономного тюркского государства, предназначенная для тюрков, не на милом родном языке, а на чужом русском языке! ...Жаль, что мы до сих пор не можем расстаться с нашей болезнью, с русофильством, с ложным убеждением, что нерусским языком невозможно управлять страной, что без русского языка не может развиваться наука и культура. ...Видя эту газету, человек приходит в недоумение. Для кого же издается она? Для 5—6 русских, живущих здесь... Большинство их... стараются сблизиться с автономным правительством только для того, чтобы сделать мусульман оружием для отмщения своим врагам (большевикам). ...Или у тюрков есть интеллигенты, не знающие родного языка, а знающие только русский язык? Вот в этом-то и заключается вся трагедия! У тюрков есть немые литераторы, имеющие хорошее образование по-русски, но, к сожалению, не умеющие писать или

³¹¹ Там же. С. 442.

³¹² См.: *Базарбаев К. К.* Разгром Туркистон Мухторияти (Туркестанская автономия в Средней Азии) // III Международная заочная научно-практическая конференция «Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире»: сборник материалов конференции (30 сентября 2011 г.). Краснодар, 2011. С. 14.

даже говорить по-тюркски. ...Довольно уже русеть и русифицироваться!»³¹³.

Очень важная деталь для понимания атмосферы и общественных настроений в Туркестане сто лет назад. В качестве коммуникации с населением в автономии в том числе использовался русский язык. Это одновременно, на наш взгляд, и показатель либерального отношения к национальному вопросу, и показатель оторванности пришедших к власти интеллектуалов от основной массы населения.

После окончания работы IV Чрезвычайного краевого мусульманского съезда Мустафа Чокаев и Ахмет-Заки Валидов уехали в Оренбург. В начале декабря практически одновременно здесь прошли III Всебашкирский курултай, утвердивший автономию Башкурдистана и II Всекиргизский съезд, на котором была образована автономия Алаш. В состав правительства автономии Алаш (Алаш-Орды) были включены члены Временного правительства автономного Туркестана М. Чокаев и М. Тынышпаев.

Марко Буттино считает, что Туркестанская автономия могла распространиться и на другие регионы, что дало повод для возрождения «древних панисламских и пантюркских мечтаний»³¹⁴.

Не можем разделить прогностического оптимизма профессора Буттино. И не потому, что история не терпит сослагательного наклонения и обороты «если бы» и «могла бы» никогда не употребляются автором этих строк при оценке перспектив тех или иных общественно-политических процессов, а потому, что не прошло и нескольких месяцев, как стало понятно, что консолидация туркестанских мусульманских элит невозможна даже в условиях угрожавшей всем в равной степени большевистской диктатуры. А для Уральской и Тургайской областей более близкой с точки зрения реализации мечты об автономии станет автономистский проект под названием Алаш.

Границы автономии Алаш должны были включать: Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Сырдарьинскую, Тургайскую и Уральскую области, населенные казахами территории в Букеевской Орде (Астраханская губерния), казахские волости Алтайской губернии, казахские уезды Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областей и Амударьинского отдела Туркестана. Включение в состав автономии Алаш земель, «представляющих сплошную территорию с господствующим населением киргиз-казацкого единого происхождения, единой культурой, историей и

³¹³ Великая российская революция 1917 года... С. 462—464.

³¹⁴ *Марко Буттино*. Революция наоборот... С. 188—189.

языком», объявлялось торжеством исторической справедливости³¹⁵. Некиргизскому населению, так же как и в Туркестанской автономии, гарантировалась культурная автономия, равенство в правах и свободах, а органы управления планировалось формировать на основе этнического пропорционального представительства³¹⁶.

Вот такая вполне конкретная альтернатива «большому Туркестану» в виде «большой Алаш», или как впоследствии напишет Чокаев: «шли разное в одном направлении»³¹⁷.

II Всекиргизский съезд в Оренбурге³¹⁸ рассмотрел целый ряд вопросов туркестанской повестки. Например, что киргизы Сырдарьинской области разделились на несколько партий, в процессе подготовки к выборам в Учредительное собрание и не могут прийти к соглашению о едином списке кандидатов. Киргизы, кочующие в пределах Хивинского ханства, голодают и нуждаются в помощи, потому что ограблены туркменами. В Джизакском уезде Самаркандской области беспорядки: киргизы нападают друг на друга и отбирают скот, а местная власть не может навести порядок. Местные киргизы из рода аргын хотят выделиться из Туркестанской автономии и присоединиться к автономии Алаш, если она будет объявлена³¹⁹.

Обсудив «сообщения с мест», съезд отразил в принятой 13 декабря 1917 г. резолюции свое отношение к этим вопросам: просить правительство автономного Туркестана немедленно принять меры для прекращения анархии в Джизакском уезде, призвать население Сырдарьинской области голосовать за единый список кандидатов на выборах в Учредительное собрание; одобрить желание рода аргын войти в автономию Алаш; и, наконец, в самом конце, приветствовать автономию Туркестана. В основной программе съезда первым стоял вопрос об отношении к автономии Сибири, Туркестана и Юго-Восточному союзу, вторым — об автономии киргизских областей³²⁰.

³¹⁵ *Мартыненко Н.* Алаш-Орда: сборник документов. Алма-Ата, 1992. С. 69.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ *Исхаков С. М.* Записка М. Чокаева «Тюркский фронт» // Центральная Азия: человек, общество, государство. М., 2013. С. 111.

³¹⁸ На съезде, помимо Чокаева (Валидов, судя по протоколам заседания, представлял башкир), Туркестан (Сырдарьинскую и Самаркандскую области) и Семиречье представляли свыше полтора десятков депутатов. См.: Алаш в истории государственности Казахстана... С. 51.

³¹⁹ Там же. С. 52–53.

³²⁰ Там же. С. 53.

Член правительства Туркестанской автономии Чокаев сделал доклад об автономном Туркестане, причем выяснилось, что киргизское население Семиреченской и Сырдарьинской областей к Туркестанской автономии пока не присоединились. Делегаты от Семиречья и туркестанских областей в своих выступлениях отмечали необходимость объединения киргизов в настоящий момент и высказали желание присоединиться к автономии Алаш, если она будет объявлена³²¹.

В результате съезд единогласно постановил образовать территориально-национальную автономию Алаш. Однако относительно времени объявления автономии мнения собравшихся разделились: часть делегатов (меньшинство), настаивала на немедленном объявлении, другие предлагали отложить эту процедуру, в том числе до окончания переговоров с киргизским населением Туркестана. Чокаев от голосования воздержался³²².

Делегаты, оставшиеся в меньшинстве, не подчиняясь решению большинства, потребовали немедленного объявления автономии, заявив, что в противном случае они намерены присоединиться к Туркестанской автономии. Ввиду этого съезд, признавая, объединение всех киргизов в настоящий момент необходимым, а отделение некоторых киргизских областей и присоединение их к Туркестанской автономии недопустимым, единогласно принял резолюцию, согласно которой: Народный Совет Алаш-Орды обязывался в месячный срок выяснить возможность присоединения всего киргизского населения Туркестана к автономии Алаш; если туркестанские киргизы в этот срок не присоединятся, то объявить автономию от всех остальных киргизов³²³.

Д. А. Аманжолова пишет о том, что многие алашординцы на II Всекиргизском съезде рассматривали Ташкент в качестве центра своего движения, а некоторые даже хотели присоединиться к Кокандской автономии³²⁴.

По мнению А. Бисеновой и К. Медеуовой, киргизских/казахских интеллектуалов того времени можно разделить на две «региональные партии»: «южан», тесно связанных с Сырдарьинской и Семиреченской областями Туркестана (современный Южный

³²¹ Там же. С. 55.

³²² Там же. С. 56–57.

³²³ Там же. С. 58.

³²⁴ *Аманжолова Д.* На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. С. 190–191.

Казахстан), среди них М. Тынышпаев, Т. Рыскулов и др., и «северян», среди них А. Байтурсунов, А. Букейханов и др. По мнению исследователей из Казахстана, это разделение важно, потому, что после 1917 г. одни и те же люди могли выступать сторонниками разных проектов нацистроительства. Так, представители «южан» помимо собственного киргизского/казахского национального движения, были включены в проект «большого Туркестана»³²⁵.

С одной стороны, очевидно, что в основу автономии Алаш был положен принцип этнический (объединение всех киргизов/казахов), а автономии Туркестана — принцип конфессионально-территориальный («мусульмане Туркестана»). На наш взгляд, первый был более устойчивым и жизнеспособным. С другой стороны — налицо попытка перекройки старых административных границ империи и выстраивания новой политической географии региона, больше приближенной или хотя бы учитывающей границы расселения этносов.

Национальные чувства и интересы существовали у каждого из коренных народов края, и каждый народ, как мог, отстаивал именно их, претендуя на вполне определенное превосходство своего большинства над меньшинствами «единого» пространства. Причем вдохновителями обоих проектов «единства» были киргизские/казахские интеллигалы.

Возвращаясь к мысли профессора Буттино относительно «древних панисламских и пантюркских мечтаний» мусульман Туркестана. На наш взгляд, эти мечтания были, если вообще были, молодыми, поскольку появились в позднеимперский период, и привнесенными извне, а не вызревшими на местной почве. Пантюркизм был германо-османским продуктом, сконструированным для решения геополитических задач Германии на Востоке и достаточно успешно внедренным в сознание образованной части российских мусульман³²⁶.

³²⁵ Подробнее см.: *Бисенова А., Медеуова К.* Давление метрополий и тихий национализм академических практик // *Ab Imperio.* № 4. 2016. С. 207–255.

³²⁶ Подробнее см.: *Ниалло Азиз (Станишевский В.А.)* О пантюркистском движении. Очерк. Рукопись / НА РУз. Ф. Р-2823. Оп. 1. Д. 289. Л. 1–45; *Ланда Л. М.* Панисламистская и пантюркистская агентура в Туркестане...; *Исраилова-Харьехузен Ч., Котюкова Т.* Деятельность «Комитета в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России» как попытка политической дестабилизации ситуации в Российской империи в годы Первой мировой войны // *Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном.* М., 2017. С. 58–88; *Улунян А. А.* Туркестанский плацдарм. 1917–1922: британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

Однако русская власть, сама того, конечно, не желая, постоянно нагнетая «тревожные ожидания» и муссируя эту тему на самом высоком государственном уровне, очень способствовала распространению этих идей. Под этими терминами власть понимала одно (эти слова были для нее синонимами сепаратизма), а мусульманское население Туркестана — нечто совсем другое. Для него это были маркеры идентичности и самобытности тюркского и мусульманского населения Российской империи, не обязательно подразумевавшие «самоопределение вплоть до отделения» и имевшие распространение исключительно в среде местной мусульманской элиты, часто с хорошим русским образованием.

В Туркестане налицо было очередное двоевластие. В Ташкенте действовал Туркестанский Совнарком, в Коканде — Туркестанское автономное правительство. При этом власть автономистов распространялась только на мусульманскую часть города (старый город). В русской части города власть была в руках Кокандского Совета рабочих и солдатских депутатов³²⁷. С другой стороны, утверждение, что большевистское правительство в Ташкенте, как, впрочем, Советские других городов края, контролировали так называемые старгородские, или «туземные» части этих городов, прозвучит смело.

Провозглашение автономии и создание собственного правительства стали максимальной точкой развития автономистского движения коренного населения Туркестанского края. В условиях, когда большевики понимали власть как диктатуру пролетариата и опирались на армию, возможности для решения вопроса самоопределения путем мирных демократических процедур, на чем продолжали настаивать лидеры автономистского движения, были фактически исчерпаны³²⁸.

В декабре 1917 г. в Андижане и Ташкенте прошли демонстрации коренного населения в поддержку автономного правительства. В Ташкенте 13 декабря акцию поддержала городская дума, вступив в открытый конфликт с Ташсоветом. Ташсовет решил не участвовать в демонстрации и запретил ее проведение в русской части города, введя в Ташкенте военное положение³²⁹.

³²⁷ «В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет»... С. 103.

³²⁸ *Бочкарева И. Б., Лысенко Ю. А.* «Национальный вопрос» и становление советской власти в Туркестане... С. 102.

³²⁹ *Алексеевков П.* Кокандская автономия... С. 47—48.

Тем не менее демонстрация привлекла десятки тысяч людей, в том числе немусульман, к ней даже присоединились ташкентские улемы, несмотря на то, что они с самого начала не испытывали симпатий к автономистам. Игнорируя запрет Ташсовета, собравшись двинулись в новый (русский) город. Там часть демонстрантов ворвалась в тюрьму и освободила политических заключенных, арестованных в ходе захвата власти большевиками. В ответ солдаты начали стрелять в толпу и убили несколько человек. Освобожденных же демонстрантами арестантов вернули в тюрьму, где их тотчас расстреляли³³⁰. Среди расстрелянных были граф Г. И. Доррер, генерал А. И. Кияшко, полковник В. М. Бек.

15 декабря 1917 г. Сырдарьинская окружная по делам о выборах во Всероссийское учредительное собрание комиссия, собравшись на экстренное заседание, обсудила произошедшее. В принятом постановлении, в частности, говорилось: «13 декабря происходившая в городе Ташкенте праздничная мусульманская манифестация по случаю объявленной туземцами автономии Туркестана закончилась, как это зафиксировано и органами местной печати, кровавым столкновением с русскими рабочими и солдатами, и того же дня с 7 часов вечера весь город был объявлен местным Советом народных комиссаров на военном положении, которое продолжается и поныне, причем туземная часть города оцеплена кордоном вооруженных солдат, и, таким образом, граница для свободного передвижения граждан из одной городской части в другую закрыта: требуются пропуска и удостоверения личности; движение по всему городу происходит ...только днём. ...Настроение умов в городе вообще тревожное и не подает надежд на скорое успокоение»³³¹.

Не смог пройти мимо этого события и фон Клемм в «Очерках» революционных событий в крае: «13 декабря была объявлена мусульманская демонстрация по случаю провозглашения автономии Туркестана. ...Манифестация... была названа “Праздником Туркестанской автономии” или, по-туземному, “Байрами Мухторият”. В знак симпатии к этому празднеству были закрыты по всей стране на этот день все почтовые и телеграфные учреждения, которые, нужно сказать, до самого последнего момента верно служили Временному правительству. Во всех городах демонстрация проходила

³³⁰ Адиб Халид. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России... С. 197.

³³¹ ГАРФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 384. Л. 21.

спокойно, но в Ташкенте она закончилась кровопролитием. Большевистские правители Ташкента знали о предстоящей манифестации, и на собрании совдепа дебатировался вопрос о том, допустить ли эту демонстрацию или нет. В конце концов большинством в пять голосов было решено демонстрации не допускать. ...За день перед демонстрацией во всех стратегических пунктах города были поставлены войска. Перед тюрьмой были выставлены пулеметы. Однако толпы магометан свободно допускались из старого города в новый. ...Только тогда, когда толпа была уже на своем обратном пути в старый город, неожиданно раздались ружейные залпы по ней. Напуганные сарты разбежались, некоторые из манифестантов были убиты, а автомобиль, на котором медленно ехали граф Доррер и другие, был захвачен и увезен в крепость»³³².

Мустафа Чокаев вспоминает демонстрацию 13 декабря очень сдержанно: «13 декабря 1917 г. в Ташкенте была устроена всенародная демонстрация в пользу автономии, в защиту идеи и программы кокандского правительства. Большевики не могли противостоять желанию всего народа, и сами пред[едатель] совнаркома Колесов и его заместитель д-р Успенский выезжали к демонстрантам, произносили миролюбивые речи, говорили и об их готовности созвать ТУС (Туркестанское учредительное собрание. — Т. К.). И только поздно вечером, когда демонстранты возвращались в старый Ташкент, большевики из-за засады открыли по ним стрельбу из пулеметов. Убитых и раненых за идею и программу Керенского правительства насчитывалось десятками...»³³³.

В Закаспийской области чиновники областного управления выбрали нового областного комиссара, не подчинившись советским органам власти, и официально признали законным правительством Туркестана Кокандскую автономию. Это решение поддержал и почтово-телеграфный союз, в результате чего Советы Закаспийской области оказались отрезанными от краевого центра³³⁴.

Лидеры Туркестанской автономии, понимая непрочность своего положения, так же, впрочем, как большевики, стремились обеспечить себе поддержку широких слоев коренного населения. Такой мандат доверия можно было получить от I Чрезвычайного съезда

³³² Вильям фон Клемм. Очерк революционных событий в русской Средней Азии... С. 6.

³³³ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 417. Л. 50 об.

³³⁴ История коммунистических организаций Средней Азии... С. 215.

рабочих, солдатских и дехканских депутатов-мусульман, который открылся в Коканде 25 декабря 1917 г. Главная задача съезда заключалась в определении формы власти и системы управления в Туркестане. Съехалось около 200 депутатов от Ферганской (93), Самаркандской (40), Сырдарьинской (30), Закаспийской (5) областей и Бухарского эмирата (4)³³⁵. Председательствовал на съезде прибывший из Центральной России татарин Ариф Клевлеев. Сатирический журнал «Чаён» так отзывался на его приезд: «В Ташкент из средней полосы России прибыли Клевлеев и Ибрахимов, два великих и очень больших дипломата. Такое правильное направление, как ислам, не смог объединить в единое мировоззрение тюрко-татарские народы, а большевизм, который приносит миллион зла, хочет в едином убеждении объединить эти народы. По-детски думая, это просто простодушие...»³³⁶.

После нескольких дней заседаний съезд принял решение поддержать автономное правительство, введя в состав Народного совета 30 представителей от рабочих, солдат и дехкан, предоставив треть этих мандатов русским рабочим³³⁷.

26 декабря 1917 г. в Петроград в адрес СНК Клевлеевым была направлена телеграмма. В ней, в частности, говорилось, что съезд полагает, что со стороны Совнаркома будут приняты все меры к фактическому укреплению автономии Туркестана, доказывающие неизбежность лозунгов о праве народов на самоопределение. И самое главное, будет отдано распоряжение Ташкентскому Совнаркому о сдаче власти Временному правительству Туркестана до созыва Учредительного собрания — во избежание анархии и двоевластия³³⁸.

На это туркестанские большевики заявили, что они не против «автономии бедноты», но против «байской автономии»³³⁹. Очевидна некоторая разница в отношении большевиков, вернее Ташкентского и Петроградского Советов, к факту появления автономного правительства в Коканде.

Туркестанские большевики готовили собственное мероприятие — Краевой съезд Советов солдатских, рабочих, крестьянских,

³³⁵ *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии... С. 211.

³³⁶ Цит. по: *Абдуазизова Н.* История национальной журналистики (генезис и эволюция). Т. 1. С. 228.

³³⁷ Великая российская революция 1917 года... С. 458.

³³⁸ Там же. С. 445—446.

³³⁹ История гражданской войны в Узбекистане. Т. 1. Ташкент, 1964. С. 126—127.

киргизских и мусульманских депутатов для обсуждения вопроса об автономии Туркестана, открытие которого было намечено на 18 января 1918 г. Важная и показательная деталь, на наш взгляд, кроется в названии краевого съезда Советов: помимо прочего — «киргизских» и «мусульманских» депутатов. Другими словами это означало, что у «киргизских» депутатов были свои политические интересы, а у «мусульманских» свои.

В последние дни уходящего 1917 г. к Народному Совету присоединились еще некоторые представители общественных организаций некоренного населения Туркестана: по одному депутату от Торгово-промышленного союза, от украинцев, от поляков, от Союза городских учреждений и некоторых других. Владелец типо-литографии в Коканде И. И. Вайнер передал свое предприятие в распоряжение автономного правительства. Еще одна кокандская типография, принадлежавшая Абиджану Махмудову, перешла в руки Временного правительства автономии³⁴⁰.

В это же время население Самаркандской области созвало областной съезд и решило присоединиться к Туркестанской автономии и вместо временно избранных на I Чрезвычайный съезд рабочих, солдатских и дехканских депутатов-мусульман в Коканде 5 делегатов переизбрали и послали новых 5 делегатов. Областной съезд был созван и в Закаспийской области, где тоже решили присоединиться к Туркестанской автономии³⁴¹.

5—9 января 1918 г. в городе Туркестане прошел Сырдарьинский областной киргизский съезд по вопросу, к кому присоединиться — к Туркестанской автономии или Алаш-Орде. Принятое решение очень симптоматично: Алаш должна пойти на союз с Туркестанской автономией. После этого киргизское/казахское население присоединится к Алаш. А пока они временно будут находиться в составе Туркестанской автономии³⁴².

В январе 1918 г. меньшевики-интернационалисты, также не вошедшие в советское правительство в Ташкенте, поддержали Кокандскую автономию³⁴³.

Таким образом, к концу 1917 — началу 1918 г. вокруг автономии сконцентрировались все недовольные большевиками силы: и мусульмане и немусульмане.

³⁴⁰ Великая российская революция 1917 года... С. 458.

³⁴¹ Там же. С. 457.

³⁴² *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии... С. 216.

³⁴³ *Турсунов Х.* Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане. Ташкент, 1971. С. 128.

Простые обыватели в столице края, далекие от понимания тонкостей происходящей политической борьбы между Кокандом и Ташкентом, пребывали в растерянности и запасались восковыми свечами. Мария Горина-Чокай, жена Мустафы Чокаева, так вспоминала те дни: «Те, у кого были деньги, стали закупаться впрок. Безденежные пребывали в сложной ситуации. Среди местного населения у меня было немало хороших знакомых и друзей. У них стала спрашивать о мусульманах. Они тоже ничего о них не знали... Однажды до нас дошел слух, что ферганские узбеки готовят войну против русских. Были и те, кто покидал Фергану»³⁴⁴.

В самом начале января 1918 г. ташкентская организация Улема Джамиати устроила митинг в мечети Джамии, на котором было принято решение не признавать Временное автономное правительство в Коканде, «как не приносящее никакой пользы». Более того, было решено провозгласить в Ташкенте свою «автономию» и действовать от ее имени³⁴⁵. И хотя улемисты куда далее отстояли от большевиков, нежели социалисты и джажиды, возглавлявшие Кокандскую автономию, именно они вольно или невольно помогли большевикам в борьбе против этого, как его называет В. П. Булдаков, «общедемократического центра» в Туркестане³⁴⁶.

19—26 января 1918 г. в Ташкенте состоялся IV Краевой съезд Советов, объявивший правительство в Коканде вне закона. В это же время автономное правительство в Коканде поставило краевой съезд в известность о намерении созвать 20 марта 1918 г. парламент автономии — Туркестанское учредительное собрание — на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования, гарантируя соблюдение прав национальных меньшинств. Такой общетуркестанский парламент, по мнению С. М. Исхакова, мог сплотить всех жителей края и стать непреодолимым препятствием для большевиков³⁴⁷.

На наш взгляд, это не совсем так. Исходя из того, какие регионы бывшего Туркестанского генерал-губернаторства были представлены на IV Чрезвычайном краевом съезде мусульман в Коканде, и учитывая, что за прошедшие месяцы политическая обстановка продолжала осложняться и в Семиречье, и в Закаспии, и в Хиве, и в Бухаре, есть основания полагать, что парламент мог состоять в основном из представителей Ферганы (подавляющее большинство)

³⁴⁴ *Мария Чокай*. Я пишу Вам из Ножана... С. 32.

³⁴⁵ Великая российская революция 1917 года... С. 461.

³⁴⁶ *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России... С. 594—595.

³⁴⁷ *Исхаков С. М.* Мустафа Чокаев о революции 1917 года... С. 222.

и Самаркандской области. Принимая во внимание географическое положение Сырдарьинской области, отсутствие на тот момент регулярного сообщения по Оренбург — Ташкентской железной дороге и состав населения, в котором преобладали казахи, тяготевшее к Алаш-Орде, шансы приезда в Коканд делегатов от этой области Туркестана были крайне малы.

В начале 1918 г. глава правительства Кокандской автономии М. Тынышпаев, не согласный с действиями некоторых членов своего кабинета, направленными на обострение отношений с большевиками, сложил с себя полномочия и уехал из Коканда. Его место занял М. Чокаев. Именно в этот момент, по мнению С. М. Исхакова, политические слабости местных элит проявили себя особенно сильно³⁴⁸.

Одна из слабостей (о которой мы упоминали неоднократно) — это отсутствие единства. Если опираться на высказывания Чокаева и относиться к нему как к авторитетному и информированному источнику, то единства не было и до кризиса января 1918 г., а у самого Чокаева были «особые», вернее конфликтные, отношения и с Тынышпаевым, и с Валидовым, и с другими мусульманскими политическими деятелями. Так, Тынышпаева он считал «исключительно бездейственным»³⁴⁹. А о Валидове отзывался как о человеке, имеющем склонность ко «лжи, коварству, лицемерию и провокации»³⁵⁰. В начале 1930-х гг., еще в процессе подготовки Валидовым книги «Современный Туркестан и его недавнее прошлое», Чокаев обвинил его «в насилии над правдой о Кокандской автономии»³⁵¹.

Однако если сравнить биографии, например, Тынышпаева и Чокаева, то причины конфликтных отношений двух политиков становятся объяснимыми и выглядят вполне закономерными.

Учеба в Петербурге полностью изменила мировоззрение Тынышпаева. Еще студентом он написал письмо С. Ю. Витте, затронув «насуточные нужды и интересы киргизов»³⁵², вступил в партию

³⁴⁸ *Исхаков С. М.* Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии [Электронный ресурс] // URL: <http://www.tatar-history.narod.ru/azia-tyrk.htm#> (дата обращения: 01.03.2019).

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ См.: *Булдаков В. П.* Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29 — 45.

³⁵¹ См.: Из истории русской эмиграции: письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924 — 1932 гг.). М., 1999.

³⁵² *Ахметжанова А. Т.* Степное положение 1891 года в Казахстане: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2010. С. 83.

социалистов-революционеров, сотрудничал с либеральными изданиями. Вернувшись в Туркестан, стал одним из организаторов эсеровского союза автономистов-федералистов в Асхабаде и Ташкенте³⁵³. Из шести представителей коренного населения Туркестана в Думе второго созыва он единственный имел высшее образование и прекрасно знал русский язык.

Тынышпаев очень много сделал для строительства железных дорог в Туркестане. Работал инженером путей сообщения, затем начальником отделения Средне-Азиатской железной дороги, начальником участка на строительстве Семиреченской железной дороги. Был активным участником восстания 1916 г., вследствие чего был арестован.

В середине августа 1917 г. в знак протеста против решения Турккомитета направить в Семиречье карательную экспедицию и, не считая возможным участвовать в этом, будучи комиссаром Временного правительства, то есть губернатором Семиречья, подал в отставку³⁵⁴.

После ликвидации Туркестанской автономии вернулся в родное Семиречье. В 1919 г. перешел на сторону советской власти и после этого никогда больше не занимался политикой. В 1921—1922 гг. Тынышпаев управлял водным хозяйством Министерства земледелия Туркестанской Республики. В 1924 г. в связи с открытием Казахского педагогического института народного образования в Ташкенте был приглашен преподавателем математики и физики. В 1927—1930 гг. работал на строительстве Турксиба. Даже после ареста в 1930 г. и высылки в Воронеж Тынышпаев продолжил работу и там на одной из руководящих должностей Управления железной дороги Москва — Донбасс. В 1937 г. его вновь арестовывают, и он повторил трагическую судьбу многих в те годы³⁵⁵.

В правительстве автономии он был единственным человеком, имевшим реальный управленческий, опыт. Тынышпаев был практиком, был человеком дела, человеком принципов. Чокаев со студенческой скамьи занимался только политикой и ничем другим, не имел никакого опыта работы, как бы мы сейчас сказали, в реальном секторе экономики. После ликвидации автономии эмигрировал.

³⁵³ *Озганбай О.* Государственная дума России и Казахстан. (1905—1917). Алматы, 2000. С. 123—124.

³⁵⁴ Политические деятели России 1917 г. Биографический словарь. М., 1993. С. 325.

³⁵⁵ *Шейх-Али-Тынышпаев Д.* Мухамеджан Тынышпаев (о семейной жизни в бытность отца. 1930—1937 гг.) // Родной край. 2006. № 1 (6). С. 105—110.

До конца своих дней он боролся с советской властью, сотрудничал и с турецкими, и с польскими, и с немецкими спецслужбами, так понимая служение своему народу.

И так, угроза со стороны большевиков не привела к сплоченности в рядах туркестанских реформаторов и борцов за автономию. Ответ на вопрос «почему», возможно, стоит искать в особенностях местного политикума. Регион испытывал в 1917 г. влияние сразу двух мусульманских модернизационных проектов: «татарского» и «казахского». Каждый из них в сложившейся политической ситуации борьбы за автономию и власть был для местных мусульман и «своим» и «чужим» одновременно.

Если созыв Всероссийского учредительного собрания, относительно стремительных политических изменений, происходивших в стране, случился поздно, то, провозглашение автономии в Туркестане, на наш взгляд, случилось рано.

Гибель

Автономия, как известно, просуществовала недолго — менее трех месяцев — и была ликвидирована в феврале 1918 г. Этому предшествовала провокация.

В ночь на 30 января 1918 г. неизвестными группами было организовано нападение на крепость, телефонную станцию и здание Кокандского Совета в русской части города. Гзовский очень подробно и интересно описывает этот исторический эпизод в своих «белых» воспоминаниях.

Современный российский исследователь К. Е. Размахов считает, что автономисты сами повели себя агрессивно в отношении советского правительства в Ташкенте: «“Кокандская автономия” установила связи с эмиром Бухары и командующим войсками в Хивинском ханстве — атаманом А. И. Дутовым — и казахскими националистами “Алаш-Орды”, договорилась с ними о совместных действиях против Советов. Более того, “Кокандская автономия” потребовала от Совнаркома советского Туркестана передачи ей всей власти. В конце января 1918 г. “кокандские автономисты” начали открытую вооруженную борьбу. В феврале 1918 г. отряды Красной гвардии разгромили вооруженные формирования “кокандских автономистов”»³⁵⁶.

³⁵⁶ *Размахов К. Е.* Создание советской автономии в Туркестане в 1917—1918 гг. С. 44—45.

Еще одно событие, которое, возможно, невольно приблизило конец Туркестанской автономии, был II Всероссийский мусульманский военный съезд в Казани (8 января — 5 февраля 1918 г.), на котором было принято решение создать Тюркскую федеративную республику из штатов: Крым, Казахстан, Туркестан, Поволжье, Южный Урал и Кавказ. С такими масштабными планами большевики не могли не считаться.

Как бы то ни было, нападение в ночь на 30 января 1918 г. не увенчалось успехом, но спровоцировало последующие трагические события. Стороны обвинили друг друга, но до сих пор нет единого мнения, кто же на самом деле являлся организатором этих нападений.

30 января 1918 г., в течение одного дня, были приведены в мобилизационную готовность силы Кокандского Совета рабочих и солдатских депутатов, запрошена военная помощь из Ташкента и соседних городов Ферганской долины. В город прибыло 11 эшелонов с кавалерийскими, артиллерийскими и пехотными частями. Коканд был блокирован с трех сторон и обстрелян. Старый город представлял печальное зрелище. Туркестанская пресса с болью описывала эти события: «Одна третья часть старого города превращена в развалины. Сейчас тысячи кокандцев остались без крова, одежды и еды... Точное количество погибших пока не известно»³⁵⁷. Иностранцы наблюдатели также отмечали, что заводы были разрушены, и все промышленное богатство Ферганы было уничтожено³⁵⁸.

В марте 1918 г. сам Чокаев так описывал произошедшее в Коканде: «В два часа 31 января, когда мы обсуждали ультиматум кокандских большевиков, раздался треск винтовочных выстрелов. Оказалось, что начали ружейную перестрелку солдаты большевиков. Эти действия их шли вразрез с условиями ультиматума, по которому для обсуждения и принятия его нам дано было сроку три часа. Люди, собравшиеся в доме партии ислама (вероятно речь идет о Шура-и-Исламия. — Т. К.), государственные деятели и простые граждане, услышав весть о наступлении большевиков, быстро разошлись. У представителей власти не было возможности повторно собраться и трезво обсудить обстановку, ибо, услышав выстрелы большевиков, мусульмане вооружились чем попало и вышли на улицу. Они не прислушивались к голосу власти, которая

³⁵⁷ Цит. по: *Абдуллаев Р.* Хроника противостояния... С. 201.

³⁵⁸ *Мария Чокай.* Я пишу Вам из Нождана... С. 172.

перед этим призывала не выступать против большевиков. В такой неожиданно возникшей ситуации правительство оказалось бездейственным»³⁵⁹.

В воспоминаниях оппонентов автономия называется «ферганской авантюрой», а ее ликвидация выглядела следующим образом: «...в Фергане организовалось так называемое автономное правительство Туркестана, поставившее себе целью свержение Советской власти. Оно формирует войска и ведет пропаганду среди мусульман, а в конце января захватывает ряд городов Ферганской области, разгоняет и избивает сотрудников советских организаций, вынужденных группироваться на станциях железной дороги, прерывает железнодорожное сообщение, разбирает полотно, разрушает мосты. С большими усилиями собрали и сформировали отряды и все, что смогли, бросили на ликвидацию этой авантюры»³⁶⁰.

Начались аресты всех, кто имел хоть какое то отношение к автономному правительству. Часть членов правительства автономии была убита, другая — арестована. М. Чокаев бежал в Ташкент³⁶¹. Мария Чокай писала, что, находясь уже в Ташкенте, он скрывался на квартире ее бывшего мужа и ему помогали его русские знакомые. Чокаев категорически не хотел обращаться за помощью к местному мусульманскому населению³⁶². Возможно, он не надеялся на поддержку в среде местных реформаторов, а ташкентские улемисты относились к нему лично и к автономии в целом, мягко говоря, настороженно и могли выдать его большевикам. Но возможно, существовала и некоторая дихотомии по линии «сарты» — «киргизы». К этому вопросу мы еще вернемся.

Классовые противоречия в Туркестане уступали место противостоянию между «европейцами» и «туземцами»³⁶³. Это подтверждают воспоминания Гзовского и публикации в местной прессе: «...объявленная в Коканде Туркестанская автономия оказала сильное влияние на русских в Ташкенте и так называемых “большевиков”...»³⁶⁴.

³⁵⁹ Цит. по: *Сакен Сейфуллин*. Тернистый путь. Алма-Ата, 1975. С. 173.

³⁶⁰ *Белов И. П.* Туркестан // Этапы большого пути... С. 388.

³⁶¹ См. об этом: *Мария Чокай*. Я пишу Вам из Нождана...

³⁶² Там же. С. 39.

³⁶³ *Халид Адиб*. Туркестан в 1917—1922 гг.: борьба за власть на окраине России... С. 206.

³⁶⁴ Цит. по: *Абдуазизова Н.* История национальной журналистики... С. 227.

Командование имевшихся вооруженных сил автономного правительства в Коканде состояло из русских офицеров бывшей царской армии. Последние были уверены, что, служа правительству автономии, они борются с большевиками. Но простая и политически неискушенная масса мусульман Коканда отождествляла большевиков со всеми русскими. Слова «большевик» и «русский» были для коренного населения в тот период практически синонимами. Гзовский откровенно пишет, что мусульмане Коканда «боролись с русскими вообще».

Правительство автономии в этом вопросе сознавало весь трагизм ситуации. Оно старалось объяснить горожанам, что их врагами являются не «русские вообще», а «русские большевики», но объяснения эти принесли мало результата. Почему? Одна из причин, вероятно, кроется в том, что мусульманские духовные лидеры Коканда не доверяли и не приняли мухторият. А авторитет и влияние религиозных деятелей в Ферганской долине всегда был крайне высок. Это доказало и Андижанское восстание 1898 г. и восстание 1916 г. Улемов, по понятным причинам, не было в большевистском правительстве в Ташкенте, но, как мы помним, их не было и в Кокандском мухторияте. Лидеры автономии, на наш взгляд, совершили ту же ошибку, что имперская власть в 1916 г., — не обратились за поддержкой к религиозным лидерам. Их влияние на умонастроение народных масс было выведено ими «за скобки».

Русское население в городах Ферганской долины начало организовывать отряды самообороны от очередного «мусульманского восстания» и направлять их на помощь европейскому населению Коканда. Гзовский констатирует: «Так этническое победило классовое».

Аналогично характеризовал ситуацию меньшевик-интернационалист Е. Л. Вайнштейн, когда на заседании Ташкентского Совета в ходе обсуждения похода на Коканд, заметил: «Куда девалась классовая борьба, во имя которой мы подняли свое красное знамя? Из доклада мы слышали о вражде между русскими и сартами, армянами, персами. ...Вместо классовой борьбы... мы имеем борьбу национальную»³⁶⁵.

Положение русского населения Коканда, занявшего нейтральную позицию и не поддержавшего ни большевиков, ни автономистов, было сложным вдвойне. «Товарищи солдаты» убивали их за «буржуазность», — пишет Гзовский, — а сарты — как «христиан».

Непростой выбор предстоял еврейской общине. По мнению С. И. Гитлина, с одной стороны, она являлась противницей Совет-

³⁶⁵ Наша газета. 1918. 26 февраля.

ской власти, с другой — она опасалась создания исламского государства. Основания для тревоги были: в это время в Туркестане, включая Коканд, имели место еврейские погромы. Сохранить нейтралитет не удалось. От вызванных на заседание автономного правительства представителей крупной еврейской буржуазии (Р. Ш. Потеляхова, Я. Х. и С. Х. Вадьяевых, А. М. Симхаева и др.), потребовали финансовой помощи новому правительству. Понимая, что в случае отказа лишатся всего, они были вынуждены согласиться³⁶⁶.

В своих «белых» воспоминаниях о революции в Туркестане Гзовский не смог пройти мимо участия в ней самой крупной армянской политической партии в Российской империи — Дашнакцутюн. В Туркестане проживало немало армян³⁶⁷, часть из которых бежали из Османской империи, другая — были переселенцами из Персии. И те и другие были настроены антимусульмански. Кроме того, присутствовал элемент экономической конкуренции между местными и армянскими купцами и торговцами. Негатив накапливался, даже несмотря на то, что представитель дашнаков вошел в состав Временного народного Совета Туркестанской автономии.

Ново-городской Совдеп Коканда сформировал и вооружил Армянскую дружину (сторонники партии Дашнакцутюн) из 100 человек, которая считалась защитником европейского населения и советской власти против «мусульманской толпы». По оценке Адиба Халида, дружина сыграла центральную роль в сражении за Коканд, причем в последующие двенадцать месяцев вооруженные армянские отряды стали почти неизменной составляющей безжалостной войны против коренного населения³⁶⁸.

Ряд современных российских исследователей считает, что напряжение в отношениях между советской властью и мусульманским населением в Туркестане в определенной степени стимулировалось активной деятельностью дашнаков против коренного населения, которая объяснялась их страхом перед джихадом. В 1917 г., после ликвидации Кокандской автономии и взятия Коканда, вооруженные представители армянской общины присоединились к частям Красной гвардии³⁶⁹.

³⁶⁶ Гитлин С. И. Исторические судьбы евреев Средней Азии... С. 436—438.

³⁶⁷ Подробнее см.: Григорьянц А. А. Армяне в Средней Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Ереван, 1984.

³⁶⁸ Адиб Халид. Туркестан в 1917—1922 гг.: борьба за власть на окраине России... С. 210—213.

³⁶⁹ Кадырбаев А. Ш. Армянская диаспора и Дашнакцутюн в Туркестане. 1917—1921 годы // Восточный архив. 2013. № 2. С. 32—39.

Большевики в Туркестане вообще и в Ферганской долине в частности были еще очень слабы, поэтому, как считали некоторые советские исследователи 1920-х гг., вынужденно шли на сотрудничество с партией Дашнакцутюн³⁷⁰. По мнению Ф. Божко, ошибка большевистских лидеров Туркестана заключалась в том, что они не расширяли свое влияние за пределы Ташкента и других крупных городов края³⁷¹. Так же считал и П. Алексеенков³⁷². Однако необходимо помнить, что слабая социальная опора не помешала большевикам в Туркестане одержать верх над антибольшевистскими силами в Закаспии, Фергане и Семиречье, которые в свою очередь, наоборот, продемонстрировали крайнюю степень разобщенности.

Вообще тезис о том, что большевики в Туркестане были слабы и, кроме крупных городов Туркестана, практически нигде не имели социальной базы, очень популярный последние лет тридцать, на наш взгляд, не вполне может объяснить подобного рода политические коалиции. Поскольку автономисты, несмотря на то, что их влияние ограничивалось пределами Старого Коканда, наоборот, как может показаться на первый взгляд, могли рассчитывать на поддержку со стороны многочисленного коренного населения Туркестана. Однако этого не произошло и, как нам представляется, произойти не могло, минимум по трем причинам.

Во-первых, попытка построения государства с пропорциональным представительством в нем некоренных этносов была слишком прогрессивной идеей небольшой интернациональной группы интеллектуалов, для того что бы быть понятой и поддержанной подавляющим большинством простого мусульманского населения.

Во-вторых, само автономное правительство, вернее создававшие этот проект интеллектуалы, не демонстрировали единства и были не способны (человеческий фактор в истории никто не отменял) поступиться личными амбициями и интересами ради общего дела.

В-третьих, и, возможно, это самая главная причина, «единого Туркестана» ни в этнополитическом ни в политическом смысле никогда не существовало (речь об этом пойдет ниже).

После бегства из Коканда второго главы правительства автономии Чокаева этот пост занял курбаши Иргаш, бывший ранее начальником милиции старой части города Коканда. Спустя несколько месяцев он станет одним из лидеров движения сопротивления советской власти

³⁷⁰ Алексеенков П. Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927. С. 20.

³⁷¹ См.: Божко Ф. Гражданская война в Средней Азии...

³⁷² Алексеенков П. Кокандская автономия... С. 52.

в Туркестане, известного как басмаческое движение. У Гзовского об Иргаше (или Эргаше) написано довольно много.

Вскоре в Ферганской долине появится много полевых командиров. А. Халид справедливо отмечает, что природа этого явления коренилась еще в дореволюционном явлении — бандитизме, — с которым не удалось справиться царскому правительству. В 1917 г. Временное правительство амнистировало многих осужденных и сосланных в Сибирь бандитов³⁷³. Одним из них и был знаменитый Иргаш. Г. Сафаров назвал басмачество «самобытной мусульманской махновщиной»³⁷⁴.

На наш взгляд, басмаческое движение могло с таким же успехом бороться не только с большевиками, но и с Туркестанской автономией, удержись она у власти. Как явление, басмачество — это своеобразная сублимация консервативных политических сил Туркестана, имевшая целью борьбу с любыми реформами в общественно-политической жизни края.

По мнению П. Алексеенкова «Кокандская — Ферганская автономия была движением далеко не местным. Это общетуркестанское движение, которое в свое время охватило все районы Туркестана и втянуло всю туркестанскую буржуазию, независимо от национальности. Но по мере своего развития это движение постепенно втягивало и другие слои населения Туркестана»³⁷⁵. Свою позицию П. Алексеенков аргументирует следующим образом: ее поддержали представители крупной буржуазии Ферганской долины, торгово-промышленные круги Ташкента (вообще сама идея об автономном Туркестане зародилась именно в Ташкенте), Самарканда и эсеры Закаспийской области. На наш взгляд, подобная аргументация может быть подвергнута критике. В то же время П. Алексеенков отмечает, что именно «казак-киргизские районы» Туркестана были меньше всего втянуты в это движение³⁷⁶. В марксистско-ленинской логике он пишет исключительно о поддержке автономии со стороны «национальной и русской буржуазии», при этом (в той же логике) забывая о «массах».

Несмотря на претензию объединить вокруг себя весь регион и наличие слова «Туркестанская» в названии автономии, юрисдикция автономного правительства была фактически ограничена рамками старгородской части г. Коканда и его ближайших окрестностей.

³⁷³ Адиб Халид. Чем была революция в Туркестане? ... С. 177.

³⁷⁴ Сафаров Г. Национальный вопрос и пролетариат. М., 1923. С. 247.

³⁷⁵ Алексеенков П. Кокандская автономия... С. 27.

³⁷⁶ Там же. С. 27 — 29.

С точки зрения контроля над территорией автономия была все же именно «Кокандская». Относительно же «буржуазности» сложно поспорить с советской историографической оценкой, поскольку не в Ташкенте, а именно в городах Ферганской долины обреталась местная хлопковая буржуазия.

Почему именно Коканд?

Так, известный американский историк Дж. Куница возникновение Кокандского автономного правительства объяснял не совокупностью ряда экономических и политических факторов, а исключительно экономическими причинами. По его мнению, провозглашение автономии стало возможным благодаря тому, что Коканд являлся крупным коммерческим центром с развитым хлопководством, большинство населения города принадлежало к среднему классу, а революционный пролетариат фактически отсутствовал. Кроме того, провозглашению автономии способствовала и географическая отдаленность от столицы Туркестанского края — Ташкента³⁷⁷.

По мнению Л. М. Ланды, в Коканде были сосредоточены представительства главных банков, хлопковых фирм, мусульманское духовенство, остатки ханской верхушки, при этом в городе было мало промышленных предприятий, мало пролетариата, Кокандский гарнизон почти весь был демобилизован. Наконец, Коканд был расположен вблизи китайской границы, где находилась штаб-квартира английской разведки в Средней Азии³⁷⁸.

Е. А. Мякотин считает, что в 1917 г. у туркестанской, в первую очередь ферганской, буржуазии возникло стремление обособиться от России. «Это желание подогревало то обстоятельство, что если раньше крупные производители туркестанского хлопка хорошо сотрудничали с властью, выполняя государственные поставки, и при этом широко использовали банковский кредит под новый урожай, но теперь они лишились такой возможности... Как следствие хлопковое производство рухнуло. В результате крестьяне-хлопкоробы и рабочие на переработке хлопка лишились средств существования»³⁷⁹. Таким образом, поддержка «низов» создателям автономии была, по мнению Е. А. Мякотина, обеспечена.

³⁷⁷ См.: *Kunits J.* Dawn over Samarkand: The Rebirth of Central Asia. London — New York, 1936.

³⁷⁸ *Ланда Л. М.* Панисламистская и пантюкистская агентура в Туркестане... С. 260.

³⁷⁹ *Мякотин Е. А.* Сила в нас самих... М., 2002. С. 49.

На наш взгляд, Коканд был выбран по трем основным причинам. Во-первых, в Ташкенте к власти пришли большевики, и они не потерпели бы рядом с собой никакой альтернативной власти, особенно буржуазной. Во-вторых, автономистское движение стремилось обосноваться в наиболее экономически сильном регионе края, каким, несомненно, была Ферганская долина, в которой проживали богатейшие представители местного торгово-промышленного капитала, хотя Коканд не являлся ее наиболее развитой индустриальной частью, а значит, большевики практически не имели в нем поддержки и социальной базы.

В-третьих, стоит напомнить, что значительные территории, входившие в состав Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства, населенные казахами, ранее принадлежали Кокандскому ханству. Например, Перовский уезд, откуда родом был М. Чокаев (и не только). Так, дед Чокаева занимал серьезный управленческий пост при последнем Кокандском хане и Старый Коканд, а не Новый Ташкент для Чокаева (и не только), продолжал сохранять символичность и олицетворял столицу некогда самостоятельного ханства.

Что касается поддержки со стороны широких народных масс, то здесь, по нашему глубокому убеждению, можно говорить только о поддержке мусульманского населения городов Ферганской долины.

По мнению фон Клемма, отцы-основатели автономии «не имели сами надлежащей идеи об объеме и компетенции провозглашенной автономии». Они обращали мало внимания на финансовые, военные и другие проблемы³⁸⁰.

Чокаев возразил ему в 1932 г. в статье «Против одной “научной” лжи (к 14-й годовщине Кокандской автономии)»: «Что же удалось сделать за время своего двухмесячного существования Кокандское правительство? И мало и много. Мало — в соответствии с требованиями исторического момента. Много — если принять во внимание почти полное отсутствие технически подготовленных в соответствии с теми же требованиями исторического момента лиц из туркестанцев»³⁸¹.

Автономии еще не существовало, когда в августе 1917 г., словно предвидя ее судьбу, Фитрат написал пророческие строки: «Организовали общества (политические. — Т. К.) — они разрушались,

³⁸⁰ *Вильям фон Клемм. Очерк революционных событий в русской Средней Азии...* С. 5.

³⁸¹ РГВА. Ф. 461. Оп. 1. Д. 417. Л. 45–51.

организовали политическую борьбу — она у нас сорвалась, и мы распались; искали воспитателей, мы их не нашли; выпускали газеты, мы их не могли сохранить; искали средств, мы их не могли собрать. Стали возникать между нами споры. От этих трудностей мы растерялись»³⁸².

Завершить раздел посвященный гибели автономии хочется, процитировав узбекистанских коллег: «Вихри сложнейших политических амбиций, кружившиеся над Средней Азией, не могли не погубить этот во многом еще наивный и утопический проект государственного образования»³⁸³.

А был ли «единый Туркестан»?

Существует некий стереотип, даже с определенной долей романтизма, о единстве народов Туркестана, основанном на общности религии, этнического (тюркского) происхождения и схожести хозяйственной деятельности. На наш взгляд, из трех факторов только религиозный представляется константой, или той самой скрепой, сформировавшей общее духовное и нравственное пространство региона. При этом необходимо отметить, что степень и глубина религиозности у оседлого и кочевого населения были различными. Под тюркскую общность и идеологию пантюркизма не подпадают таджики. А различия хозяйственных укладов на протяжении тысячелетий формировали фронтир, который, безусловно не являясь непреодолимой преградой, все же проводил очевидную границу между кочевым и оседлым населением.

Столетиями все пространство Центральной Азии находилось в постоянном внутреннем и внешнем взаимодействии и движении. Земледельцы и кочевники проживали рядом. Государства и династии сменяли друг друга, но привел ли этот исторический и практический опыт в начале XX в. к формированию некоего политического единства, позволявшего сформировать общую государственность и даже политическую нацию? Насколько маркеры религиозной идентичности — «мусульманин» — или территориальной — «туркестанец» — могли до конца выразить и удовлетворить устремления всех коренных народов края?

Попробуем немного порассуждать на эту тему, используя словосочетание «единый Туркестан» как некий термин, который, на наш взгляд, имеет определенное отличие от «большого Туркестана» (Улуг Туркистон, дословно — великого Туркестана). «Большой

³⁸² Великая российская революция 1917 года... С. 335.

³⁸³ История и историки Узбекистана в XX столетии... С. 130.

Туркестан» предполагает выход за административные границы Туркестанского генерал-губернаторства, Бухары и Хивы, с целью объединить в некое политическое и государственное пространство другие тюркские мусульманские народы бывшей Российской империи и не только. Мы же, оставаясь в границах региона февраля 1917 г., попытаемся разобраться, насколько создание единого государства было возможно и с теоретической, и с практической точки зрения.

С. М. Исхаков в своей работе, посвященной революции 1917 г. в Центральной Азии, использует термин «туркестантизм», объясняя его как ощущение общности тюркских народов Туркестанского края, который, по его мнению, был серьезным препятствием для распространения власти большевиков. «Чтобы сокрушить “туркестантизм”, — пишет Исхаков, — потребовалось разрушение многовековой этнической интеграции, для чего пришлось пойти на создание в 20-х годах соответствующих национальных республик»³⁸⁴.

Ш. Лемерсье-Келькеже не отрицает возможность формирования в конце XIX в. новой этнорегиональной идентичности, которую она называет «туркестани» (по сути, это то же явление у С. М. Исхакова), признавая, что этот процесс носил верхушечный характер и проходил не в среде сельских жителей, а в кругу городских элит. Появление процесса было связано с осознанием того, что этническое и политическое единство жителей Туркестана в условиях русского присутствия является единственным средством консолидации. Все дореволюционные политические деятели Туркестана отождествляли себя с туркестанцами / туркестани³⁸⁵.

Мы можем говорить о своеобразной сакрализации Турана / Туркестана, как родины всех тюрков, которая позволяла местным политикам выстраивать конструкт «единого Туркестана». Этот процесс хорошо отражен в мусульманской публицистике 1917 г.

Некоторые мусульманские деятели (в частности, Абдурауф Фитрат) предлагали создание «чагатайской нации», объединяющей тюрков и иранцев Туркестана, Хивы и Бухары³⁸⁶.

А. Халид считает «чагатаизм» одной из разновидностей тюркизма или даже его следствием. Через чагатаизм среднеазиатским тюркским наследием реализовалась национальная гордость, что

³⁸⁴ Там же. С. 223.

³⁸⁵ *Lemercier-Quelquejay Ch.* From Tribe to Umma // *Central Asian Survey*. Vol. 3. 1984. P. 19.

³⁸⁶ *Bergne P.* The Kokand Autonomy, 1917–1918: Political Background, Aims and Reasons for Failure // *Central Asia: Aspects of Transition*. London, 2003. P. 33.

нередко вступало в противоречие с другими разновидностями тюркизма. Чагатаизм был весьма далек от пантюркизма; скорее в такой форме Туркестан пытался выделить себя из тюркского мира, считает американский исследователь³⁸⁷.

Очень интересен взгляд на туркестанский тюркизм К. Абдуллаева. Он считает, что тюркизм джадидов Средней Азии отличался от тюркизма азербайджанцев, татар и турок. В центре их внимания был Туркестан как некий идеальный национальный символ и как определенная территория, населенная конкретными народами, принадлежащими, по их мнению, к единой этнической группе. Игнорируя сложную этническую структуру региона, они объявили Туркестан родиной всех народов, его населяющих, а все население — тюрками. Тюрки были объявлены не просто доминирующим, а единственным автохтонным народом. Джадиды смотрели на персов (таджиков) как на носителей отжившей свое исламо-иранской традиции, которая отождествлялась у них с клерикализмом и консерватизмом³⁸⁸.

Этническое расселение на территории Туркестана далеко не всегда имело четкие границы. Туркестанское генерал-губернаторство населяли на севере в основном казахи, на востоке — киргизы и узбеки, на юге и востоке — таджики, узбеки, на юго-западе — туркмены. Население Бухары состояло преимущественно из таджиков и узбеков. Хиву населяли большей частью узбеки и туркмены. В таких условиях — и это еще одна вариация туркестанской общности — среди жителей преобладало не этногосударственное, а «оазисное» мышление. То есть население той или иной местности воспринимало себя прежде всего в качестве жителей данного оазиса (Ташкента, Самарканда, Андижана и проч.) или данной территории, а не той или иной этнической группы или государства³⁸⁹.

Кроме того, сложно говорить о перспективе консолидации народов Туркестана в единое государство, если туркмены, казахи, киргизы, узбеки не были на тот момент до конца консолидированы каждый в рамках своего этноса (система жузов, родовые отношения, трайбализм и так далее).

³⁸⁷ См.: *Adeeb Khalid. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR.* New York, 2015.

³⁸⁸ *Абдуллаев К.* От Синьцзяна до Хорасана... С. 123.

³⁸⁹ Системная история международных отношений... С. 87.

«По воле царских колонизаторов, — пишет Н. С. Валиханова, — коренное население Средней Азии — узбеки, казахи, каракалпаки, киргизы, туркмены, таджики — не имели территориальной общности, были разобщены административными границами между Туркестанским и Степным генерал-губернаторствами, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Колониальная система искусственно сдерживала их национальную консолидацию и развитие, культивировала средневековые отношения и разжигала межнациональную вражду»³⁹⁰.

Начнем с того, что «административное разделение» существовало и до прихода Российской империи в Среднюю Азию и выражалось в существовании на политической карте мира Кокандского, Хивинского и Бухарского ханств. Границы ханств никоим образом не соответствовали этнической карте региона и разобщали его ничуть не меньше, а, по нашему глубокому убеждению, значительно больше, чем административные границы областей Туркестанского генерал-губернаторства.

Не отмечали единства и эксперты царского правительства, которые, по утверждению Н. С. Валихановой, были призваны с ним бороться. Более того, эксперты, как в Ташкенте, так и в Петербурге, серьезно опасались массовых проявлений недовольства, если правительство перестанет учитывать имеющиеся объективные различия и перейдет к искусственному формированию «единства» и «стиранию границ» волевыми, административными методами.

Не в последнюю очередь именно по причине отсутствия этнического единства и неравномерности социально-экономического развития начиная с 1886 г. все попытки центральной и краевой власти выработать и принять новое, общее для всех пяти областей Туркестанского края «Положение об управлении» потерпели поражение³⁹¹.

Например, 5 апреля 1906 г. начальник Азиатского отдела Главного штаба Ф. Н. Васильев в специальной справке, составленной по вопросу туркестанского представительства в Государственной думе, отмечал: «Согласно проекту Министерства внутренних дел кочевое и оседлое население каждой области (Туркестана. — Т. К.) выбирает вместе одного представителя, что при резком племенном и бытовом различии этих групп легко может вызвать ряд

³⁹⁰ Валиханова Н. С. Политическое противоборство по национальному вопросу в Туркестане (1917–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 20.

³⁹¹ См. подробнее: Котюкова Т. В. Окраина на особом положении... С. 12–52.

осложнений... Насколько должна разрастись эта борьба хотя бы в Сырдарьинской области, где 689 000 оседлого населения и 998 000 кочевого должно вместе выбирать одного члена Государственной думы. Только установление отдельного представительства от каждой из этих групп гарантирует наиболее спокойное выполнение выбора и обещает наиболее благоприятный результат»³⁹². В итоге мусульманское население Сырдарьинской области было представлено в Государственной думе двумя депутатами — один представлял интересы кочевого (киргизского населения), другой — интересы коренного населения Ташкента и оседлого (сартовского) населения Сырдарьинской области.

Историкам и этнографам хорошо известно о вторичной природе наций на азиатском континенте. Задуманное и разработанное в Европе понятие «нация» распространилось в Азии, где завоевало не меньшую популярность. Туркестан и существовавшие на его территории республики бывшего СССР прекрасно подтверждают этот тезис. Вплоть до прихода в регион Российской империи он представлял собой крайне фрагментированное общество, которое состояло из множества коалиций, созданных по региональному или династическому признаку. Коалиции возникали, боролись за выживание, трансформировались и гибли. Самосознание местного населения представляло собой сплав различных идентичностей, в основе которого лежали религиозные, профессиональные или культурные особенности. Этничность, в современном понимании, здесь только зарождалась, в том числе и в виде политических альянсов³⁹³.

Серали Лапин в «Письме русским социалистам...» выдвинул тезис о том, что ислам вообще не признает идей национализма³⁹⁴.

Иными словами, к 1917 г. у народов Туркестана еще только формировалось то, что исследователи мусульман российского Поволжья называют словом «миллет» (нация) — этнополитическое единство³⁹⁵.

³⁹² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3369. Л. 67 об.

³⁹³ *Абашин С.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007. С. 179.

³⁹⁴ «Европейский социализм имеет своим первоисточником тот же самый ислам...». С. 176.

³⁹⁵ См.: *Хабутдинов А. Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII — начале XX в. Казань, 2001; *Он же.* Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII — XIX в. Казань, 2000. С. 116—151.

Г. Сафаров в 1923 г. отмечал, что вступившие раньше других на путь буржуазного развития татары, «будучи хранителями мусульманской культуры и ярыми сторонниками ее возрождения, выступили по отношению к башкирам и киргизам и др. проводниками культурной ассимиляции. Пробуждение киргизов и других вызвало реакцию против этой «татаризации» сначала под флагом ислама, а затем под знаменем пантюркистского идеала — объединения всех народов тюркского корня в одно целое». Однако, по мнению Г. Сафарова, под оболочкой национального пробуждения в Туркестане выявился социальный антагонизм «между торговым узбеком и киргизом и туркменом-кочевником и полукочевником»³⁹⁶.

Существовало ли в 1917 г. единство интересов в виде «пантюркизма», «туркестантизма» или «чагатаизма» и прочих «измов» коренных народов Туркестана? Этот же вопрос, правда, относительно восстания 1916 г., автор этих строк уже задавала себе в 2011 г.³⁹⁷ Напомним, что среди лозунгов восстания 1916 г. не было лозунгов, призывавших к интеграции народов Туркестана. Как тогда, так и сейчас, рискнем ответить, что нет.

Отсутствие единства подтверждают документы и 1920-х гг. Вот выдержка из доклада секретаря ЦИК РКП(б) Я. Э. Рудзутака на Пленуме ЦК РКП(б) о национально-территориальном размежевании среднеазиатских республик от 26 октября 1924 г.: «До сих пор не было ни одного съезда и ни одного вопроса, практического и политического, которые обсуждались там без национальных трений. ...Если обсуждался, например, вопрос о государственном бюджете, тогда вставали такие невинные вопросы: нужно ли тратить больше денег на восстановление хозяйства киргизского оседлого населения в Семиреченской ...области, или дать больше денег на закупку инвентаря в Ферганской, Самаркандской областях? Вопросы чисто экономического порядка, но они имели национальную подкладку, поскольку землеустроительные работы касались киргизов, а вопрос об инвентаре касался узбеков»³⁹⁸.

Средазбюро признавало, что в Хорезме и Бухаре имел место «туркмено-узбекский антагонизм», связанный с вопросами земле-

³⁹⁶ Цит. по: Сафаров Г. Национальный вопрос и пролетариат... С. 233.

³⁹⁷ Котокова Т. В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 8. С. 98—124.

³⁹⁸ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918—1933 / сост.: Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 2005. С. 244.

водопользования а в Закаспийской области — «туркмено-казахские трения», обусловленные спором вокруг пастбищ для скота³⁹⁹.

А вот строки из письма Таджикского обкома партии И. В. Сталину от 1925 г.: «Уже давно таджики занимают в Средней Азии положение угнетенной народности. Таджикских школ (особенно новометодных) там не было, и огромное большинство грамотных таджиков, получив образование на узбекском языке, говорит на нем с большой охотой и свободнее, чем по-таджикски, а часть из них даже называет себя узбеками»⁴⁰⁰.

Последующие события показали чувствительность национально-территориального вопроса и для казахов. Казахские политические деятели попытались добиться включения в состав Казахской АССР городов Ташкент и Туркестан с прилегающими территориями. Они требовали предоставления помещений в Ташкенте для центральных органов КАССР⁴⁰¹. 14 мая 1924 г. полпред КАССР при ТурЦИК подал докладную записку, где объявлялось, что это притязание «определяется границами так называемой сплошной киргизской территории», под которой понималась территория, где казахи составляют большинство населения⁴⁰². Звучали призывы рассматривать Ташкент как политический и культурный центр казахских областей, так как «Ташкент в культурном отношении является киргизским (казахским. — Т. К.) Самаркандом»⁴⁰³.

Лишь после вмешательства Средазбюро ВКП(б) протесты были прекращены. Решение Москвы было компромиссным: в состав КАССР был передан город Туркестан, а Ташкент с прилегающими районами, был включен в состав Узбекской ССР.

Одним словом, если единство существовало, до 1917 г., оно не могло исчезнуть к началу 1920-х гг.

Имелся исторический шанс сохранить большую единую многонациональную республику Туркестан, считают киргизские коллеги. Сейчас бы это было федеративное государство с населением в 80—100 млн человек, с огромным интеграционным потенциалом, природными запасами, единой экономикой и огромными возможностями, которое могло бы играть значительную роль в мировой политике. Но этот шанс был упущен, а небольшие по размеру

³⁹⁹ Булдаков В. П. Этнос и хаос. Этнические конфликты в России... С. 666.

⁴⁰⁰ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос... С. 29, 133, 244, 288, 307, 331, 407, 431; и др.

⁴⁰¹ Там же. С. 238.

⁴⁰² Там же. С. 215.

⁴⁰³ Там же. С. 213, 219.

тюркские государства Центральной Азии порознь до сих пор не могут занять достойное место в мировой иерархии⁴⁰⁴.

Однако, по мнению бывшего президента Кыргызстана Аскара Акаева, появляющиеся время от времени рассуждения о том, что на территории современных Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и др. государств постсоветского пространства Центральной Азии в начале XX в. можно было создать единое государство, не больше чем миф⁴⁰⁵.

К началу XX в. этносы, населявшие Туркестан, де-факто не имели своей национальной государственности и жили в состоянии территориально-политической разобщенности. Каждая из основных народностей Туркестана, среди которых шел процесс образования наций, группировалась на определенных территориях. Поэтому вопрос о создании собственного национально-государственного образования в рамках создаваемого советского государства, считает Б. З. Бакеева, был вполне закономерен. Необходимо признать, продолжает свою мысль коллега из Кыргызстана, что советскому руководству удалось запустить механизм подготовки этой политики на основе конкретных идеологических, политико-экономических и культурных принципов⁴⁰⁶.

Академик Р. М. Масов, рассуждая о Туркестанской АССР в составе РСФСР, образованной в Ташкенте после ликвидации автономии в Коканде, считает, что ее создание сильно ударило по мечтам о создании в регионе Великого Туркестана — объединения местных тюркских народов в единое, независимое от России государство, ориентированное на Турцию. С другой стороны, по мнению Масова, не выдерживают никакой критики утверждения о том, что в рамках ТАССР происходил процесс национального самоопределения таджикского народа⁴⁰⁷. Возможность такая появилась позже, в 1929 г., после образования Таджикской ССР.

Р. С. Бобохонов приходит к выводу, что в 1920-е гг. в рамках национально-территориального размежевания Средней Азии в

⁴⁰⁴ *Карымсак А., Омурзаков С., Плоских В.* Турар Рыскулов в истории Кыргызстана. Бишкек, 2016. С. 24.

⁴⁰⁵ *Акаев А.* Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2004. С. 126.

⁴⁰⁶ *Бакеева Б. З.* Попытки национальной интеллигенции создать Киргизскую горную область в 20-е гг. XX в. // *Центральная Азия: человек, общество, государство.* М., 2013. С. 124—125.

⁴⁰⁷ *Масов Р.* История «топорного разделения»... С. 19.

этническом отношении наиболее трудно разрешимыми оказались споры между тремя крупными этносами Центральной Азии — казахами, таджиками и узбеками, поскольку четкие границы проживания среди них, в отличие от киргизов и туркмен, практически отсутствовали⁴⁰⁸.

Адриенна Эдгар, анализируя ситуацию, сложившуюся в Закаспии к моменту провозглашения автономии в Коканде, пишет, что интерес к «единому Туркестану» «проявляла лишь небольшая группа городских интеллектуалов, многие из которых впоследствии стали видными партийными и советскими деятелями в Узбекской ССР. Элиты других групп были менее оптимистичны, опасаясь, что пантуркестанское единство будет означать господство узбеков»⁴⁰⁹.

Некоторые туркестанские и бухарские джаиды к середине 1920-х гг. пересмотрели свое отношение к идеологии пантюркизма. Им стало очевидно, что этнолингвистический национализм (узбекский, казахский, таджикский и проч.) оказался более жизнестойчивым и перспективным, чем некая романтическая и зашедшая в тупик идеология «Туркестана»⁴¹⁰.

Отклоняясь несколько в сторону от нашей основной темы и пытаясь взглянуть на ситуацию шире, хочется высказать убежденность, что именно создание в Средней Азии и Казахстане в 1920-е гг. национальных республик (при всей сложности и противоречивости самого процесса) позволило произойти цивилизованному «разводу» после демонтажа СССР в 1991 г.

Естественно, есть другая точка зрения, согласно которой процесс национально-территориального размежевания, наоборот, заложил бомбу замедленного действия, взорвавшуюся в годы перестройки национальными движениями в советских республиках за независимость и суверенитет⁴¹¹.

Кто прав, конечно, рассудит история...

⁴⁰⁸ *Бобохонов Р. С.* Национально-территориальное размежевание и образование союзных республик в Центральной Азии (1924–1936 гг.). Историко-география проблемы. Часть первая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: «Гуманитарные науки». 2016. № 11. С. 4–8.

⁴⁰⁹ См.: *Edgar F. L.* Tribal nation: the making of Soviet Turkmenistan. Princeton University Press, 2004.

⁴¹⁰ *Абдуллаев К.* От Синьцзяна до Хорасана... С.124.

⁴¹¹ *Кумганбаев Ж. Ж., Таишев М. Ж.* Туркестанская (Кокандская) автономия и идея единого Туркестана... С. 54.

**«Единый Туркестан»:
от Мустафы Чокаева к Турару Рыскулову**

Однако были люди, ревностно отставившие идею «единого Туркестана» до конца своей жизни. И в первую очередь это Мустафа Чокаев.

Можно предположить, что идея «единого Туркестана» сформировалась у него еще до Февральской революции. В 1916 г. Чокаев выезжает в Казань и создает организацию под названием «Туркестанское единство». В ее руководство вошли пять человек. Вернувшись в Ташкент весной 1917 г., он организовал выпуск газеты «Знамя единства» (на тюркском языке), где впервые провозгласил идею о независимости всех тюркоязычных народов, а также газеты на русском языке «Свободный Туркестан», где пропагандировал демократические идеи⁴¹².

В 1918 г. в одной из публикаций Чокаев дал следующее определение Туркестану — «под таким коммунальным названием подразумеваются громадные области Средней Азии»⁴¹³.

В эмиграции Чокаев неоднократно писал, что необходимо бороться против разделения на татар, казахов, башкир, узбеков и пр. Нужно препятствовать образованию мелких республик для создания «Турецкой (Тюркской или все же Туркестанской? — Т. К.) федеративной республики»⁴¹⁴. Его бывший политический соратник З.-А. Валидов, в эмиграции превратившийся в заклятого оппонента, «Туркестан» понимал как собирательный термин, объединяющий в Российской империи все регионы, населенные тюркскими мусульманскими народами⁴¹⁵.

Но, например, у тюрков Волго-Уральского региона был уже свой автономный национально-государственный проект «Идель-Урал», сформулированный Г. Исхаки⁴¹⁶, попытка реализации которого привела к непродолжительному существованию (1 марта — 28 марта 1918 г.) так называемой «Забулачной республики» в татарской части Казани.

⁴¹² Там же. С. 51.

⁴¹³ Власть народа. 1918. 11 июля.

⁴¹⁴ Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 99.

⁴¹⁵ Тоған З. В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана... С. 122.

⁴¹⁶ Исхаки Г. Идель-Урал. Казань, 1991.

Временным национальным советом мусульман Закавказья (Национальный Азербайджанский Совет) в 1918 г. в Тифлисе также было объявлено о создании независимого государства — Азербайджанской Демократической Республики, ликвидированной большевиками 28 апреля 1920 г. Известны и другие попытки создания (или воссоздания?) государственности тюркских народов на обломках Российской империи

Еще одна возможная форма объединения бывших «подросийских», а теперь «подсоветских» (термины Чокаева. — Т. К.) тюркских народов, выходящая за пределы только Туркестана, — «Тюркский фронт». Вопрос о его создании Чокаев поднял в 1935 г. в одноименной записке, подготовленной им в Париже. По мнению Чокаева этот фронт должен был стать своеобразным ответом на большевистское угнетение.

Но мог ли этот фронт стать формой не только борьбы, но и созидания? Ответить на этот вопрос утвердительно не решился даже сам Чокаев. Анализируя ситуацию, он пишет откровенно, что, несмотря на несколько попыток все же зафиксировать существование этого фронта от Крыма до Памира институционально, по разным причинам собрать эмигрантские делегации всех тюркских народов СССР в одном месте не удавалось. Не получалось и упорядочить внутренние отношения и изжить конфликты в самих национальных организациях. А пока «Тюркский фронт» существовал только в умах эмигрантских кругов в Турции и в европейских столицах и у некоторых европейских политиков (нетрудно догадаться почему). Чокаев не сомневался, что «народные массы подсоветских тюркских окраин встретили бы весть о «Тюркском фронте» с удовлетворением»⁴¹⁷.

Почему «Тюркский фронт», несмотря на все попытки, так не был создан? Причины Чокаев видел в геополитике. Народы Кавказа, Крыма, Волго-Уральского региона и Туркестана «не осязали повелительной необходимости взаимного объединения». Общности «крови, языка и веры» оказывалось не достаточно для создания «политико-социального фронта»⁴¹⁸. Геополитическая карта «пантюркизма» мировыми игроками была отыграна. Им был необходим выход на новый геополитический уровень, и Чокаев это прекрасно понимал. «Основой всех основ должна быть (на самом деле

⁴¹⁷ Исхаков С. М. Записка М. Чокаева «Тюркский фронт»... С. 117.

⁴¹⁸ Там же. С. 120.

так и есть), — писал он резиденту Экспозитуры № 2 (информационно-аналитическое подразделение Отдела II (разведка) Генштаба Польши. — Т. К.) за несколько лет до начала Второй мировой войны, — борьба против Москвы, за ослабление мощи Москвы. Все должно быть подчинено интересам этой борьбы. Только успех этой борьбы может дать и обеспечить свободу и независимость всех и каждого. И к вопросу об образовании «Тюркского фронта» нужно подойти с этой точки зрения»⁴¹⁹.

Означает ли это, что единство тюрков-мусульман Российской империи могло существовать только при наличии самой империи, а с исчезновением последней, исчезало и единство, жившее в борьбе и угасавшее при появлении первой же возможности создать собственное национальное государство?

С другой стороны, как показывает политическая дискуссия 1917 г., далеко не все были готовы объединяться и лишиться «национальной квартиры».

Мы уже упоминали, что в мае 1917 г. в Москве на I Всероссийском мусульманском съезде при обсуждении вопроса о национально-государственном устройстве России победили «федералисты» во главе с видным азербайджанским политическим деятелем М. Э. Расулзаде. Выступая на съезде, он, в частности, отметил: «Но хотя мы, тюрко-татары, образуем одну общую нацию, отдельные члены этой нации все же имеют свою особую самобытность. Волжские татары имеют свою литературу, своих поэтов. Туркестан — свою богатую литературу. Литература киргизов также идет к расцвету. Ни один из этих народов не согласится навсегда отказаться от своей литературы, своего наречия. Никакой пользы не будет от того, что мы начнем уничтожать эту самобытность. Всякая народность должна идти по своему руслу. ...На этом основании мы добиваемся местной автономии для отдельных частей тюркского народа...»⁴²⁰.

Незадолго до смерти, в 1941 г. Чокаев написал статью под названием «Туркестан», которая была опубликована спустя несколько лет его женой в сборнике «Яш Туркестан». Выпуск был приурочен к 60-летию со дня рождения и 8-летию со дня смерти Чокаева. Текст представляет собой небольшое историческое эссе на тему об изменениях этнополитических и географических границ Туркестана в разные исторические эпохи, с оценкой современной ситуации в СССР.

⁴¹⁹ Цит. по: Там же. С. 121.

⁴²⁰ Цит. по: Сафаров Г. Национальный вопрос и пролетариат... С. 234—235.

По мнению автора, коренное население Туркестана состояло из двух неравных по численности элементов — «турок» (тюрков) и «таджиков». Первые, известны под своими советскими «кличками» (термин М. Чокаева. — *Т. К.*) — «казахи», «каракалпаки», «киргизы», «туркмены» и «узбеки». Они говорят на общем для всех турок языке. Что касается таджиков, то этот народ иранского происхождения, составляет 1/15 часть населения Туркестана. «Но все они, — делает вывод Чокаев, — считают себя и на самом деле являются *одним народом* (здесь и далее выделено М. Чокаевым. — *Т. К.*), — этого никто из знающих сколько-нибудь историю Туркестана и турок никогда не решался отрицать. ... Но в результате более чем тысячелетнего мирного сожительства бок о бок, таджики и турки Туркестана так слиты культурно и экономически между собой, что рассматривают себя как одно политическое тело, *как одну нацию*, нигде не противопоставляясь один другому»⁴²¹.

Чокаев особо подчеркивает, что отношения между этими двумя ветвями коренного населения Туркестана никогда не были омрачены взаимной борьбой: *«турки и таджики Туркестана не знали так называемой национальной вражды»*⁴²².

Закономерно, что в некоторых современных исследованиях коллег из Центральной Азии можно прочесть следующее: «Исторически сложилось, что население Туркестана было многонациональным, большую часть его составляли тюркоязычные народы: казахи, киргизы, узбеки, туркмены, таджики. Поэтому здесь стала преобладать идея единения на принципе общей исторической общности, единства культуры, языка, вероисповедания. Туркестан должен был стать единым неделимым, самостоятельным государством, в составе которого могли бы быть несколько автономных уездов»⁴²³. На наш взгляд, причисление таджиков к тюркоязычным народам является неким следствием некритического отношения к концепции «единого Туркестана». Хотя, безусловно, это может быть и простой опечаткой...

Двадцатью годами ранее в Тифлисе, беседуя с журналистами о национальном вопросе и межнациональных отношениях в Туркестане, Чокаев говорил об исторической лояльности этих отноше-

⁴²¹ Чокаев М. Туркестан // Яш Туркестан. Памяти Мустафы Чокай-бея. Париж, 1949–1950. С. 15.

⁴²² Там же. С. 16.

⁴²³ Кумганбаев Ж. Ж., Ташенев М. Ж. Туркестанская (Кокандская) автономия и идея единого Туркестана... С. 50–51.

ний, правда, использовал другую формулу, определяющую состав населения региона, — «киргизы» — «сарты»: «Составляющие большинство в крае киргизы и сарты жили между собою всегда мирно и не проявляли никакой нетерпимости в отношении населяющих Туркестан недержавных народностей»⁴²⁴.

Чокаев не скрывает: решение советской власти о проведении национально-территориального размежевания нарушило естественный процесс развития региона. Вместо Туркестана «советский административный жаргон» теперь использует термины «Советский Казахстан», «Советский Узбекистан» и так далее. Это «искусственное и насильственное раздробление» было необходимо Советскому правительству, по мнению Чокаева, во-первых, для борьбы против стремления тюркских народов к национально-политической консолидации и, во-вторых, для успешного продвижения в жизнь советской национальной политики — «национальной по форме, социалистической и интернациональной по содержанию». Цель этой политики — упрочение русского господства в национальных республиках⁴²⁵.

Сложно удержаться от вопроса: «Готовы ли были в 1941 г., когда писалась статья, или в 1991 г., когда был разрушен СССР, казахи, узбеки, таджики, каракалпаки, туркмены и киргизы отказаться от того, что Мустафа Чокаев называет “кличками” и вновь стать просто “мусульманами” или “туркестанцами”, “тюрками” или “сартами”»?

А кого понимать под «недержавными народностями»? Пришлось, не коренное население Туркестана, появившееся за 50 лет существования Туркестанского генерал-губернаторства или коренные народы, оставшиеся за скобками политической формулы «киргизы—сарты»? Однако эта формула не может считаться синонимичной и паре «кочевые—оседлые». Обратим внимание, что диапазон «киргизы—сарты» уже, чем «тюрки—таджики».

Диссонансом на фоне оценок и позиции Чокаева-эмигранта выглядит текст его письма, опубликованный буквально через месяц после ликвидации Кокандской автономии — 2 марта в газете «Улуг Туркистон», а 18 марта 1918 г. перепечатанного в газете «Сары-Арка»:

⁴²⁴ Борьба. 1920. 28 апреля.

⁴²⁵ М. Чокаев. Туркестан // Яш Туркестан. Памяти Мустафы Чокай-бея... С. 16.

«...Убежав от пуль большевиков, я около десяти дней скрывался в соседних с Кокандом кишлаках, среди собратьев сартов. ...Когда сарты в Коканде во главе с грабителем Ергешем (Иргашем. — Т. К.) начали войну с большевиками, у них совсем не было мысли, что они потерпят поражение. Они решили провозгласить Ергеша ханом в Фергане и, кроме сартов, не оставить там ни одной живой души, утверждая, что между большевиками и казахами нет никакой разницы... Сарты взбесились... и решили уничтожить всех, кто не является сартом.

...Возле кишлака Кумбасты около двадцати вооруженных сартов неожиданно схватили меня. — Кто ты такой? — Я мусульманин. — Какой мусульманин? — Я казах. — Это с каких пор казахи стали мусульманами? — Мы издревле мусульмане. — У нас есть сомнения в мусульманстве казахов.

...Сарты, не найдя доказательств моего иноверия, приступили к допросу. — Ты казах, но почему бродишь в наших краях? ... И здесь сарты окончательно решили: “Кто бы он ни был, откуда бы ни взялся, для нас ясно только одно: он не сарт, и сам не отказывается от этого. Значит, его надо убить. Теперь время сартов. Нам все равно, что казах, что большевик!”

Ровно два года тому назад сарты, как вздутые бурдюки, яростно грозившие поубивать всех инородцев (речь идет о восстании 1916 г. — Т. К.), терзали мою душу угрозами покончить со мною лишь только потому, что я казах. Теперь, после победы большевиков, когда Ергеш, которого они прочили в ханы, сбежал, присмирившие сарты продолжали молча издеваться надо мной. Два дня я брел пешком, испытывая всяческие страдания, и прибыл в кишлак Дагестан. Здесь я нанял подвод, заплатил девять девяносто и, воскликнув: «Где вы, казахи и киргизы!» — уехал восвояси. Перевалив через снежные горы, я тут же громогласно заявил сартам: «Прощайте навеки»...»⁴²⁶.

Рискуя получить от коллег упрек в том, что подобного рода текст может являться более поздним, советским (большевистским) конструктом, подчеркнем, что самая первая публикация этого текста состоялась в газете «Улуг Туркистон», которую трудно заподозрить в подобного рода подтасовках⁴²⁷. С другой стороны, это был орган татарской общины Туркестана, поэтому материал с таким «подтекстом» она могла себе позволить разместить.

⁴²⁶ Цит. по: *Сакен Сейфуллин*. Тернистый путь... С. 174—176.

⁴²⁷ Выражаем благодарность за предоставленную информацию К. Абдуллаеву.

Здесь хочется напомнить читателю, Мария Горина, будущая Чокай, писала в воспоминаниях относительно бегства Чокаева из Коканда и попытках скрыться от преследований в Ташкенте. Чокаев категорически не хотел обращаться за помощью к мусульманам («сартам»?) и убежище нашел на квартире бывшего мужа Гориной⁴²⁸.

Чокаев не использует термины «туркестанцы» или «мусульмане». Свой текст он читает с «собратьев сартов», но далее, возможно на фоне эмоциональной оценки произошедшего с ним, он совсем не случайно часто употребляет слово «сарт», явно используя его как антитезу «чужой» слову «казах».

Не имея возможности вторгаться глубоко в природу происхождения и использования термина «сарт»⁴²⁹, обратим внимание, что с приходом к власти большевиков городская туркестанская элита в бывших Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях Туркестанского генерал-губернаторства все чаще именовала себя узбеками, а сельское население продолжало спокойно воспринимать название «сарт». Да и в политической сфере термин «узбек» стал использоваться значительно чаще. В 1918 г. ТуркЦИК принял постановление, согласно которому государственными языками ТАССР объявлялись русский, узбекский и киргизский (казахский). В марте 1920 г. ЦК РКП(б) и ВЦИК РСФСР приняли новое Положение об автономии Туркестана, в котором говорилось, что Туркестан — республика, на территории которой проживают три основных народа: туркмены, узбеки и киргизы⁴³⁰.

Ровно так же считали царские чиновники.

Гзовский в своих «белых» воспоминаниях описывает Туркестан как место проживания двух народов — киргизов и сартов. И лишь однажды, перечисляя богатую географию своих путешествий по региону, он упоминает «Закаспийский край, населенный отважными текинцами» — одним из крупнейших туркменских племен.

Чокаев до конца своих дней оставался приверженцем политической идеи о «едином Туркестане». Что это было: подлинная убежденность или нечто позволявшее поддерживать в эмиграции статус политического деятеля и главы несуществующего государства в изгнании, хотя историческая действительность развивалась совсем в другом направлении?

⁴²⁸ Мария Чокай. Я пишу Вам из Нождана... С. 39.

⁴²⁹ Подробно об этом см.: *Абашин С.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности...

⁴³⁰ Там же. С. 156—157.

Продолжателем идеи «единого Туркестана» Мустафы Чокаева был Турар Рыскулов. Будучи крупным советским и партийным деятелем в правительстве ТАССР, он в рамках процесса национального размежевания 1920-х гг. отстаивал линию на сохранение «единого Туркестана» и выступил с идеей создания «Тюркской советской Республики», или «Республики тюркских народов». На одном из партийных мероприятий он как-то заявил: «...В интересах интернационального объединения трудящихся и угнетенных народов провести путем коммунистической агитации идею уничтожения стремления тюркских народностей делиться по существу и названию: на татар, киргиз, башкир, узбеков и так далее и составлять отдельные мелкие республики, а объединить в целях сплоченности и привлечения других тюркских народностей, не входящих в состав РСФСР, вокруг Тюркской Советской Республики...»⁴³¹

По мнению киргизских коллег, политические взгляды Турара Рыскулова дают основание рассматривать его как первого глобалиста советской эпохи⁴³².

На первый взгляд реализация такого проекта способствовала продвижению идеи мировой революции в странах мусульманского Востока. Но в Москве спешить не стали. 12 марта 1922 г. в Тифлисе был подписан договор о создании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ), в состав которой вошли Азербайджанская ССР, Армянская ССР и Грузинская ССР. Закавказье в отличие от Туркестана не демонстрировало ни этнического, ни религиозного единства. Идея создания ФСССРЗ была выдвинута В. И. Лениным, среди прочего, для преодоления межнационального недоверия и вражды в регионе. Однако в 1936 г. Федеративная Республика была ликвидирована.

Итак, существовало как минимум две формы реализации проекта «единого Туркестана»: форма Туркестанской (Кокандской) автономии на платформе джадидского варианта модернизации и форма Тюркской советской республики (советский пантюркизм, с помощью которого было возможно продвижение мировой революции на Восток) на платформе большевистского варианта модернизации.

⁴³¹ Цит. по: Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 154.

⁴³² Карымсак А., Омурзаков С., Плоских В. Турар Рыскулов в истории Кыргызстана... С. 24.

Почему власть, отважившись на эксперимент в Закавказье, не согласилась с доводами Рыскулова в Туркестане? Потому что в Туркестане не было межнациональной вражды и нечего было «преодолевать»? Или в Москве побоялись «не потянуть» одновременно два больших эксперимента? Или на Закавказскую Федерацию согласились, изначально понимая, что единства не было, нет, и не будет, и Центру можно не опасаться потерять влияние на этой периферии? А Туркестан действительно имел все предпосылки консолидироваться настолько, что в перспективе попытаться заявить о своей самостоятельности и выйти из состава Союза?

Однако многие проблемы, унаследованные с дореволюционных времен, по оценке ряда современных отечественных исследователей, решены не были. Это касалось прежде всего национального размежевания в Закавказье и Средней Азии⁴³³

Стоит отметить, что с начала 1920-х до середины 1960-х гг. периодически создавались и напряженно работали с целью улучшения руководством местными партийными организациями, их идейного и организационного укрепления, а также для решения целого комплекса экономических задач региона Туркестанское бюро ЦК РКП(б) (1920—1922 гг.), Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) (1922—1934 гг.) и, наконец, Среднеазиатское бюро ЦК КПСС (1962—1964 гг.). Из названий бюро хорошо видно, когда в сознании центрального партийного руководства произошел отказ от «Туркестана» и переход к «Средней Азии». Характерно, что отказавшись от «единого Туркестана» в этнополитическом смысле, в экономических вопросах регион продолжал рассматриваться, особенно в условиях плановой экономики, почти как единое целое.

Вопросов много. Но вернемся в Туркестан начала 1920-х гг.

По мнению С. Н. Абашина, Москва, уже столкнувшись с проблемами пантюркизма в Поволжье, послала в Ташкент специальную комиссию во главе с М. В. Фрунзе, который категорически отверг идею Рыскулова о «Тюркской республике»⁴³⁴.

Но мировая революция все же продвинулась на мусульманский восток. В Персию. Здесь, в провинции (остане) Гилян, в июне 1920 г. была провозглашена Гилянская Советская Социалистическая Республика (известна также как Гилянская республика, или

⁴³³ Карпенкова Т. В. Русские революции 1917 г. и изменения в содержании национально-государственного строительства страны // Приволжский научный вестник. 2013. № 3 (19). С. 54.

⁴³⁴ Абашии С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности... С. 182.

Персидская Советская Республика), просуществовавшая до сентября 1921 г.⁴³⁵

Возможно, неудача «иранского проекта» в определенной степени повлияла на решение советского руководства в 1929 г. создать из Таджикской АССР, входившей в составе Узбекской ССР, самостоятельную союзную республику, организовав тем самым некую альтернативу во внутреннем (а возможно, и внешнем) контуре тюркизму.

На наш взгляд, в начале XX в. дискурс «единства» существовал только на уровне небольшой части региональной интеллектуальной элиты, определявшей свою идентичность как «туркестанцы». «Единого Туркестана» никогда не существовало. Вернее, существовала административно-территориальная единица в Российской империи под названием Туркестанское генерал-губернаторство, которое состояло, и это признавалось в империи на законодательном и управленческом уровне, из трех основных субрегионов: Семиречья, Закаспья и так называемых «коренных областей» — Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской.

Русская администрация, по сути, выстраивала образ Туркестана искусственно и в географическом, и в политическом смысле. Не имея возможности в рамках данной работы подробно и детально разобраться с самим термином «Туркестан» (а термин имеет историю), позволим себе все же заметить, что своим возрождением и использованием он обязан русским и европейским ученым XIX в. и является некой компромиссной производной, появившейся из долгих научных дискуссий⁴³⁶.

Сам термин «Туркестан» — это продукт русского востоковедения, подхваченный местными джадидами (Фитратом, Бехбуди и проч.), которые видели в нем локальный, географический, но не этнический смысл. Однако существовал еще один термин — «Туран». Идеология пантуранизма напрямую связана с концепцией «единого Туркестана», хотя мы все же не рискуем утверждать, что эти понятия тождественны. О пантуранизме особенно много писала мусульманская публицистика в России в 1917 г. По мнению С. Горшениной, обозначение русских владений в Азии как Туркестан позволили очертить границы Русского Туркестана, отделив

⁴³⁵ Подробнее см.: *Генис В. Л.* Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920—1921. Документальная хроника. М., 2000.

⁴³⁶ Подробнее об этом см.: *Горшенина С.* Изобретение концепта Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Вашингтон, 2019.

его при этом от пограничных регионов: Китайского Туркестана и Афганского Туркестана, которые в будущем тоже могли бы быть присоединены к империи, что собрало бы Туркестан воедино⁴³⁷.

На протяжении всего 1917 г. в субрегионах Туркестана происходили политические процессы, которые скорее можно назвать центробежными, относительно «единого Туркестана», нежели центростремительными.

В тех же географических границах помимо генерал-губернаторства располагались Хивинское ханство и Бухарский эмират, вернее то, что от них осталось, продолжавшие жить и управляться в начале XX в. не по законам Российской империи или демократической России, а по своим собственным. Эмир и хан изо всех сил старались сохранить власть и укрепить свою государственность на обломках империи. Поддержали все субрегионы и ханства автономистский проект «единого Туркестана», олицетворяемый Кокандской автономией? Думается — нет.

Третьи силы

Среди руководства автономного Туркестана были не только серьезные противоречия по вопросам внутренней политики, но и разные внешнеполитические ориентиры: российский, английский, германский, турецкий и др. Говоря откровенно, в таких условиях большевики очень рисковали. Чрезвычайный комиссар СНК РСФСР в Туркестане П. А. Кобзев вспоминал, что после назначения его в Туркестан он от В. И. Ленина получил словесное указание в короткой форме: «Англию из Туркестана надо вышибить», — и не менее ясную от наркомнаца И. В. Сталина: «Обстановка Туркестана такая, что в ней кто хочешь голову себе сломит»⁴³⁸.

Если исходить из уже сформулированного нами тезиса о том, что в планы большевиков не входила потеря территорий в результате «самоопределений вплоть до отделений», то все последующие их действия в Туркестане можно считать укладывающимися в логику «сохранения территорий». Как отмечает Т. В. Карпенкова, незадолго до октября 1917 г., в ситуации стремительного подъема национального самосознания населявших Россию народов, В. И. Ленин сформулировал популярный принцип национально-государственного строительства «союза свободных республик»,

⁴³⁷ Там же. С. 97.

⁴³⁸ Россия и Центральная Азия. Конец XIX — начало XX в.: сборник документов и материалов / сост. Д. А. Аманжолова. М., 2017. С. 202.

то есть их федерации. Однако и после этого большевики продолжали рассматривать федерацию лишь как продиктованную специфическими условиями многонациональной России форму перехода к «вполне единому государству», единой, «централистически-демократической республике»⁴³⁹.

С другой стороны, ровно настолько, насколько большевики не планировали растерять имперское наследство, также и кокандские автономисты не желали лишиться того, что совсем недавно именовалось Туркестанским генерал-губернаторством, и собирались за эту территорию бороться. И большевики, и автономисты боролись по-своему.

Не предприняли большевики решительных действий в самом начале 1918 г., вероятно, уже весной 1918 г. ситуация для них, большевиков, выглядела бы иначе. Иностранная интервенция, под предлогом оказания военной помощи автономии могла начаться значительно раньше, чем она началась.

Советская историография однозначно утверждает: «Коканд был избран центром антисоветского заговора не случайно. Близость его от Кашгара позволяла англичанам беспрепятственно снабжать туркестанскую контрреволюцию оружием и боеприпасами»⁴⁴⁰. А в подготовке и организации автономии не обошлось без немецкой и турецкой разведок⁴⁴¹.

В конце 1917 — начале 1918 г. Туркестан находился в эпицентре геополитических интересов, как «вражеских» так и «дружеских» России государств, и проект автономный «единый Туркестан» в составе будь то Демократической или Советской России не входил ни в чьи планы по разделу на сферы влияния бывших владений Российской империи.

Еще в годы Первой мировой войны эмигранты из России тюркского происхождения основали в Стамбуле так называемый «Комитет защиты тюркских народов России», или «Комитет в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России», который сокращенно чаще именовался «Русско-мусульманский комитет».

⁴³⁹ Карпенкова Т. В. Русские революции 1917 г. и изменения в содержании национально-государственного строительства страны... С. 44–45.

⁴⁴⁰ История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967. С. 141.

⁴⁴¹ Подробнее см.: Ланда Л. М. Панисламистская и пантюркистская агентура в Туркестане...; Ниялло Азиз (Станишевский В. А.) О пантюркистском движении. Очерк. Рукопись // НА РУз. Ф. Р-2823. Оп. 1. Д. 289. Л. 1–45; Он же. К истории националистической контрреволюции в Средней Азии. Рукопись // Там же. Д. 307. Л. 1–5.

Он пользовался поддержкой младотурок, надевавшихся, в результате поражения России в войне, аннексировать принадлежавшие последней территории с тюркско-мусульманским населением.

В 1915–1916 гг. члены Комитета во главе с Юсуфом Акчуриным посетили ряд европейских столиц, где встречались с видными политиками, промышленниками и учеными. В средствах массовой информации был опубликован «Меморандум», содержащий, помимо прочего, 4 пункта, составлявшие основные требования Комитета: освободить Бухару и Хиву от русского владычества и присоединить к ним Туркестан; обеспечить административно-политическую независимость киргизов; восстановить Казанское и Крымское ханства (последнее под покровительством турецкого султана); признать Волгу и Каспийское море нейтральными⁴⁴².

27–29 июня 1916 г. в Лозанне была проведена Третья конференция «Союза народов». Мусульманские представители стали ее участниками. Небольшая группа представителей различных мусульманских народов Российской империи, по мнению С. М. Исхакова, фактически получила со стороны ряда европейских государств признание права на самоопределение, административную и культурно-национальную автономию в рамках Российского государства вне зависимости от итогов мировой войны⁴⁴³.

После падения самодержавия в 1917 г. на практике началось осуществление того, что предлагалось мусульманскими дипломатами еще во время их переговоров с европейскими политиками в 1915–1916 гг. В условиях Гражданской войны в России процесс политического диалога между западными политиками и представителями мусульманских народов продолжился, но, считает С. М. Исхаков, ничего общего с пантюркизмом и панисламизмом он не имел⁴⁴⁴.

В начале 1918 г. туркестанец Мирза-Ахмед Рахим и казах Салим Муса обратились к Вудро Вильсону и американскому народу, выражая просьбу защитить право «находящихся в отчаянии» тюркских народов Туркестана и Казахстана на самоопределение⁴⁴⁵.

⁴⁴² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4413. Л. 59.

⁴⁴³ *Исхаков С. М.* Представители мусульманских народов Европейской России, Сибири, Кавказа, Крыма и Центральной Азии на Парижской мирной конференции // *Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения.* М., 2014. С. 389.

⁴⁴⁴ Там же. С. 390.

⁴⁴⁵ *Кожебаева Г. К.* Германия — Россия — СССР: политика, война и плен. Алматы, 2009. С. 271–272.

Германия также не осталась в стороне⁴⁴⁶. На протяжении всей Первой мировой войны там пристально наблюдали за политической обстановкой в Туркестане, собирали и анализировали информацию об умонастроениях коренного населения, а также о других мусульманских регионах империи.

В одной из докладных записок МИД Германии говорилось, что Кавказ, Северная Персия, Центральная Азия и Поволжье, представляли большой экономический интерес для Германии. Товары, которые на тот момент поступали из Средней Азии по цепочке Каспийское море — Баку — Батуми — Черное море на фабрики Москвы и через посредничество русских коммерсантов попадали в Европу, при открытии нового торгового пути Стокгольм — Рига — Казань и создании торгово-экономического моста между народами бассейнов Каспийского, Черного морей и Сибири, с одной стороны, и Германии — с другой, через посредничество казанских татар могли попадать в Европу напрямую, при условии восстановления Казанского ханства. В кайзеровской Германии эту идею собирались претворить в жизнь⁴⁴⁷.

Деловые и банковские круги Германии и Австро-Венгрии все-речь обсуждали будущие планы строительства Туранской железной дороги. Эта магистраль должна была начинаться в северных районах Персии, проходить через Русский Туркестан и заканчиваться в одном из городов Китайского Туркестана. Строительство такой транснациональной железнодорожной ветки сулило Германии огромные конкурентные преимущества для продвижения немецких промышленных товаров на Востоке. Речь шла о вытеснении русских товаров, которые характеризовались как «худшие по качеству и дорогие по цене» по сравнению с немецкими⁴⁴⁸.

В июле 1918 г. в Челябинске вышла статья М. Чокаева «Туркестан и германская восточная политика». По мнению автора, опьяненная своими успехами на Украине и в Европейской России, Германия совершенно открыто проявляла намерения захватить пути Среднюю Азию.

⁴⁴⁶ См.: *Оришев А. Б., Ряполов В. В.* Германские миссии на Востоке: от Бисмарка до Гитлера. М. — Берлин, 2016.

⁴⁴⁷ *Исраилова-Харьехузен Ч., Котюкова Т.* Деятельность «Комитета в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России»... С. 76.

⁴⁴⁸ Там же. С. 77.

Еще до революции германский акционерный капитал, но под русским флагом, играл в Туркестане практически лидирующую роль. Он принимал непосредственное участие в строительстве нескольких железнодорожных веток, шедших в стратегически важных направлениях. Речь идет об ответвлении от Ташкент-Оренбургской железной дороги — Смеречинской железной дороге, которая шла через Чимкент, Пишпек в Верный, где разветвлялась и уходила к китайской границе и в Сибирь. Области, через которые проходит дорога, были густо населены немецкими колонистами, очень быстро разбогатевшими и скупившими крупные земельные участки.

Чокаев считал, что движение немцев через Украину имеет целью проникновение в Среднюю Азию с Черного и Каспийского моря, с одной стороны, через Астрахань и Самару — с другой⁴⁴⁹.

Еще одна железная дорога, Бухарская, подходила к границе с Афганистаном и интересовала англичан. В годы Первой мировой войны успели построить лишь часть дороги — Чарджуй — Керки. Если бы немцам удалось проникнуть в Среднюю Азию, Британская Индия подверглась бы серьезной опасности⁴⁵⁰.

После ликвидации Кокандской автономии Серали Лапин в Ташкенте обратился за помощью в Германскую комиссию военно- и гражданских пленных, которая снабдила его необходимыми документами для поездки в Москву. В Москве Лапин с помощью немецкого генерального консула принял турецкое гражданство и 20 сентября 1918 г. прибыл в Берлин⁴⁵¹.

25 сентября он встретился с представителем политического отдела Генерального Штаба лейтенантом Эльснером, которого ознакомил с политическим положением в Туркестане, сложившимся после прихода к власти большевиков и падения правительства Кокандской автономии. Лапин просил об оказании поддержки антибольшевистскому движению в Туркестане со стороны Германии. В случае победы он видел край протекторатом Германии с монархической формой правления. Лапин направил в Германский МИД письмо, в котором обстоятельно изложил мысли об организации военного вмешательства в Среднюю Азию со стороны Германии. С территории Турции через Закавказье войска могли быть переброшены в Закаспийскую область. После пересечения Каспийского моря немцы должны были продвигаться из Красноводска в двух

⁴⁴⁹ Власть народа. 1918. 11 июля.

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ История и историки Узбекистана в XX столетии... С. 108.

направлениях: через Асхабад, Мерв, Чарджуй, Бухару и через Перовск, Ташкент, пополняясь в пути представителями местных народов. Через несколько месяцев намечалось соединение этих двух групп в районе Ташкента или Самарканда⁴⁵².

Правительственные круги Германии не спешили с ответом, несмотря на постоянные заявления о чувствах симпатии, которые питало к немцам местное население. Однако приступ психического расстройства, происшедший с Лапиным 17 декабря 1918 г., подорвал к нему доверие немцев⁴⁵³.

Судьба Лапина трагична. Возможно, он был обижен на русскую власть. Его карьера на государственной службе в краевой администрации Туркестанского генерал-губернаторства развивалась прекрасно. Однако в 1906 г. он предпринял безуспешную попытку избраться в Государственную Думу в качестве кандидата от мусульманского населения Сырдынской области Туркестана, но был исключен из избирательных списков⁴⁵⁴. Он ушел со службы, получил юридическое образование и занялся краеведением и востоковедением. В 1912 г. на его квартире в Петербурге часто происходили собрания студентов-мусульман, о далеко идущих планах которых Лапин не мог не знать. Об этом времени Чокаев, он тогда был петербургским студентом, вспоминал так: «Но самое замечательное в нашем решении было создать группу из студентов, которая, в случае вступления России в войну против Турции, должна отправиться на Кавказский фронт для разрушения железных дорог, мостов, телеграфа. Постановление было тут же подтверждено клятвой»⁴⁵⁵. Казалось бы, Лапин мог сделать карьеру в 1917 г., став одним из кандидатов в группу российских советников, которых Временное правительство планировало направить в Бухарское ханство для проведения реформ, но этому воспрепятствовали Липовский и Елпатьевский⁴⁵⁶. Не нашлось ему места и в правительстве Туркестанской автономии... Он умер в 1919 г. в Самарканде и похоронен на кладбище Шах-и Зинда.

⁴⁵² Там же. С. 109.

⁴⁵³ Там же. С. 110.

⁴⁵⁴ Котокова Т. В. Окраина на особом положении... С. 245–246.

⁴⁵⁵ Есмагамбетов К. Мустафа Чокай о Турции 20–30-х гг. прошлого века // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2012. № 3 (34). С. 67.

⁴⁵⁶ Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь / колл. автор; сост. и отв. ред. Д. З. Хайретдинов. М., 2009. С. 167.

Были свои интересы на Среднем Востоке у союзницы России по Антанте — Франции. Французский военный атташе в Персии Жорж Дюкрок внимательно наблюдал за всем происходящим и докладывал об этом в Париж военному министру. Его оценки по-военному лаконичны, нет никаких отвлеченных размышлений. Дюкрок прекрасно ориентировался во внутритуркестанских политических хитросплетениях. В «Докладе о положении в Туркестане и Закаспии» (обратим внимание, это важно, для французского военного дипломата не существует «единого Туркестана», а существует Туркестан и Закаспий) 3 октября 1919 г. он писал, что большевики настроенные изначально против автономии, проявили снисходительность к старым русским консерваторам в крае, поскольку не были чужды чувства единения всех русских⁴⁵⁷.

Туркестанскую автономию Дюкрок называет «повстанцы Ферганы», таким образом имея в виду совершенно конкретный регион Средней Азии. Действия лидера большевиков Туркестана Федора Колесова по ликвидации автономии Дюкрок сравнил с «энергичностью, напоминающей действия русских генералов в Андижане (речь об Андижанском восстании 1898 г. — Т. К.)»⁴⁵⁸.

Французский военный атташе считал, что во всей этой революционной истории в Фергане присутствует «рука» Англии. Этой «рукой», по его мнению, был полковник Ф. Бейли. Именно он подбивал «сартов к мятежу», получив на это деньги у дунганских торговцев из Кашгара, что свидетельствовало о серьезном влиянии Англии на Кашгар и Фергану. Эти регионы были своеобразными воротами в Китай и в Индию. О своем визави в Туркестане, генерале У. Маллесоне, Дюкрок пишет, что тот был настроен антирусски, а силы, которые он задействовал в Туркестане, были посланы британским правительством Индии⁴⁵⁹. В заключение Дюкрок констатировал, что контрреволюционеры не получили в Туркестане никакой поддержки со стороны союзников, хотя и десятки тысяч человек хватило бы, чтобы разбить там большевиков⁴⁶⁰.

Главная опасность советской власти в Средней Азии исходила от поддержки контрреволюционных сил британскими войсками. Это вмешательство, по мнению Э. Аллворта, было вызвано «британской

⁴⁵⁷ *Мария Чокай*. Я пишу Вам из Ножана... С. 171.

⁴⁵⁸ Там же. С. 172.

⁴⁵⁹ Там же. С.174.

⁴⁶⁰ Там же. С. 181.

озабоченностью политическими переменами в регионе», вблизи от ее индийских владений⁴⁶¹.

К осени 1917 г., тема угрозы создания немцами и турками «Туранского проекта» в Туркестане превратилась в предмет большого аналитического исследования, подготовленного по заказу Отдела военно-морской разведки молодым историком А. Дж. Тойнби. Отмечая особенность идеологической концепции пантуранизма как крайней формы тюркизма, базирующегося на принципах единства тюркоязычных народов, и ссылаясь на одного из первых выразителей подобных идей М. Коэна (псевд. Текиналип), опубликовавшего в 1915 г. в Германии книгу «Тюркизм и пантюркизм», Тойнби приходил к выводу о возможности объединения тюркоязычных народов под эгидой младотурецкого руководства Османской империи, использовавшего этот самый пантуранизм как инструмент для достижения своих целей и создания угроз позиции Великобритании в Индии⁴⁶².

Сведения о происходившем в Туркестане британская разведка получала с некоторой задержкой. Первые данные о создании автономии британское консульство в Кашгаре получило в декабре 1917 г. В разведсводке британского военного атташе в Мешхеде Э. А. Ридла от 22 декабря 1917 г. важное место занимала информация о расстановке сил среди мусульман Туркестана и проходящих там процессах, в контексте усиления исламского фактора в регионе. Ридл сообщал о двух противоборствующих движениях, отмечая, что «на митингах мусульман, прошедших в Ташкенте, Коканде, Самарканде и Бухаре, большая часть (мусульманского. — Т. К.) сообщества выступает против любого, что похоже на мусульманскую автономию в Туркестане», и «они особенно против того, чтобы власть перешла в руки духовенства», требуя в основном «равного представительства и равного с русским населением отношения к нему». Второе движение находилось под пантуранистским влиянием с Кавказа, через газету «Хуррият». Помимо этих двух очевидных течений, существовали еще «течения подводные»⁴⁶³.

5 января 1917 г., касаясь ситуации в Туркестане, глава Министерства по делам Индии Э. Монтэрю отмечал в своей телеграмме вице-королю Ф. Челмсфорду, что контроль над населением этого

⁴⁶¹ Эдвард Аллворт. Россия: прорыв на Восток... С. 197.

⁴⁶² Улунян Ар. А. Туркестанский плацдарм. 1917—1922... С. 67—68.

⁴⁶³ Там же. С. 90—91.

региона со стороны России потерян, и «существует серьезная опасность того, что Туркестан может полностью попасть под турко-германское влияние»⁴⁶⁴.

12 января 1917 г. в британской дипломатической переписке подтверждался факт контроля над Ферганой автономистов. При этом отмечалось, что «идея большевиков заключалась в том, что бы мусульманское правительство составило бы часть Российской федерации», но среди мусульман преобладает идея, что федерация должна быть тюркской и под руководством османского султана⁴⁶⁵.

2 февраля 1918 г. подполковник Ридл в ежедневной разведсводке отмечал, что «хотя коренное население, ... в целом приняло принцип мусульманской автономии, туркмены и жители Закаспия выразили свое предпочтение быть более связанными с Кавказом, нежели с Кокандской организацией. Поэтому в настоящее время предлагается, чтобы Амударья стала разделительной линией, и территория к востоку от реки подпадала под власть и управление Кокандского комитета, а к западу — управлялась бы с Кавказа»⁴⁶⁶.

Вскоре после падения царизма в России правительство Великобритании разместило на севере Персии Британскую военную миссию в Туркестане во главе с генералом Маллесоном. Весной 1918 г. в Туркестан прибыла еще одна английская разведывательная миссия — во главе с Ф. Бейли⁴⁶⁷.

Приезд был разрешен Совнаркомом Туркеспублики. Официальной целью миссии было якобы налаживание связей с новым советским правительством края. Но на самом деле истинной целью миссии была подготовка вооруженного восстания против советской власти. После свержения советской власти в крае планировали организовать Туркестанскую Демократическую Республику со всеми атрибутами республиканского строя: парламентом, президентом. Республика должна была находиться под исключительным влиянием Великобритании и предоставить последней в качестве компенсации затрат ряд концессий на разработку природных богатств⁴⁶⁸.

Летом 1918 г. Закаспий оказался во власти антибольшевистских сил, под покровительством генерала Маллесона было образовано Закаспийское временное правительство.

⁴⁶⁴ Там же. С. 47—48.

⁴⁶⁵ Там же. С. 107—108.

⁴⁶⁶ Там же. С. 112—113.

⁴⁶⁷ См.: *Бейли Ф. М.* Миссия в Ташкент. М., 2013.

⁴⁶⁸ *Зайцев И.* Из недавно пережитого // Соловецкие острова. 1926. № 9. С. 62.

25 сентября 1919 г. в Баку состоялась встреча М. Чокаева с Нури-пашой, братом Энвера-паши. Нури-паша, не без ведома правительства Турции, проявил огромный интерес к Туркестану. Его больше всего интересовали военно-стратегические вопросы. «Он набросал передо мной, — вспоминал Чокаев, — обширный план военных действий, цель которых заключалась в освобождении как самого Туркестана, так и всех восточных мусульманских стран от ига чужеземцев. Мои доводы на невозможность в Туркестане создать в предполагаемый им краткий срок достаточную военную силу он отпарировал ссылкой на практику Триполитанской войны, когда ему и его брату Энверу удалось в кратчайший срок создать достаточно внушительную силу для отражения итальянцев»⁴⁶⁹.

Нури-паша посоветовал Чокаеву на первых порах вести совместную работу с советской властью, которая одна могла создать регулярные воинские части из мусульман Туркестана.

Чокаева насторожила такая настойчивая заинтересованность. Нури-паша предлагал перебросить в Туркестан свыше 200 турецких офицеров. Их появление, по мнению Чокаева, «могло влить силу и энергию в тех кругах... которые единственное спасение и путь прогресса для Туркестана видели в приглашении на предполагавшийся туркестанский престол одного из принцев оттоманского двора»⁴⁷⁰.

Встреча Чокаева с Нури-пашой окончилась безрезультатно. Не называя фамилии, Чокаев сообщает, что этой ситуацией воспользовался «наш туркестанский прожектор», предоставивший Нури-паше обширный доклад и план действий в Туркестане, который раньше был им предложен в Берлине и Константинополе.

Вероятно, речь идет о Серали Лапине. Лапин предлагал использовать большевизм и советскую власть в Туркестане, поскольку это не противоречило основным принципам шариата. Однако Нури-паша не особенно благосклонно отнесся к этому плану...⁴⁷¹

По мнению А. Халида, крах большевиков на Кавказском фронте сделал возможным и османское присутствие в Туркестане. Кокандским правительством в Баку была послана делегация для встречи с османскими представителями и с просьбой о вмешательстве. Правда, у турок для этого не было возможностей. В Коканд был

⁴⁶⁹ Вольный горец. 1920. 27 сентября.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Там же.

послан агент, который прибыл в город, когда автономия уже пала⁴⁷².

Однако в 1935 г. Чокаев становится сторонником германо-турецкого вторжения в Туркестан. Он явно сожалел о своей нерешительной позиции в 1918—1919 гг. Результатом вторжения должно было стать освобождение, ценой нового порабощения (о котором Чокаев вероятно из деликатности умалчивал), с признанием над собою верховной власти турецкого султана и созданием Тюркской империи от Адриатического моря до Алтайских гор. Сам Чокаев пишет об этом как о «будущей желанной легенде»⁴⁷³.

Неожиданно, но пробольшевистской силой в революционной борьбе стали бывшие военнопленные австро-венгерской и германской армий, находившиеся в лагерях на территории Туркестана. Приблизительно половину Красной гвардии в Туркестане составляли бывшие военнопленные, в основном венгры. Многих из них пропаганда сделала энтузиастами строительства коммунистического общества⁴⁷⁴.

По оценке фон Клемма, врагам не удалось вызвать всеобщее восстание мусульман в Средней Азии даже тогда, когда большевики разрушили и разграбили Коканд⁴⁷⁵.

Вполне очевидно, что ни одна из действовавших на исторической авансцене внешних сил не собиралась защищать интересы коренного населения Туркестана. Все эти силы действовали в логике собственных геополитических задач. В совокупности с конфликтами интересов внутри самих туркестанских элит, объективной и субрегиональной разобщенностью края это не оставляло автономии ни единого шанса выстоять и укрепиться.

После автономии

Немногим ранее, чем была ликвидирована Туркестанская автономия, было распущено Всероссийское учредительное собрание. Несколько не признавших разгон членов (эсеров) Учредительного собрания, 8 июня 1918 г. организовали в Самаре Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч). По сути, это

⁴⁷² *Адиб Халид*. Чем была революция в Туркестане?... С. 173.

⁴⁷³ *Исхаков С. М.* Записка М. Чокаева «Тюркский фронт»... С. 112.

⁴⁷⁴ *Матвеев А. М.* Зарубежные выходы в Туркестане на путях к Великому октябрю (1914 — октябрь 1917 г.). Ташкент, 1977.

⁴⁷⁵ *Вильям фон Клемм*. Очерк революционных событий в русской Средней Азии... С. 6.

было первое антибольшевистское правительство в России. При Комуче был создан отдел по делам национальностей, возглавил который член Всероссийского учредительного собрания татарин Фатых Тухватуллин. Он считал большой политической ошибкой, если мусульмане отдельных регионов бывшей империи начнут самоопределяться до созыва нового Учредительного собрания. Будущее мусульман бывшей империи Тухватуллин представлял так: для Поволжья и Приуралья проведение культурно-национальной автономии, а для Туркестана, Кавказа и других регионов организовать территориальную федерацию, не выделяясь из состава Всероссийской федеративной республики⁴⁷⁶. Эти положения повторяли решения, принятые в 1917 г. I и II Всероссийскими мусульманскими съездами.

В сентябре 1918 г. Комитет членов Всероссийского учредительного собрания опубликовал обращение «К тюрко-татарскому народу государства Российского», в котором Комуч признавал право на широкую культурно-национальную автономию за мусульманами вплоть до принятия соответствующих решений новой верховной властью в России. А пока временным органом самоуправления было объявлено Национальное управление мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Признание прав на национально-культурную автономию не умаляло прав на территориально-политическое самоуправление регионов с преобладанием мусульманского населения: Туркестан, Алаш Орда и др.⁴⁷⁷

В сентябре в Уфе состоялось Государственное совещание Комуча и Временного Сибирского правительства, итогом которого стала организация Всероссийского Временного правительства (Директория). На Государственном совещании в статусе представителей Туркестанского Временного правительства присутствовали глава Временного правительства автономного Туркестана М. Чокаев, член Временного правительства автономного Туркестана А. Уразаев и член Временного

⁴⁷⁶ *Исхаков С. М.* Создание отдела по делам национальностей при Комитете членов Всероссийского Учредительного собрания и его деятельность // XX век и Россия: общество, реформы, революция [Электронный ресурс]. Вып. 5. Самара, 2017. С. 44. // URL: <http://sbornik.libsmr.ru/> (дата обращения: 01.03.2019).

⁴⁷⁷ *Нам И. В.* Уфимское совещание и национальные правительства // Историческая наука на рубеже веков: материалы Всероссийской конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. Томск, 1999. Т. II. С. 180.

народного совета Туркестана С. Муфтизаде⁴⁷⁸. Чокаев был избран членом комиссии по организации Всероссийской власти Государственного совещания и принимал активное участие в обсуждении вопроса о деятельности Всероссийского Временного правительства в области гражданского управления⁴⁷⁹. Кроме того, Чокаев был товарищем председателя съезда членов Всероссийского учредительного собрания и членом Бюро этого съезда⁴⁸⁰.

Однако, несмотря на все обещания, 4 ноября 1918 г. Директория издала указ об упразднении всех региональных правительств. Такое изменение политики произошло из-за усиления имперских амбиций, что для мусульман (и не только), по мнению С. М. Исхакова, означало реанимацию триады «самодержавие, православие, народность» и унижительного статуса инородцев и иноверцев⁴⁸¹.

В ноябре 1918 г. Директория была свергнута и Верховным правителем России стал адмирал А. В. Колчак. Чокаев был арестован и отправлен в Челябинск, откуда ему удалось бежать.

Теперь путь Чокаева лежал в Закавказье.

Как мы помним, Туркестанская автономия прекратила свое существование, а краевое Учредительное собрание так и не было создано. Однако идея его созыва продолжала жить. Покинувшие Коканд члены автономного правительства, прежде всего Мустафа Чокаев, не спешили с ней расставаться. Объявив себя главой правительства Туркестана в изгнании, в эмиграции Чокаевым был создан Временный народный совет, не имевший фактической власти, и Комитет по созыву Туркестанского учредительного собрания (8 ноября 1918 г.), председателем которого он стал.

Чокаев утверждал, что Временный народный совет имеет влияние на мусульман Туркестана и ведет сильнейшую агитацию против большевиков, особенно среди сельского населения. Его политическая платформа такова: «Туркестан является одним из штатов Российской Федеративной Республики и ни за одним из существующих на территории России правительств не признает права представительства самобытных культурно-национальных, политических и экономических интересов Туркестана. Должно быть создано

⁴⁷⁸ Русский исторический архив. Сборник первый. Прага, 1929. С. 64.

⁴⁷⁹ Там же. С. 140, 154, 167, 169 и др.

⁴⁸⁰ Там же. С. 267.

⁴⁸¹ *Исхаков С. М.* Создание отдела по делам национальностей... С. 50—51.

Туркестанское учредительное собрание, работа которого будет протекать в рамках федеральной конституции»⁴⁸².

Другим важным политическим деятелем, продвигавшим идею Туркестанского учредительного собрания был В. А. Чайкин.

Через Комитет по созыву Туркестанского учредительного собрания Временный народный совет, а вернее Чокаев и Чайкин, поддерживали дипломатические отношения с Парижем и Вашингтоном.

Необходимо отметить, что такая значимая фигура туркестанского политикума как, например, Бехбуди, считал, что представители Туркестана должны принять участие во всех мирных конференциях, которые состоятся после завершения Первой мировой войны. Это свидетельствует о том, что автономное правительство предполагало предпринимать некие самостоятельные действия на международной арене⁴⁸³.

В 1919 г. Комитетом по созыву Туркестанского учредительного собрания была направлена радиограмма Парижской мирной конференции и представителям западной прессы, в которой, в частности, говорилось, что Комитет по созыву Туркестанского учредительного собрания берет на себя обязанность, по воле народов Туркестана, заявить мировому сообществу, что Туркестану должна быть обеспечена возможность суверенного существования в пределах единой Российской Демократической Федеративной Республики. Комитет обращался с просьбой об обеспечении Парижской мирной конференцией территориального единства Туркестана и признания за краем права на свободное автономное существование «в братском содружестве с народами России»⁴⁸⁴.

Находясь уже в Европе, Чокаев объяснил, что представляла собой предполагаемая помощь мирового сообщества: «на территорию Туркестана вводятся соединенные воинские силы государств Антанты под... командой... представителя нейтральной державы. Силы эти остаются в Туркестане до тех пор, пока там не создается прочное автономное правительство, опирающееся на Туркестанское учредительное собрание и способное само поддержать должный правопорядок и охранять неприкосновенность своей территории»⁴⁸⁵.

⁴⁸² Южный край. 1919. 27 сентября.

⁴⁸³ *Adeeb Khalid*. Making Uzbekistan... P. 77–82.

⁴⁸⁴ Туркестанский коммунист. 1919. 25 марта.

⁴⁸⁵ *Чокаев М.* Национальное движение в Средней Азии... С. 678–679.

Чокаеву, как председателю Комитета по созыву Туркестанского учредительного собрания, предложили лично приехать в Европу для переговоров, но из-за проблем с паспортом приехать не удалось.

Председатель Временного народного совета автономного Туркестана С. Шериф-Ходжаев и секретарь М.-А. Мирза-Ахмедов 11 марта 1919 г. подписали документ о том, что на мирную конференцию в Париж в качестве представителей Туркестанской автономии направлены члены Временного народного совета автономного Туркестана С.-Н. Мирджалилов, в прошлом казначей правительства Кокандской автономии, и М. Бехбуди. Правда, Бехбуди, вскоре был убит, и С.-Н. Мирджалилову также не удалось выполнить это поручение⁴⁸⁶.

Есть сведения, что некоему эмиссару Временного народного совета автономного Туркестана все же удалось добраться в сентябре 1919 г. до Харькова. По свидетельству этого человека, Временный народный совет автономного Туркестана фактической власти не имел, но влияние его на мусульманское население было довольно велико, и он вел агитацию против большевиков, особенно среди сельского населения. По мнению С. М. Исхакова, этим дипломатом мог быть сам М. Чокаев, который, прибыв в Харьков, но так и не получил французскую визу и не смог приехать лично на переговоры в Париж⁴⁸⁷.

Суверенитет Туркестана мировым сообществом признан не был...

Колесовский поход

30 апреля 1918 г. большевистское правительство в Ташкенте все же провозгласило советскую автономию Туркестана в составе РСФСР.

З. Акбаева считает, что, отрицая «буржуазную автономию», большевики выступали против цивилизационно-демократических норм формирования национальной государственности, за обеспечение узкоклассового характера ее представительства. «Советская автономия», построенная в соответствии с классовыми принципами, изначально пренебрегала национальными интересами проживающего на ее территории народа и сводилась по своей сути к признанию

⁴⁸⁶ *Исхаков С. М.* Представители мусульманских народов Европейской России, Сибири, Кавказа, Крыма и Центральной Азии на Парижской мирной конференции... С. 393.

⁴⁸⁷ Там же. С. 394.

только территориальных показателей национальных районов⁴⁸⁸.

20 апреля 1918 г. в Ташкенте открылся V Краевой съезд Советов Туркестанского края. Среди его делегатов было 86 большевиков, 70 левых эсеров, 17 меньшевиков-интернационалистов и много беспартийных. Главным содержанием работы съезда стал вопрос об автономии Туркестана, но уже как части советского проекта. В утвержденном съездом «Положении» подчеркивалось, что Туркестанская республика, управляясь автономно, признает и координирует свои действия с Центральным советским правительством в Москве⁴⁸⁹. Кобозев, получив место председателя президиума съезда, настоял на включении в последний нескольких мусульман. Несмотря на сопротивление «старых коммунистов», он добился, чтобы 9 из 37 членов ТуркЦИК, и 4 из 16 членов Совнаркома являлись мусульманами⁴⁹⁰.

Однако эти решения и ликвидация Кокандской автономии не способствовали быстрому и полномасштабному утверждению советской власти в Туркестане. Блокада Оренбург-Ташкентской железной дороги войсками атамана Дутова отрезала край от европейской части России. В Закаспийской области власть захватили меньшевики, а в Семиречье антисоветское восстание подняли русские крестьяне и казаки.

После Октябрьской революции декретом советской власти независимость эмирата была подтверждена. Однако в марте 1918 г. туркестанскими большевиками и младобухарцами под командованием Ф. Колесова была предпринята неудачная попытка захвата власти в Бухарском эмирате, вошедшая в историю как Колесовский поход.

В отличие от «красных», «белые» воспоминания Александра Гзовского не заканчиваются ликвидацией Кокандской автономии. История революционных событий в Туркестане в книге «Полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания)» имеет продолжение, речь в котором идет о походе большевиков под командованием Колесова на Бухару. «Присвоив капиталы расстрелянного Мир-Камиля, — пишет Гзовский, — большевики имели теперь возможность двинуться на Бухару».

⁴⁸⁸ Акбаева З. Роль Мусульманского бюро РКП(б) в деле защиты интересов местного населения Туркестанского края // Karadeniz. 2015. № 27. С. 59.

⁴⁸⁹ Наша газета. 1918. 5 мая

⁴⁹⁰ Халид А. Туркестан в 1917—1922 гг.: борьба за власть на окраине России... С. 212.

В составе Российской империи Бухара имела статус протектората. После падения монархии в России эмир присягнул Временному правительству, которое обещало сохранить все подписанные ранее с царским правительством договора.

В марте 1917 г. в Бухаре появилась первая политическая партия — младобухарцев. Она вынудила эмира пойти на уступки и издать 7 апреля 1917 г. манифест о реформах. Манифест был составлен при самом активном участии представителя Временного правительства и политического агента в Бухаре А. Я. Миллера⁴⁹¹. Так же как и Хива, Бухара должна была перейти к конституционной монархии и создать парламент. Однако эмир, поначалу сочувствовавший реформаторам, не выдержал натиска со стороны ортодоксального духовенства. На младобухарцев начались гонения, и они, как и младохивинцы, искали спасения на территории Туркестана. Сам манифест был вскоре отменен.

Приход к власти большевиков в России позволил эмиру Сеид Алим-хану заявить о суверенитете и аннулировать договор 1873 г. о российском протекторате. В отличие от младотуркестанцев (младосартов), младобухарцы и младохивинцы рассчитывали с помощью большевиков, добиться своих политических целей. После установления советской власти в Ташкенте младобухарцы во главе с Файзуллою Ходжаевым в декабре 1917 г. встречались с Федором Колесовым и просили о помощи в деле свержения эмира и победы революции в Бухаре. Колесов согласился оказать поддержку, но посоветовал «не торопиться», поскольку позиции самих большевиков оставались пока слабыми⁴⁹².

В январе 1918 г. Ф. Ходжаев посетил штаб квартиру Всероссийского мусульманского совета в Петрограде. В Петроград Ходжаев приехал в поисках поддержки со стороны всероссийского мусульманского движения и советского правительства в свержении эмира.

В феврале 1918 г. Колесов побывал в Самарканде, Новой Бухаре, Чарджуе и Мерве, где на совещаниях большевистских групп, сообщил о решении Совнаркома поддержать младобухарцев в восстании и ускорить революционное движение в Бухаре. Это решение встретило полную поддержку. В этих городах были даже сформированы отряды для участия в военных действиях, порядка 600—800 бойцов⁴⁹³.

⁴⁹¹ Бухара в 1917 году. Документы // Красный архив. 1927. № 1. С. 78—122.

⁴⁹² Ходжаев Ф. Избранные труды. Ташкент, 1970. Т. 1. Ч. 1. С. 134—139; Колесов Ф., Бобунов А. В борьбе с эмирской Бухарой // Война в песках. Л., 1935. С. 235.

1 марта 1918 г. Колесов прибыл в Бухару с четырьмя отрядами с пушками и пулеметами. Войска были привезены в нескольких поездах. На следующий день Колесов приказал эмиру явиться к нему. Эмир не пришел. Тогда Колесов направил эмиру ультиматум, составленный младобухарцами, о роспуске правительства и передаче им власти. Документ был подписан председателем Совета народных комиссаров Туркестана Колесовым и председателем младобухарской партии Файзуллой Ходжаевым.

Эмир ответил отказом. Колесов двинул отряд на Бухару.

Допущенная во дворец эмира миссия с револьверами в руках угрожала эмиру и принудила его подписать манифест. Но когда миссия уходила, она была арестована чиновниками эмира и толпой, которая собралась. Позднее все члены миссии были убиты.

В отличие от территории Туркестанского генерал-губернаторства, Хива и Бухара не были затронуты комплексным процессом имперской модернизации (чаще называемой русификацией) в административной, экономической, социокультурной и политической сфере. Поэтому в 1918 г. в Бухаре отсутствовали те социально-политические процессы, которые могли бы привести общество к большевистской революции⁴⁹⁴. По словам выдающегося бухарского просветителя Садриддина Айни: «Молодежь (младобухарцы. — Т. К.) в те дни заблуждалась относительно бухарских крестьян и солдат. Она думала, что крестьяне и солдаты, которые находились в крайне тяжелом положении от угнетения и притеснения властей Бухары, при малейших наших действиях присоединятся к нам и помогут осуществить наши требования, которые были в их же интересах и им на пользу. Однако крестьяне и солдаты были настолько задавлены цепями гнета, что не имели сил и шевельнуться. К тому же изменники-муллы и продавшие шариат ишаны, развернув эффективную пропаганду среди крестьян и настраивая их против молодежи, подготовили их к любым действиям от имени шариата»⁴⁹⁵

По мнению В.П. Булдакова, мусульмане в любом случае понимали революцию «по-своему»: «то ли как послушные ученики новой “русской” власти, то ли как своего рода суфии в марксистском

⁴⁹³ Колесов Ф. И. Восстание в Бухаре в 1918 г. // Революция в Средней Азии. М. — Ташкент, 1931. С. 84.

⁴⁹⁴ Мухаммад Шакури Бухорои. Империалистическая революция в Бухаре. Душанбе, 2013. С. 38.

⁴⁹⁵ Цит. по: Там же.

рубище»⁴⁹⁶. Колесовский поход на Бухару закончился поражением и подписанием 23 марта 1918 г. мирного договора с Советской Россией. Эмир согласился восстановить железную дорогу, но большевики должны были уплатить все убытки, нанесенные эмирату русскими гражданами. Последние были все разоружены, а те, кто состоял в Красной Армии, изгнаны из эмирата⁴⁹⁷.

В эмирате начались гонения на младобухарцев. Крупный бухарский придворный сановник и историк Мирза Салимбек, не испытывавший к младобухарцам никаких симпатий, приводит жуткую картину расправы с ними в Бухаре: «...после окончания войны с большевиками и заключения мира, объявили войну джадидам, внутренним врагам. Джадидов хватали на улицах, в торговых рядах и в их собственных домах, приводили в высочайший Арк и без всякого допроса убивали. Устраивали погромы джадидов целые двадцать три дня; их дворы, земли, имущество и богатства забирали в пользу государства. ... Оживился базар гибели, закипел котел смертного часа. Было пролито чрезмерно много крови, забывались даже кровопролития Чингиз-хана»⁴⁹⁸.

Первая попытка Ташкента решить проблему Бухары вооруженным путем потерпела неудачу, поскольку силы, выделенные для кампании, и ее планирование были неадекватны сложившейся ситуации. Кроме того, на фоне военного вторжения широкие массы населения поддерживали эмира. Бухарцы обратились к эмиру со словами: «Мы не хотим хуррият (революции. — *Т. К.*), прикажи, и мы пойдем воевать»⁴⁹⁹.

В результате эмир, который до этого цеплялся за нейтралитет, отказываясь поддержать Коканд в борьбе против советской власти, сам стал непримиримым врагом большевиков⁵⁰⁰.

В Москве и в Ташкенте учли ошибки марта 1918 г.

В мае 1918 г. V Туркестанский съезд Советов осудил Колесова за кампанию против Бухары, возложив на него всю ответственность

⁴⁹⁶ Буддаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России... С. 666.

⁴⁹⁷ Вильям фон Клемм. Очерк революционных событий в русской Средней Азии... С. 15.

⁴⁹⁸ См.: Мирза Салимбек. Тарих-и Салими (Источник по истории Бухарского эмирата). Ташкент, 2009 // Восточная литература [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/1900-1920/Mirza_Salimbek_2/text2.phtml (дата обращения: 01.03.2019).

⁴⁹⁹ Цит. по: Абдуллаев К. От Синьцзяна до Хорасана... С. 126.

⁵⁰⁰ Эдвард Аллворт. Россия: прорыв на Восток... С. 195.

за неудачу⁵⁰¹. 2 сентября 1920 г. части Красной Армии под командованием М. В. Фрунзе заняли Бухару, эмир был свергнут с престола, и на территории Бухары была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика, просуществовавшая до 1924 г.⁵⁰²

Гзовский: история авантюриста

После ликвидации автономистов и Колесовского похода на Бухару Гзовский бежал из Туркестана. В феврале 1918 г. он появился в Москве и устроился на работу сразу в две газеты — «Раннее утро» и «Русские ведомости». Вскоре как корреспондент этих газет он выехал в Смоленск. После закрытия московских газет в Смоленске устроился железнодорожным рабочим. Но уже спустя месяц, в августе 1918 г., Гзовский стал заведовать юридическим подотделом социального обеспечения Западной области, в состав которой входили Витебская, Могилевская и Минская губернии, неоккупированная часть Виленской губернии, а также Смоленская губерния. Он по-прежнему ни на минуту не оставлял журналистики. Сотрудничал с газетой «Известия Западной Коммуны»⁵⁰³.

В январе 1919 г. вместе с правительством БССР Гзовский переехал в Минск, где стал техническим руководителем Дома печати.

В Минске, в большевистской газете «Звезда», куда также устроился на работу редактором, он поделился своими впечатлениями о событиях в революционном Туркестане конца 1917 — начала 1918 г. Большая статья, вышедшая в нескольких номерах газеты, называлась «Социальная революция в Туркестане» и была «большевистским» вариантом воспоминаний.

Гзовскому удивительно везло. При любых режимах ему удавалось издавать газеты, получая на это согласие властей. Он всегда издавался под псевдонимами. В «Звезде» подписывался просто — «А. Б.», в «Минском курьере» — «Б. Ольгинский». В польской публицистике был известен как «J. G.» и «Jun G.». Он с легкостью мог ругать то контрреволюционеров, то большевиков. Вот,

⁵⁰¹ Зевелов А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959. С. 76.

⁵⁰² См. подробнее: Кузьмин С. Л. Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии... С. 188—245.

⁵⁰³ Скалабан В. В. Повесть Александра Гзовского «В государстве красных людоедов» как исторический источник для изучения политических репрессий в Смоленске в 1918 году... С. 81.

и оказавшись в Минске, он направил 1 января 1919 г. секретарю ЦБКП(б) Б письмо с просьбой утвердить штаты его нового журнала «Заря Запада»⁵⁰⁴. И получил согласие!

Летом 1919 г. Минск был занят польскими войсками. Гзовский реагирует моментально и после работы в советских изданиях приступает к изданию антисоветской газеты «Минский курьер». «Минский курьер» был создан по-мародерски, на захваченной полиграфическо-издательской базе большевистской «Звезды»⁵⁰⁵.

В 1920 г. Гзовский оказался в Варшаве. Возможно, что именно туда, а не в Минск, стремился он, покидая в 1918 г. Туркестан. В Варшаве Гзовский работал в газете «Свобода» и телеграфном агентстве «Руссопресс».

В 1922 г. в Варшаве свет увидят другие, «антибольшевистские», воспоминания Гзовского о революции в Туркестане на польском языке — «Полумесяц и красная звезда».

Возьмем на себя смелость предположить, что Гзовский недолго мучился и рассуждал об этической стороне своей работы в большевистских газетах в Москве, Смоленске и Минске. Таким приемом с изменением своей политической окраски Гзовский пользовался часто. Так, в книге «Полумесяц и красная звезда» он описывает очень схожую ситуацию. Власть в Ташкенте уже была в руках большевиков, но они разрешили издание либеральной газеты «Туркестанский вестник». Гзовский пошел на хитрость. Вместо того чтобы подписываться своей фамилией, он использовал фамилию наборщика — татарина. Расчет был простым — это рабочий, его не тронут. И действительно, в течение долгого времени Гзовский, как он сам признается, «с запалом обругивал большевиков» в своих статьях.

Необходимо отметить, что Гзовский был очевидцем прихода к власти большевиков и утверждения советской власти не только в Туркестане, но и в Смоленске в 1918 г., и в Минске в 1919 г. Об этом повесть «В государстве красных людоедов», изданная в Варшаве в 1921 г.⁵⁰⁶

⁵⁰⁴ Временное рабоче-крестьянское советское правительство Беларуси. Документы и материалы / сост. В. Д. Семенов и др. Минск, 2005. С. 123.

⁵⁰⁵ Демисезон-1919. Белогвардейская проза на страницах газеты «Минский курьер» // Белорусский интернет-портал TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/society/415051.html> (дата обращения: 01.03.2019).

⁵⁰⁶ *Jumosza-Gzowski A.* W państwie czerwonych ludzercow: powiesc z zycia bolszewickiej Rosji. Warszawa, 1921.

В Польше на фоне смены политической ориентации мы видим и некоторое изменение фамилии автора с Гзовский на Юноша-Гзовский. И именно как Юноша-Гзовский он фигурирует в воспоминаниях Чокаева.

Еще одно разительное отличие польского варианта воспоминаний — экскурс в этнографию и историю Туркестанского края. Это было сделано для того, чтобы помочь непосвященному польскому читателю погрузиться в реалии экзотического Востока и лучше понять остроту и накал политической борьбы, развернувшейся вокруг Туркестанской автономии, или, как Гзовский называет ее по-узбекски, *мухторията*. Примечательно, что автор не раскрывает имен некоторых участников событий, шифруя их под «господин N» или «врач К-к». Возможно, на момент публикации книги эти люди остались в Советской России, и Гзовский опасался за их будущее.

В «белом» варианте воспоминаний Гзовский предстает как отважный герой, борец с большевиками, способный на все ради свободы. Некоторые диалоги выглядят патетично и театрально, поэтому невольно вспоминается, что Гзовский до революции в России пробовал себя в написании театральных пьес.

Зинаида Гиппиус, познакомившись с Гзовским в Минске в 1920 г., так вспоминала эту встречу: «Среди кучи всяких людей, стремящихся в нашу гостиницу, не из последних был и Гзовский, редактор местной русской газеты, «Минского курьера». Это московский поляк, мелкий когда-то репортер, помыкавший по свету. При большевиках был в большевицкой газете, возможно, шпионил полякам (мог бы, при случае, и обратно). Громадного роста, с зычным голосом, самый характерный Хам, какого я только видела на своем веку. Притом захолустно-провинциальный (уж был ли он в Москве?). Он тотчас понял, какие выгоды обещает ему наш приезд. Решил «использовать» его, принялся ухаживать за нами, стал печатать всякие «интервью» и собственные статьи о Дм[итрии] С[ергеевиче] («Ублюдок и Титан») ⁵⁰⁷. Мы это отлично видели и смеялись над его грубыми ухаживаньями, которые были бесполезны: и без них мы, одичавшие, оголодавшие без «слова», заряженные Совденией, пошли бы на буро-желтые страницы его убогого «Курьера». Он был яро антибольшевицкий — чего же еще нужно?» ⁵⁰⁸.

⁵⁰⁷ Речь идет о статье А. Гзовского о Ленине и Мережковском.

⁵⁰⁸ Гиппиус З. Дневники. М., 2017. С 89.

В 1921 г., уже в Варшаве, Гиппиус и Мережковский вновь встретились с Гзовским. Вернее, Мережковский «вызвал из Минска этого хама», как писала Гиппиус⁵⁰⁹. Так, по инициативе Д. Мережковского А. Гзовский оказался в Варшаве. Для чего?

Дело в том, что во время Советско-польской войны 1920 г. в Варшаву по приглашению Юзефа Пилсудского приехал Борис Савинков, известный русский революционер, руководитель Боевой организации партии эсеров. В Польше Савинков создал под своим председательством так называемый «Эвакуационный комитет», затем переименованный в «Русский политический комитет». З. Гиппиус и Д. Мережковский также входили в эту организацию. Вместе с Мережковскими Савинков начал издавать в Варшаве газету «За свободу!». Для организации газеты и понадобился пробивной талант Гзовского.

Работа закипела, как это, впрочем, всегда бывало у Гзовского. Гиппиус вспоминала: «...Чуть началась газета — мне в этой «Свободе» свободы не дали. Гзовский сразу начал хамить, и пошла чепуха, неизвестно, кто был хозяином, со всем нужно было обращаться к Савинкову, и ничего не понять. Являлся Дима (Мережковский. — Т. К.) — и опять не разберешь, какая «коллегия» распоряжается в газете. Гзовский ни с кем, кроме Савинкова, разговаривать не желал, от меня только требовал материала! материала! а иначе грозил свою дрянь вставлять»⁵¹⁰.

В Польше журналистика у Гзовского, видимо, была занятием больше для души, нежели для зарабатывания денег. Это подтверждает тот факт, что он работал в Щекоцинах в городском суде в качестве адвоката. До 1939 г. издал несколько повестей, он был достаточно известен в литературных кругах Польши. После Второй мировой войны продолжил свою адвокатскую деятельность, а также создал в Щекоцинах театральный кружок, которым сам руководил и был режиссером⁵¹¹.

Уместный вопрос, который может возникнуть у читателя произведений Гзовского, — а насколько написанное им о революции в Туркестане мы вправе использовать как исторический источник?

⁵⁰⁹ Там же. С. 124.

⁵¹⁰ Там же. С. 125.

⁵¹¹ Kresy ilustrowane. Номер Косовский. Год II. № 12. от 15 ноября 1925 г. // Истоки — ружанская библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://sources.ruzhany.info/074_2.html (дата обращения: 01.03.2019).

Действительно, за последние несколько десятилетий было издано многое из мемуарного наследия русской эмиграции и западных дипломатических и разведывательных миссий⁵¹². Это сделало историю русской революции, в том числе на окраинах, многомерной. Что касается мемуаристики эмигрантских кругов русского зарубежья, то, конечно, самыми важными по истории революции в Туркестане являются работы Мустафы Чокаева⁵¹³, хотя, по понятным причинам, именно они нуждаются в серьезном критическом анализе.

И если можно предположить, что Чокаев мог быть пристрастен, то в воспоминаниях капитана Ф. Гнесина и начальника 3-го политического отдела МИД Российской империи В. О. фон Клемма и многих других, кого накрыла революционная лавина, лишив привычного уклада жизни, персонажи и подробности трагических событий сентября — октября 1917 г. в Ташкенте совпадают с Гзовским до деталей⁵¹⁴.

Очень интересен и перекликающийся с текстами Гзовского доклад капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела Штаба адмирала А. В. Колчака о гражданской войне в Туркестане. Безобразову удалось бежать из красного Туркестана в Сибирь через Индию⁵¹⁵.

И, наконец, картину революции в Туркестане прекрасно дополняют воспоминания Б. Н. Литвинова о малоизвестных страницах истории Гражданской войны на юге России и в Закаспии в 1919 — 1920 гг.⁵¹⁶

⁵¹² *Тоган З. В.* Воспоминания. Борьба народов Туркестана...; *Мария Чокай*. Я пишу Вам из Нождана...; *Назаров П.* Бегство из Центральной Азии. Бишкек, 2015; *Князь Искандер*. Небесный поход. Бишкек, 2016; *Литвинов Б. Н.* Воспоминания: в 2 ч. Ч. 2: Гражданская война на Кавказе и в Закаспии. 1918 — 1920 гг. М., 2017; и др.

⁵¹³ *Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. ...; Сопrotивление большевизму 1917 — 1918 гг. М., 2001; *Чокаев Мустафа*. Революция в Туркестане... С. 3 — 19; *Чокаев М.* Национальное движение в Средней Азии... С. 656 — 693;

⁵¹⁴ *Гнесин Ф.* Туркестан в дни революции и большевизма (краткое описание хода событий в Ташкенте, март — декабрь 1917 г.) // Сопrotивление большевизму 1917 — 1918 гг. М., 2001. С. 537 — 548; *Вильям фон Клемм*. Очерк революционных событий в русской Средней Азии... С. 3 — 23.

⁵¹⁵ «В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет»... С. 104.

⁵¹⁶ *Литвинов Б. Н.* Воспоминания: в 2 ч. Ч. 2: Гражданская война на Кавказе и в Закаспии...

Существует очень интересная версия, как Гзовский попал в Туркестан и чем он там на самом деле занимался, изложенная в эмигрантской газете «Дни» автором, скрытым под псевдонимом «М. Б-ч.»⁵¹⁷.

Итак, после краха династии Романовых Гзовский был якобы связан с конспиративными монархическими кругами и даже возглавлял одну из таких организаций в Иркутске. В начале 1917 г. Гзовский служил там в штабе округа, занимал довольно высокий пост и дважды был в секретной командировке в Японии. С целью восстановления монархии в России было решено отправить в Японию секретную делегацию, чтобы просить ввести японские войска в пределы Сибири. Подпоручик Гзовский был членом этой делегации. Об этой поездке узнали в Петрограде. Участники были арестованы или вынуждены были скрываться.

Что касается Гзовского, то через некоторое время он обнаружил себя в Ташкенте, где был назначен старшим адъютантом в стрелковой бригаде, одновременно став главным редактором газеты «Туркестанский курьер». Либерал в национальных вопросах, Гзовский оказался убежденным монархистом и поддерживал секретные сношения с генералом Л. Г. Корниловым. За поддержку Корниловского мятежа Турккомитет Временного правительства закрыл газету «Туркестанский курьер» на три дня. Пообещав местным мусульманам всевозможные блага, Гзовский склонил на свою сторону одного местного миллионера (уж не Мир-Камиля ли Мир-Мумынбаева?) и при его финансовой поддержке готовил в Туркестане контрреволюционный переворот.

Вместе с Гзовским действовали начальник стрелковой бригады генерал В. Д. Мухин и бывший наказной атаман Семириченского казачьего войска генерал А. И. Кияшко.

В Ташкенте жил опальный великий князь Николай Константинович. После революции он хотя и «признал новый строй», но после корниловского выступления стал часто бывать в редакции «Туркестанского курьера» и приглашал Гзовского с семьей к себе во дворец и на дачу. Загадочный «М. Б-ч.» утверждает, что Гзовский и великий князь планировали освобождение царской семьи. Николай Константинович располагал довольно большими средствами, а Гзовский разработал план и нашел преданных людей. Решено было произвести похищение царской семьи в Тобольске и отправить ее в киргизские степи, а оттуда в Туркестан или в

⁵¹⁷ М. Б-ч. Попытка освобождения // Дни. Берлин, 1924. № 413. 16 марта.

Кашгар. Было выработано несколько маршрутов. Однако Великий князь настаивал, чтобы семью перевезли или в Японию, или в пределы Монголии.

В конце сентября и начале октября 1917 г. из Ташкента в Тобольск выехали две группы заговорщиков. В двадцатых числах октября Гзовский, получив секретное сообщение, что связь с семьей последнего русского императора установлена. Он собирался сам выехать в Тобольск, чтобы лично на месте руководить похищением, но 27 октября в Ташкенте начался большевистский переворот. Гзовский принял участие в боях с большевиками, и последующие события спутали все его планы. К тому же бои большевиков с дутовцами под Оренбургом преграждали путь к Самаре и Челябинску. Вскоре группы, отправленные в Тобольск, распались или погибли⁵¹⁸.

Как относиться к рассказу загадочного «М. Б.-ч.»? С одной стороны, статья вышла с редакционной пометкой: «Помещая этот очерк, как весьма интересный материал к истории недавнего нашего прошлого, мы ответственность сообщаемых фактов оставляем на авторе». С другой — персонажи и историческая обстановка переданы автором точно, что подтверждают другие мемуаристы-очевидцы и прежде всего сам Гзовский.

Более того, наберемся смелости и выскажем предположение, что загадочный «М. Б.-ч.» и Александр Гзовский это один и тот же человек.

Жить в независимой и единой Польше, стать Юношей-Гзовским при этом оказаться русским монархистом, видимо, даже для такого авантюриста как Гзовский, было сродни когнитивному диссонансу. Именно поэтому, возможно, столь важная сюжетная линия о попытке организации освобождения царской семьи и перевозе ее из Тобольска в Туркестан осталась за скобками как в одном, так и в другом варианте его воспоминаний о революции в Туркестане. И рассказать об этом он мог только за пределами, как Советской России, так и Польши, то есть в Германии.

Биография Гзовского еще полна загадок и неясностей. Одной из них является точная дата его смерти. Белорусские источники приводят 1938 г.⁵¹⁹, но есть версия, что он умер уже после Второй мировой войны в 1963 г.⁵²⁰

⁵¹⁸ М. Б.-ч. Попытка освобождения...

⁵¹⁹ Демисезон-1919. Белогвардейская проза....

⁵²⁰ Kresy ilustrowane. Номер Косовский...

В настоящем издании мы предлагаем читателям оба варианта воспоминаний Александра Гзовского. Перевод текста с польского языка осуществлен с максимальным сохранением авторской стилистики. Имена собственные приводятся согласно авторскому тексту. Публикация осуществляется с учетом современных требований орфографии и пунктуации.

Биография Александра Гзовского это не просто история одного авантюриста и беспринципного человека, в понимании которого цель всегда оправдывала средства, а реальный пример того, как хитросплетения свойств человеческой природы, нередко заставляют нас, историков, сомневаться в ответе, на простой вопрос — кто из исторических персонажей ценностные борцы за свободу и независимость своего народа, а кто приспособленцы, желающие любыми способами добиться власти и удовлетворить свои амбиции.

А главное, всегда ли герои достойны своих пьедесталов...

Т. Котюкова

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ТУРКЕСТАНЕ (ВОСПОМИНАНИЯ)

I

Вот уже почти десять месяцев как наша далекая среднеазиатская окраина — Туркестан — является отрезанной от Советской России. Дутовские⁵²¹ банды, с одной стороны, английские узурпаторы — с другой, и чехо-белогвардейские отряды — с третьей, заперли Туркестанскую Советскую Республику, и мы почти не имеем сведений о ее политической и экономической жизни.

Но это отсутствие информации наблюдалось и раньше, ибо Дутов почти все время держал Туркестан отрезанным от нас со стороны Самары, и Советской России приходилось сноситься с Центром Туркестана, — Ташкентом — через Астрахань и Красноводск. Результатом всех этих условий явилось то, что мы — жители Советской России — до сих пор не имеем почти никаких сведений о ходе социальной революции в Туркестане.

Так, ни история социального переворота в Ташкенте, ни работа, так называемого «Временного правительства автономного Туркестана», ни ужасные кокандские события до сих пор не освещены в должной мере в советской прессе, а между тем они представляют собой весьма большой интерес не только для нас, современников, но и для будущего историка Великой Российской Революции.

В истории социальной Революции в Туркестане столько характерного и самобытного, столько трагически прекрасного, что над изучением всего этого стоит подробно остановиться. Автору этих строк пришлось пережить октябрьские дни в Ташкенте, февральские — 1918 г. — в Коканде, пришлось соприкасаться со многими сторонами политической жизни края, и обо всем этом он собирается поведать ниже.

II

Как и в России, политический октябрь в Туркестане наступил не сразу. Ему предшествовал «июль», разыгравшийся в Ташкенте в сентябре месяце.

Этот «июль» не был кровопролитным, на улицах Ташкента не раздалось ни одного выстрела; но все же стихийно поднявшиеся

⁵²¹ *Дутов Александр Ильич* (1879—1921) — атаман Оренбургского казачьего войска, полковник (1917), генерал-лейтенант (1919).

солдатские и — отчасти — рабочие массы свергли представителей Временного правительства — Керенского и — временно — взяли власть в свои руки.

Сентябрьские события в Ташкенте произошли в следующем порядке. 12 сентября рабочие железнодорожных мастерских и солдаты (большая часть) гарнизона устроили вечером митинг, на котором выступали представители партии большевиков.

Последние имели громадный успех.

Истомленные голодом и продолжительной войной, недовольные соглашательской политикой кабинета Керенского и действиями такого же соглашательского Ташкентского Совдепа, пролетарские массы жадно выслушивали и впитывали в себя проповедь социального переворота.

После митинга, который закончился часов в 10 вечера, невооруженная толпа рабочих и солдат численностью приблизительно 3½ тысячи, двинулись к Дому Свободы, в коем заседал тогда меньшевистский и правоэсеровский Ташкентский Совдеп.

Подойдя к зданию, толпа начала требовать выхода представителей Совдепа и, когда таковые вышли, потребовала от них смещения командующего войсками — генерал-майора Черкеса⁵²² и изменения всей тактики советской деятельности.

Президиум исполкома, в который тогда входили главным образом офицеры-соглашатели, потребовал от толпы присылки в Совет депутации для переговоров, а сами сообщили по телефону командующему войсками генералу Черкесу о собравшейся толпе, предупредив его, что толпа возбуждена и что «могут разыгаться нежелательные события».

Получив такое извещение, генерал Черкес вместе со своей свитой отправился в Дом Свободы, предварительно отдав распоряжение школе прапорщиков и военному училищу прибыть в полном вооружении к Дому Свободы и занять прилегающие улицы и переулки.

Генерал Черкес прибыл в Совдеп и начал совещаться с членами Исполкома о «ликвидации неприятной истории», заявив, что для таковой вскоре придут юнкера с гранатами и пулеметами.

⁵²² *Черкес Леонтий Николаевич* (1865—1945) — Ташкентский уездный воинский начальник, полковник, произведен с назначением командующим войсками Туркестанского военного округа и войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска; после Октябрьской революции служил в белой армии (Юг), генерал-майор (1917). В эмиграции — в Чехословакии. Умер 14 марта 1945 г. в Праге.

Члены Исполкома и Совдепа (меньшевики и правые эсеры), выслушав Черкеса, одобрили его план действий и начали переговоры с явившейся депутацией от толпы рабочих и солдат.

Вскоре зал Дома Свободы, веранда и сад наполнились народной массой, к которой вышел генерал Черкес, уже получивший извещение, что школа прапорщиков⁵²³ в полном составе и боевом вооружении «заняла позицию» (Военное училище⁵²⁴ по каким-то причинам не прибыло).

Черкес обратился с речью к рабочим и солдатам, уговаривал их «успокоиться», «не нарушать порядка», не разгонять Совдеп и не выступать против законной власти.

— Помните, граждане, — говорил командующий войсками, — что мы живем среди враждебного нам инородческого населения! Если между нами не будет согласия, если мы начнем между собой ссориться, то сарты и киргизы восстанут против нас и сотрут нас с лица земли. Не забывайте, что нас, русских, в Туркестане мало, а их (инородцев) — более десяти миллионов.

Толпа не испугалась этих «жупелов», ибо она прекрасно уже понимала, что «инородцы» в массе ей не страшны, ибо и сартовский (и киргизский) пролетариат пойдет с ними рука об руку, а что касается «среднеазиатской» буржуазии, то с нею придется бороться так же, как и с «отечественной» буржуазией.

В ответ на кисло-сладкие генеральские речи о «порядке, дисциплине и спокойствии» послышались крики: «Вон! Долой его!» — а когда масса узнала, что против нее — безоружной — приведены юнкера с винтовками, пулеметами и гранатами, толпа начала наступать на Черкеса и его свиту, требуя удаления его и юнкеров.

Черкес выхватил пашку и стал прорубать себе дорогу.

Из толпы полетели в него стулья, табуретки, лампы и старые пустые бутылки.

⁵²³ Ташкентская школа прапорщиков — была образована 2 ноября 1915 г. Школа готовила офицеров пехоты — прапорщиков для пополнения офицерского состава частей Туркестанского военного округа и частей, ведущих военные действия на фронтах Первой мировой войны.

⁵²⁴ Ташкентское военное училище — открылось в конце 1914 г. Первоначально его штат насчитывал 176 юнкеров, позднее был расширен до 220. С 28 октября по 1 ноября 1917 г. юнкера Ташкентского военного училища вместе с кадетами Ташкентского кадетского корпуса вели тяжелые бои с большевиками в городе. Училище было расформировано согласно постановлению от 6 ноября 1917 г.

Раненый в голову одним из этих предметов, Черкес скрылся через окно, а за ним последовала его свита и все соглашательские элементы Совдепа.

В Совете остались большевики, которые вместе с прибывшей толпой начали обсуждать создавшееся положение.

Решено было немедленно потребовать из полков несколько вооруженных рот и конно-пулеметную команду.

Юнкера, узнав об этом решении, немедленно повернули и отправились «по домам», то есть в школу прапорщиков.

Не прошло и часа, как к зданию Совдепа подошли вооруженные солдаты и были привезены пулеметы.

Сражаться вследствие бегства юнкеров было не с кем, и потому солдаты и рабочие (их уже было тысяч шесть) решили подчиняться действиям и распоряжениям только большевистского Совета (то есть отбросить соглашательский элемент), передать ему всю власть в городе и крае и назначить на пост командующего войсками вместо генерала Черкеса максималиста поручика Перфильева⁵²⁵, который до того времени был председателем 1-го Сибирского стрелкового запасного полка.

По предложению поручика Перфильева было решено немедленно отправиться к школе прапорщиков и разоружить ее.

Предложение это было принято; солдаты оцепили здание школы и беспрепятственно вошли в нее, так как уставшие от «боевых подвигов» юнкера все мирно почивали вплоть до дневальных и дежурных по ротам.

На другой день вся власть в городе перешла к Совету.

Новый командующий войсками поручик Перфильев занял штаб округа и некоторые правительственные здания, в том числе — почту и телеграф.

Служащие последней, соглашательски и белогвардейски настроенные, успели передать в Москву и Питер о том, что в «городе

⁵²⁵ *Перфильев Евгений Леонидович* (1890—1938) — эсер-максималист, участник Первой мировой войны. После Февральской революции 1917 г. избран председателем полкового комитета. В конце 1917 г. исполнял обязанности командующего войсками Туркестанского военного округа. Последний чин в старой армии — поручик. После Октябрьской революции 1917 г. назначен военным комиссаром Туркестанской Советской Республики. Член ВКП(б) с 1918 г. Участник Гражданской войны. После Гражданской войны — на ответственных должностях в органах военной юстиции. В 1937 г. по политическому недоверию уволен в запас. В 1938 г. расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

полная анархия, власть захвачена шайкой бандитов во главе с неким поручиком Перфильевым», и Керенский, как выяснилось позже, в этот же день вечером начал обдумывать план, «как бы спасти Туркестан от анархии», и стал уговаривать какие-то казачьи части ехать в Ташкент «спасать хлопок и все ценности Туркестана, коим угрожает восстание сартов и киргизов, вследствие царящей в крае анархии».

Соглашательские элементы тоже не дремали и в первую же ночь бросились в Фергану и в Самаркандскую область искать спасения от «узурпаторов и бандитов».

Представители Временного правительства в Туркестане — гг. Наливкин и Шендриков^{526, 527}, неарестованные и незадержанные, ездили в Совдеп и уговаривали его успокоиться, одновременно, впрочем, эти же Наливкин и Шендриков посылали курьеров в Питер — к Керенскому и в Самарканд — к начальнику казачьей дивизии с просьбой «оказать содействие».

Большевистский Совет, находящийся уже под охраной почти всего Ташкентского гарнизона, ни на какие уступки не шел, продолжал работать, сообщил курьерами и по телеграфу всем Советам и полковым комитетам о том, что власть гражданская и военная во

⁵²⁶ Первый — бывший вице-губернатор и член 2-й Государственной думы. Стяжал себе некогда известность тем, что в Думе во время заседания, после речи премьер-министра, перешел с правой стороны на левую и сел с эсдеками и меньшевиками. Известен в литературе о Туркестане. Второй — известный меньшевик, в свое время был руководителем Бакинского рабочего движения. Друг Керенского. — *прим. авт.*

⁵²⁷ *Наливкин Владимир Петрович* — выдающийся этнограф и краевед, на тот момент возглавлял Ташкентский Исполнительный комитет Временного правительства. Он принимал участие в Хивинском и Кокандском походах Русской армии (1873—1875 гг.), был экс-вице-губернатором Ферганской области, депутатом II Государственной думы от европейского населения Ташкента. В Думе Наливкин примкнул к социал-демократической фракции. В Петрограде внимательно отнеслись к совету Н. Н. Щепкина, и Наливкин как видное для Туркестана «социалистическое лицо» возглавил Турккомитет.

Шендриков Илья Никифорович (1878—1957) — из семиреченских казаков, меньшевик. В 1904 г. Илья Шендриков совместно с братьями, Львом и Глебом, основали в Баку «Организацию балаханских и бибиэйбатских рабочих» (с мая 1905 называлась «Союз бакинских рабочих»). Им основано направление в рабочем движении, получившее название «шендриковщина». В 1917 г. был назначен членом Туркестанского комитета Временного правительства. Выступал против большевиков. В 1920 г. эмигрировал в Шанхай. Позднее эмигрировал в Сан-Франциско, где и скончался.

всем крае перешла к Ташкентскому Совдепу и к командующему войсками поручику Перфильеву.

В течение недели были уже получены телеграммы из многих мест края, что гарнизоны и Советы многих городов признают новую власть и подчиняются ей.

Между прочим Кушкинский гарнизон, которому впоследствии суждено было сыграть весьма важную роль в истории переворота в Туркестане, первым признал новую власть.

Но в эту неделю не дремали и Керенский с Наливкиным, Шендриковым, юнкерами и компанией.

Керенскому удалось уговорить какие-то кавалерийские части ехать в Ташкент спасать хлопок, и он сообщил Наливкину и Шендрикову, что им на экстренных поездах командирится кавалерийская экспедиция во главе с «генеральным комиссаром Туркестана» — генерал-майором П. А. Коровиченко⁵²⁸.

Этот Коровиченко во времена Керенского был «знаменитостью»: разбирал и комплектовал личную переписку и архив Николая II, отвез царя из Петербурга в Тобольск, умирал рабочих в Казани и так далее. Впрочем, он был не боевой генерал, а служил раньше по военно-судному ведомству, «боевым» он попытался сделать в Туркестане и сломал себе на этом шею. Получив такие «радостные» сообщения из центра, ташкентские соглашатели и белогвардейцы «ожили» и решили «действовать».

Первыми «на политическую арену» выступили юнкера.

Как я уже сказал выше, юнкера школы прапорщиков были обезоружены войсками поручика Перфильева, что же касается юнкеров Ташкентского военного училища, то таковых эта мера не коснулась, ибо солдаты и поручик Перфильев ошибочно полагали, что юнкера не прибыли к Дому Свободы вследствие своей лояльности.

На самом же деле это было не так.

И те и другие были настроены явно враждебно к «авантюре поручика Перфильева», а потому, как только было получено сообщение, что на Ташкент движется «карательная» экспедиция во главе с генералом Коровиченко, все белогвардейцы зашевелились.

В ночь (если не ошибаюсь) на 25 сентября юнкера школы прапорщиков ворвались в крепость (таковая находилась рядом со школой), обезоружили 8 сонных часовых, сломали замки арсенала и через полчаса вооружились «до зубов».

⁵²⁸ Коровиченко Павел Александрович (1874—1917) — присяжный поверенный, военный юрист, социалист, соратник А. Ф. Керенского.

Не хватило лишь пулеметов, но в этом отношении юнкера военного училища пришли на помощь своим коллегам и прислали в школу из своего арсенала несколько пулеметов и бомбомет.

В эту же школу поспешили многие офицеры гарнизона, и, таким образом, в ней сгруппировалось то контрреволюционное гнездо, которое в скором времени сыграло свою отрицательную роль.

Солдаты первого и второго Сибирского стрелкового запасных полков узнали о том, что юнкера вооружились и готовятся, по-видимому, к каким-то контрреволюционным действиям, тоже привели себя в боевую готовность и, таким образом, ясно определились два враждующие между собой лагеря. Причем ни один из них не хотел брать на себя инициативу по началу действий, и потому в городе царило весьма напряженное состояние.

В Совете рабочих и солдатских депутатов шли почти непрерывные заседания.

Здесь следует отметить, что Наливкин и Шендриков играли все время двойственную роль.

Как «поборники демократизма» они ездили в Совет и вели с ним переговоры. Наливкин то подписывал, то рвал «мирный договор» с Советом, коим предусматривалось отозвать с дороги идущую в Туркестан карательную экспедицию Коровиченко.

Тот же Наливкин по прямому проводу и депешами сносился с Самарой и Оренбургом, через которые следовал Коровиченко (почта и телеграф уже были в руках правительства).

Шендриков, аккуратно посещая Совет, также посещал и штаб контрреволюции — школу прапорщиков.

Военные власти, зная о скором прибытии войск Коровиченко, не особенно поддавались «либеральным увещаниям» Наливкиных и Шендриковых.

Начальник школы прапорщиков Савицкий^{529, 530} свои школы превратил в военный лагерь, а начальник штаба округа приказал перевести из казарм в крепость сформированный ударный батальон.

«Ударники» не были настроены особенно контрреволюционно и не позволяли крепостному гарнизону обстреливать юнкеров в случае нападения солдат на школу или училище.

⁵²⁹ Во время разоружения школы прапорщиков он был арестован солдатами и посажен на гауптвахту. Освободили его при захвате крепости и «восстановили в правах». — *прим. авт.*

⁵³⁰ *Савицкий Сергей Владимирович* — начальник Ташкентской школы прапорщиков, подполковник, до этого назначения был офицером-воспитателем Ташкентского кадетского корпуса.

Вообще, «ударники» дали понять военному начальству, что они готовы идти на фронт биться с немцами, но в гражданской войне хотели бы поддерживать нейтралитет.

Силы контрреволюции в Ташкенте в этот момент, как телеграфировал Наливкин Коровиченко, состояли из 1300 штыков и сабель, а именно из юнкеров, офицеров гарнизона на 60 кубанских казаков, несших охранную службу при командующем войсками.

Почти накануне приезда Коровиченко в Ташкенте «законные власти» получили известие из Самарканда, что начальник казачьей дивизии высылает в Ташкент 2 «надежные» казачьи сотни (дивизия эта была расквартирована по всем южным городам Туркестана, и численность ее была весьма ничтожна. Более двух сотен Самарканд дать не мог).

Обрадованные этой информацией, военные власти решили действовать поэнергичнее. Прежде всего решено было закрыть местный большевистский орган «Наша газета».

С этой целью два офицера штаба и человек восемь юнкеров ночью ворвались в помещение типографии, где печаталась «Наша газета», и, угрожая револьверами и гранатами, приостановили машины, рассыпали набор, обезоружили небольшой солдатский караул и запечатали типографию.

Таким образом, «Наша газета» временно приостановилась, для того чтобы выйти затем в свет после Октябрьского переворота.

За несколько часов до прибытия в Ташкент генерала Коровиченко, прибыли из Самарканда казачьи сотни. Выгрузившись из вагонов, командир одной сотни решил «действовать» незамедлительно.

— Братцы, тут Совет хулиганит... Разгоним Совет! — предложил он своим «молодцам».

— Разгоним... — согласились «молодцы» (оренбургские казаки).

Командир приказал казакам сесть на лошадей и — ничтоже сумняшеся — поскакал к Дому Свободы.

В нем находились некоторые депутаты и десятка два солдат с небольшим караулом.

Казаки оцепили дом, ворвались в него, разоружили караул, нагайками разогнали депутатов и посетителей, переломали все знамена, посрывали все украшения, заперли дом и ускакали в крепость.

Там сотенный командир доложил начальству, что Совет разогнан и весь бунт ликвидирован.

Вечером того же дня в Ташкент прибыл «Генеральный комиссар Туркестана» генерал-майор Коровиченко со своей карательной экспедицией.

На другой же день в Ташкенте забастовали все рабочие в знак протеста против прибытия «карателей» и закрытия «Нашей газеты».

III

Генерал Коровиченко вступил в Ташкент во главе двух кавалерийских полков — одного казачьего (оренбургцы) и второго драгунского, при двух броневых автомобилях.

Как выяснилось, Шендриков ожидал прибытия еще броневого поезда, но Коровиченко по сему поводу сообщил, что этот поезд не прибудет «так как он нужен в другом месте»...

«Генерального комиссара» в мундире с лампасами малинового цвета встретили на вокзале «законные власти» с караулом и музыкой.

Штабные офицеры округа прежде доложили Коровиченко, что необходимо «изолировать» солдат экспедиции от ташкентских солдат то есть расквартировать их отдельно, но на это Коровиченко «уверенно» ответил:

— Взор... Мои молодцы видали виды... Они не раз были искушаемы, но все напрасно. Никакая преступная агитация их не заразит.

Вследствие этого «виды выдавшие» солдаты карательной экспедиции были расквартированы в казармах, расположенных рядом с казармами «мятежных солдат», и только две казачьи сотни с броневыми автомобилями были отправлены в крепость (в казармах не хватило мест).

Прибыв в штаб, Коровиченко распорядился на другой же день устроить парад войскам всего гарнизона. Местные военные власти изумились.

— Какой же может быть парад, если 2/3 гарнизона настроены враждебно, спят с винтовками и ежечасно могут начать военные действия? — вопрошали они и убеждали генерала отказаться от этой нелепой затеи, из которой «в лучшем случае — ничего не получится» (то есть солдаты пехотных полков не выйдут на парад и только).

Коровиченко настаивал на своем, доказывая, что «знает солдатскую психику» и сумеет уговорить «мятежников».

Только после долгих пререканий Коровиченко отказался от удовольствия видеть перед собой марширующие войска, сказав, впрочем, что он все-таки устроит парад, но несколько позже.

С первых же дней работы Коровиченко и его «подручных» — Шендрикова и графа Г. И. Доррера⁵³¹ (последний приехал из Асхабада на амплу помощника генерального комиссара по гражданской части; раньше он был присяжным поверенным)⁵³² — выяснилась тактика этих господ, не удовлетворившая ни одну из политических групп.

Так, большевики и вся пролетарская масса считали правительственную тактику явно контрреволюционной, соглашатели все время говорили и писали в своей прессе, что их лидеры «плохо соглашаются», а третьи — буржуазные группы — открыто ругали Коровиченко и Ко за их «медлительность и дряблость», требуя «решительных действий».

Коровиченко любезно хлопал по плечу «соглашателей», покрывал на представителей рабоче-солдатской массы — Тоболина⁵³³, Колесова⁵³⁴ и Вайнштейна⁵³⁵, — ведя с ними переговоры, и «дружески

⁵³¹ *Доррер Георгий Иосифович* (1887–1918) — граф, кадет, участник революционных событий в Туркестане. С апреля 1917 г. — комиссар Туркестанского комитета по Закаспийской области. Расстрелян в Фергане.

⁵³² Генерал Черкес по выздоровлении уехал в Петербург, а что касается глубокого старика — Наливкина, то последний отошел от дел и поселился за городом на своей даче. Вскоре у него умерла жена, и он, не будучи в состоянии перенести ее смерти, через неделю застрелился на ее могиле (*прим. автора*).

⁵³³ *Тоболин Иван Осипович* (1885–1941) — большевик, помощник ревизора Туркестанской контрольной палаты, первый товарищ председателя исполкома Ташкентского совета и председатель его большевистской фракции с сентября 1917 г. После Октябрьского переворота состоял председателем исполкома совета и комитета партии, с июня 1918 г. — ТуркЦИКа. Не пройдя в руководящие органы республики на VI Чрезвычайном съезде Советов в октябре 1918 г., возглавил группу «старых коммунистов», демонстративно вышедших из ташкентской парторганизации и подвергнутых в декабре аресту. С апреля 1919 г. — полпред ТуркЦИКа в Москве. За участие в троцкистской оппозиции исключался из партии.

⁵³⁴ *Колесов Федор Иванович* (1891–1940) — с сентября 1917 г. член Исполкома Ташсовета, один из организаторов всеобщей рабочей забастовки в сентябре 1917 г. С ноября 1917 г. — председатель СНК Туркестана. Участник Гражданской войны, комиссар Красной Армии. В 1923–1928 гг. — председатель ВСНХ Дальнего Востока, член Дальневосточного ревкома, член Гомельского губернского исполкома. В 1933 г. окончил Московский архитектурный институт и работал архитектором.

⁵³⁵ *Вайнштейн Ефим Львович* — социал-демократ, канд. эконом. наук, рядовой 2-го Сибирского запасного стрелкового полка, секретарь Временного революционного комитета, избранного в Ташкенте на митинге 12 сентября 1917 г., и комиссар при командующем войсками Туркестанского военного округа

журил» ташкентских буржуа и черносотенцев за их «безотказность и выдержку».

Такое сидение меж стульев долго продолжаться не могло, и Коровиченко, поняв это, решил объединить соглашателей с буржуазией для совместных действий против пролетарской массы.

А «действовать», с их точки зрения, было необходимо, ибо, хотя забастовки и прекратились, хотя офицеры, покинувшие в сентябрьские дни свои роты (сидели ведь в школе прапорщиков), снова возвратились в полк, в рабоче-солдатской массе шло глухое брожение, которое в любой час могло вылиться в открытое восстание.

«Наша газета», хотя и не выходила, среди солдат и рабочих успешно распространялись ее бюллетени и листовки, печатаемые полулегально.

Учтя все это, Коровиченко приступил к «активной политике», но с первых же шагов наткнулся на существенные затруднения.

«Неудачное» расквартирование войск возымело свое действие.

Казаки действительно мало поддавались агитации, а вот привезенные драгуны (хотя и «виды выдавшие»), скоро начали братья с «мятежными» пехотинцами.

Результатом этого братания явилось то, что в один прекрасный день драгуны заявили своему начальству, что они ни в коем случае не будут действовать против солдат и рабочих в случае их выступления.

Впрочем, казачья пулеметная команда тоже преподнесла Коровиченко неожиданный сюрприз, отказавшись седлать лошадей, когда однажды, во время «тревоги» (оказалось, что ложной), ей было приказано выступить в поход и занять позицию перед казармами второго запасного полка.

Коровиченко испугался. Посоветовавшись с Доррером, он решил драгунский полк отправить в Россию, а казаков предать военному суду.

Еле-еле упростили кавалеристов уехать из Ташкента, выдав им, кроме положенного от казны путевого довольствия, по 10 рублей на персону в сутки, а что касается «преступных» казаков-пулеметчиков, то военный суд, построенный, как известно, в то время по типу Керенского, оправдал подсудимых.

Перфильеве. С 28 ноября — товарищ председателя исполкома Ташкентского совета, в котором возглавлял фракцию социал-демократов интернационалистов; критиковал политику Совнаркома и в частности поход Колесова на Бухару. Спасаясь от преследования властей, весной 1918 г. бежал из Ташкента.

Несмотря на такое уменьшение контрреволюционных сил (самаркандская казачья сотня, самовольно разогнавшая Совдеп, политического приличия ради была отослана обратно в Самарканд вместе со своим удалым командиром), Коровиченко начал наконец «решительно действовать» на радость всей ташкентской буржуазии, но незадачливы были и эти действия...

Представители Керенского в Туркестане отлично понимали, что все «зло» исходит главным образом от солдат, а потому поставили себе целью провести частичную демобилизацию полков. Здесь нужно заметить, что расквартированные в Ташкенте полки наполовину состояли из уроженцев Семиречья, которое полтора года тому назад пережило восстание киргизов⁵³⁶.

Семиреки, вернее — их семьи, сильно пострадали от этого восстания и потому рвались домой, тем более что из Семиречья шли вести о готовящемся новом киргизском восстании. Поэтому демобилизация являлась сильным козырем в руках Коровиченко.

Совдеп (после разгона он снова начал функционировать, и Коровиченко временно этому не препятствовал) прекрасно учел все последствия «правительственного трюка», уговаривал семиреков не подчиняться приказу о демобилизации, но удержать их не сумел, истосковавшиеся по родным местам семиреки уехали из Ташкента, как только получили отпускные билеты.

Пехотные полки поредели: весь гарнизон (не считая «карателей»), не превышал двух с половиной тысяч человек.

Правда, с отъездом в Россию драгунского полка и с уходом на фронт ударного батальона (Коровиченко «сделал глупость»: отпустил этот батальон на фронт) ташкентская контрреволюция тоже ослабела, но все же демобилизация, казалось, нанесла сильный удар революционным замыслам пролетариата.

Солдаты понимали, что им нужно быть на страже, и потому они, войдя в тесный контакт с рабочими, начали готовиться к решительному бою.

Почти во всех пехотных частях гарнизона перестали выполняться офицерские приказы, солдаты почти не выходили за черту казарменного расположения, не расставались с оружием, выдав часть такового рабочим железнодорожных мастерских.

В десятых числах октября в Ташкенте уже чувствовалось, что город находится накануне колоссальных событий.

⁵³⁶ Восстание 1916 г. в Туркестане — восстание во время Первой мировой войны против мобилизации на тыловые работы.

Мягкотелый и недальновидный Коровиченко не очень-то понимал все это, и если в конце концов он решился прибегнуть к «крупным мероприятиям», взяв на себя даже инициативу наступления, то только под влиянием штабных офицеров.

Они настояли на том, чтобы «дело о мятеже 12 сентября» пошло «законным ходом», и в результате этого «хода» следственная комиссия арестовала (22 или 23 октября) Перфильева, Цвиллинга⁵³⁷ и ряд других лиц, причастных к сентябрьским дням в Ташкенте.

Аресты эти были произведены ночью на квартирах, частью в помещении Совдена, которое было затем закрыто.

В это время из России шли телеграммы о том, что большевики готовятся к выступлению, все называли дату — 25 октября, и потому ясно было, что именно в этих числах и в Туркестане могут разыграться события.

Коровиченко, Доррер и компания решили произвести разоружение всех «мятежных» войсковых частей, избрав для этого ночь с 26 на 27 октября⁵³⁸.

Здесь нужно заметить, что уже 20 октября Коровиченко проделал первый опыт в этом отношении, и опыт этот удался, а именно: казачьими сотнями и юнкерами была разоружена крепостная рота; эта часть не хотела подчиняться приказу Коровиченко о сдаче юнкерам пулеметов, а потому помещение этой роты было оцеплено коровиченковскими войсками. После троекратного предупреждения броневик открыл огонь и изрешетил все окна в казармах. Солдаты «крепостной» роты выкинули белый флаг и сдали юнкерам свои пулеметы и винтовки (пострадавших не было).

⁵³⁷ Цвиллинг Григорий Моисеевич (1881—1941) — большевик с 1917 г., журналист, депутат Ташкентского совета, с 13 сентября — временный редактор «Нашей газеты», с 15 сентября — член исполкома совета. Член РСДРП с 1903 г. Участвовал в 1905 г. в организации боевой дружины в Иркутске, в 1906 — 1908 гг. — в ссылке. Позже служил в газетах «Туркестанские ведомости» и «Туркестанский курьер» секретарем редакции. В сентябре 1917 г. был избран товарищем председателя большевистской фракции Ташкентского Совета; в дни Октябрьского переворота находился под арестом в крепости; после освобождения — комиссар по делам печати, организовавший закрытие независимых изданий. С ноября 1919 г. по 1921 г. — ответственный руководитель РОСТА в Ташкенте, редактор газеты «Иштракиун», член ТуркЦИК. С 1922 г. — консул в Турции, затем — на хозяйственных должностях, с 1931 г. — на партийной работе.

⁵³⁸ 26 октября в полдень в Ташкенте была получена первая телеграмма о том, что вечером 24 октября в Петербурге началось восстание. — *прим. авт.*

Эта «удача» подняла дух коровиченковских деятелей, и они полагали, что так же легко разоружат и все другие «мятежные» части.

Но судьба зло посмеялась над Коровиченко и Ко.

Она даровала им еще одну победу, чтобы затем разбить их наголову.

К 27 октября, то есть к дню начала переворота, соотношение обеих враждующих сторон в Ташкенте было таково: Коровиченко имел 525 юнкеров, 50 человек из польского легиона⁵³⁹, около 1000 казаков, человек двести офицеров (остальные сидели по домам) и человек 350—400 белогвардейцев. Последние «сформировались» на 2-й день боя. В общем контрреволюция располагала более чем 2 тысячами сабель и штыков при 12—15 пулеметах, 2 бомбометах, одном миномете и двух броневых автомобилях. В ее распоряжении находилась крепость, имеющая шесть трехдюймовых пушек.

У восставших было около полутора тысяч солдат (остальные держали нейтралитет) и столько же рабочих красноармейцев. Солдаты же имели 6 пулеметов. Позднее к ним присоединилось две батареи артиллерии и прибыл большой отряд из Кушки при 12 орудиях.

События протекали в следующей последовательности. Коровиченко, как я уже сказал раньше, хотел разоружить все пехотные «бунтующие» части. Выполняя этот план, штаб округа разделил свои контрреволюционные силы на три части: одной из них он приказал разоружить первый Сибирский стрелковый запасный полк, вторая часть должна была проделать то же самое со вторым полком, а третья — составляющая резерв, — занять крепость, тюрьму и все важные правительственные здания.

В первую очередь была начата «осада» казарм второго полка. Солдаты последнего сдались, почти не оказав сопротивления. Был лишь ранен один юнкер и убит один солдат полка.

Но первый полк повел себя совсем иначе. Дружным ружейным огнем он встретил нападающих юнкеров и казаков. К этому полку подошли на помощь вооруженные и невооруженные рабочие. Не имеющие оружия получили таковое и начали теснить своего классового врага.

⁵³⁹ Точнее говоря — это был весь легион, но он выступал не как таковой, а в качестве отдельных личностей. Легион же в целом объявил себя нейтральным. В конце концов эти «иезуиты» почти все погибли, так как все время были на самых опасных местах. — *прим. авт.*

Юнкера пустили в ход пулеметы. Восставшие ответили тем же. Казаки, наступавшие вместе с юнкерами на этот полк, спустя два часа после начала боя заявили своим соратникам, что они больше сражаться не будут, и ушли в свои казармы.

Коровиченко, узнав о таком «печальном инциденте», послал юнкерам помощь из резерва и две пушки.

Офицеры-артиллеристы начали интенсивно работать, выпустив по своему противнику в первый день более 150 снарядов.

Красные войска тоже не остались в долгу, ибо к ним присоединились артиллеристы и начали засыпать юнкеров шрапнелью.

Завязался настоящий бой...

Читатель, хоть сколько-нибудь знающий Туркестан, конечно, спросит: а как же реагировало на все это сартовское население? Ведь Ташкент разделяется на две части⁵⁴⁰: Новый Ташкент — 110—120 тысяч русского населения и Старый Ташкент с трехсоттысячным мусульманским населением...

Этот вопрос, конечно, требует исчерпывающего ответа.

Во времена царизма туркестанские мусульмане как «иностранцы» почти не пользовались никакими правами. Обособленные, казалось даже, застывшие в своей многовековой восточной культуре, мирно жили они по «старым городам», деревням, селам и аулам, почти безропотно подчиняясь режиму царских чиновников.

Февральская революция несколько разбудила политически сонную «иностранческую» массу Туркестана.

Сартовская буржуазия, сартовские клерикалы зашевелились и стали стремиться к участию в политической жизни Туркестана, а часть из них, особенно муллы и так называемые «улемисты» (улем — ученый богослов), начали даже вести в темной и забытой народной массе скрытую агитацию за отделение Туркестана от России.

Здесь необходимо поведать о той борьбе, которая велась при выборах в Ташкентскую городскую думу.

В русском городе конкурировали три списка: эсеровский, эсдекский-меньшевистский и буржуазный. Борьба была довольно ожесточенная. Но боровшиеся точно забыли про существование Старого города, который также участвовал в выборах, по наивности полагая, что сарты отдадут им свои голоса.

⁵⁴⁰ С приходом русской администрации все старые города Туркестана были разделены на две части: старый город, где проживало коренное население и новый город, в котором проживали чиновники русской администрации, офицеры и др. выходцы из европейской части России.

Но «наивные» ошиблись в расчете. Ни одного голоса не отдали сарты русским кандидатам, и состав городской Думы получился с преобладанием сартовских гласных. Товарищем городского головы был избран сарт-улемист, а несколько позже, когда городской голова из русских гласных сложил с себя полномочия, этот сарт-улемист занял должность городского головы.

Русской буржуазии и русским соглашателям такой оборот дела весьма не понравился. На страницах своей прессы они начали вести кампанию против сартовского «засилья», указывая на некультурность азиатов, требуя отделения русской Думы от сартовской, то есть настаивая на создании двух городских — отдельных — самоуправлений.

Но стоит заметить, что такая «истинно русская» ориентация у буржуазии и соглашателей была до тех пор, пока у них в руках находилась власть, которой угрожали «азиаты». Как только власть у буржуазно-соглашательских элементов была вырвана, как только у политического руля появились большевики, и буржуазия и соглашатели резко переменили свою ориентацию на тех же «некультурных азиатов», громко заговорили об автономии Туркестана и превратили Старые города Туркестана в базы своих контрреволюционных действий.

Коровиченко был верным сыном этой двуличной политики. Подобно генералу Черкесу, он вместе с Доррером раньше кричал на всех перекрестках об опасности «азиатского засилья», «сартовского восстания» и проч., и проч., но как только у казарм первого полка затрещали пулеметы, тот же Коровиченко командировал депутацию в Старый город, прося помощи у сартов. Последние долго колебались — вмешиваться ли им в «русскую борьбу» или нет, но затем послали в крепость 400 молодых сартов, *которым Коровиченко приказал выдать винтовки*⁵⁴¹.

Эта сартовская молодежь в течение двух суток обороняла крепость, но затем, когда заметила, что дела Коровиченко пошатнулись, отошла в Старый город и стала на границе его, заявив, что сарты вообще нейтральны и потому не допустят перенесения арены русской гражданской войны на территорию Старого Ташкента.

⁵⁴¹ Выделено автором. — прим. Т. К.

V

Как я уже сказал выше, борьба коровиченковских войск с солдатско-пролетарской массой, начавшаяся утром 27 октября, приняла большие размеры.

С обеих сторон трещали ружья и пулеметы, бухали пушки, бросались гранаты.

Кровь лилась рекой... Гибли, впрочем, не столько воюющие, сколько мирные, нейтральные обыватели. Дрались днем и ночью.

Первое время броневые автомобили наносили большой урон красным, но героическими мерами они обезвредили себя от этих «страшных игрушек». Броневик этот более суток был вынужден простоять в засаде, и затем хотя и выбрался из нее, но пробыл в штабе белых в испорченном виде. Второй броневик также выбыл из строя вследствие «аварии» — во время гранатной атаки красных. Белые дрались без подъема. В их рядах чувствовалась большая растерянность и неорганизованность.

Этому способствовал сам Коровиченко, который постоянно терялся, не зная, что ему делать: драться ли дальше или начать мирные переговоры, как того требовали некоторые думские гласные из соглашателей.

У красных, наоборот, чувствовались большая сплоченность и отвага. Почти без руководителей (в качестве военного вождя у них был один прапорщик Стасиков⁵⁴²) они, тем не менее, прекрасно исполняли свои боевые задачи, зачастую выбивая противника из весьма укрепленных мест.

28-го в полдень Коровиченко начал переговоры с красными. К ним в лагерь ездил Доррер, в лагерь белых ездил в качестве парламентаря тов. Вайнштейн. Переговоры ни к чему не привели, и борьба продолжалась с ожесточением. Вокзал и радиостанция находились в руках красных. По проволочному и беспроволочному телеграфам они снесли с Кушкой и Самаркандом, прося помощи, и получили оттуда положительные ответы.

29 октября белые начали отступать с окраинных частей города, и война перенеслась на главные улицы.

Коровиченко снесся с Оренбургом и Верным, тоже прося помощи. Дутов и Кияшко⁵⁴³ ответили, что им посылаются отряды,

⁵⁴² Биографические данные уточнить не удалось.

⁵⁴³ *Кияшко Андрей Иванович* (1875—1917) — генерал-лейтенант, командующий войсками Семиреченской области и наказной атаман Семиреченского

и просили Коровиченко держаться до прибытия подкрепления. Но Коровиченко терялся. Он не прочь был капитулировать, если бы не давление штабных офицеров. В последний день боя они даже арестовали его, но затем опять выпустили, и он продолжал командование.

30 октября войска Коровиченко занимали только крепость, почту и несколько прилегающих к ним улиц. Даже тюрьма была очищена казаками, которые перевезли в крепость Цвиллинга, Перфильева и других «важных арестантов». Неизвестно, сколько бы еще продолжалась борьба, если бы на помощь красным не прибыли кушкинские и самаркандские отряды.

Кушкинцы предупредили Коровиченко, что если он не сдаст крепость и не разоружит своих «молодцов», то они начнут обстрел крепости и зданий, занятых его войсками, из шестидюймовых орудий.

Коровиченко понял, что дальнейшая борьба бесполезна и потому начал переговоры об условиях сдачи. Условия о сдаче были подписаны поздно вечером 30 октября, но этот договор, в сущности говоря, остался клочком бумажки, и капитуляция Коровиченко была сдачей на милость победителя. Это понимали обе стороны, а соблюдавший известный декорум Коровиченко в душе надеялся, что он будет скоро «восстановлен в правах», так как придут войска Временного правительства и «подавят мятеж».

О московских и петербургских событиях Коровиченко, надо полагать, ничего не знал, а среди ташкентской буржуазии циркулировали слухи, что в обеих столицах «большевицкий мятеж подавлен огнем французской артиллерии». Коровиченко также рассчитывал на ближайшую помощь Дутова и Кияшко (последний был войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска), но отряды этих господ, как выяснилось после, узнав о поражении Коровиченко, с дороги возвратились обратно.

Таким образом, вся ташкентская контрреволюция была отдана в руки ташкентского пролетариата. Утром 1 ноября красными туркестанскими войсками и красноармейцами была занята крепость и заняты все правительственные здания. Коровиченко, Доррер и

казачьего войска в июле — октябре 1917 года. С июня 1917 г. — командир 1-й Туркестанской казачьей дивизии, с июля — командующий войсками Семиреченской области. Решив вернуться на Кубань, был задержан со своей семьей в Перовске, доставлен 5 декабря в Ташкент и заключен в тюрьму, откуда освобожден манифестантами, но затем снова арестован. Убит 13 декабря солдатами, бывшими политкаторжанами.

человек 50 офицеров и юнкеров были арестованы, а Шендриков и другие ближайшие сподвижники Коровиченко бежали. Часть их ушла в Старый город и попряталась по квартирам богатых сартов, часть разбежалась по соседним кишлакам, часть эмигрировала на Кавказ, в Фергану, Семиречье и тому подобные места.

Вполне понятно, что пострадавшая пролетарская масса была сильно возмущена действиями своих классовых врагов, а потому были отдельные случаи самосудов во время арестов, но, в общем, руководители пролетарского движения приняли все меры, чтобы предотвратить массовые расправы с побежденными, и это весьма удалось руководителям. Из видных военных чинов был убит красноармейцами только один начальник 1-й Сибирской стрелковой запасной бригады генерал-майор Мухин⁵⁴⁴, который не захотел отдать своего оружия и ранил у себя в квартире двух мирно настроенных красноармейцев.

Общие потери с обеих сторон были огромными, а больше всего пострадали мирные жители. Мертвецкие и лазареты в городе были переполнены. Трудно установить точную цифру пострадавших во время социального переворота в Ташкенте, но много данных за то, что эта цифра превышает тысячу человек убитыми и ранеными.

5 (или 6) ноября состоялись похороны убитых красноармейцев. В братскую могилу в Александровском парке было опущено 79 гробов, но это далеко не все жертвы, ибо много солдат и рабочих были похоронены раньше этой даты на разных кладбищах Ташкента. Спустя несколько дней жизнь в городе вошла в свою колею.

Был избран Совет народных комиссаров Туркестанского края (с председателем Ф. Колесовым во главе) и Ташкентский Совдеп, председателем которого явился тов. Тоболин. На должность командующего войсками округа солдаты избрали своего любимого поручика Перфильева, а помощником его — прапорщика Стасикова, который, как я уже сказал об этом выше, руководил военными операциями восставших войск в октябрьские дни. Новая власть, признанная уже многими городами Туркестана, приступила к созданию новой жизни.

⁵⁴⁴ *Мухин Василий Дмитриевич* — генерал-майор, участник Русско-японской войны, георгиевский кавалер. Обстоятельства гибели генерала Мухина остаются невыясненными. По одной версии, был убит у себя на квартире 1 ноября 1917 г. солдатами, возможно, большевиками, в Ташкете, по другой — застрелился сам.

VI

Буржуазия, потерпев поражение, временно притаила свое «политическое дыхание», но спустя дней десять мало-помалу начала «приходить в себя».

Как везде в России, Советская власть в Туркестане первые месяцы после переворота терпела буржуазную и соглашательскую прессу, а эта пресса повела кампанию против нового порядка. «Оставшиеся в живых» (несбежавшие) сторонники Керенского вошли в тесный контакт с туркестанскими контрреволюционными элементами и решили «взять равнение на автономию Туркестана». Вчерашние противники всякого автономизма, сегодня они вдруг сделались сторонниками самоопределения народов и начали кричать на всех перекрестках, что большевики угнетают сартов и киргизов и что те должны добиться своей самостоятельности.

Такие действия туркестанской контрреволюции были вполне понятны. Она шла за автономию Туркестана, готова была принять самоопределение каких угодно азиатских племен, лишь бы только отделаться от ненавистных ей большевиков. Проиграв в «новых городах», туркестанская буржуазия метнулась в «старые города» и там начала мобилизовывать силы для борьбы с новой властью, или «с узурпаторами власти», как раньше выражалась буржуазия по адресу большевиков.

Русской буржуазии охотно пошла навстречу буржуазия сартовская, которая начала уже понимать, что русские большевики опасны и ей, ибо «большевистская зараза» может проникнуть и в ряды многочисленного сартовского пролетариата. Объединившаяся буржуазия Туркестанского края решила начать свои координированные действия и с этой целью созвала в городе Коканде 27 ноября 1917 г. «общемусульманский съезд» Туркестанского края⁵⁴⁵. Само собой разумеется, что на этом съезде присутствовали главным образом представители мусульманской и киргизской буржуазии.

Эти «демократы», науськанные русской буржуазией, провозгласили автономию Туркестана, избрав «Временное правительство», которое обязано было в кратчайший срок созвать Туркестанское учредительное собрание. В состав этого «правительства» вошли: Тынышпаев (киргиз, инженер путей сообщения, бывший член 2-й Государственной думы от Семиреченской области), Убайдулла Ходжаев (частный поверенный из города Андижана), Чокаев

⁵⁴⁵ Речь идет о IV Чрезвычайном краевом мусульманском съезде.

(киргиз, по образованию юрист), Агаев⁵⁴⁶ (татарин, ученый-агроном), Герцфельд⁵⁴⁷ (еврей, присяжный поверенный из Самарканда), Шагиахметов (татарин, присяжный поверенный при Скобелевском окружном суде) и Абиджан Махмудов⁵⁴⁸ (сарт, кокандский купец). «Премьером» был избран Тынышпаев.

Избрав это «министерство», и снабдив его несколькими миллионами рублей, интернациональная туркестанская буржуазия поручила «новому правительству» во чтобы то ни стало свергнуть большевиков и «восстановить в крае мир, свободу и порядок». Провозглашение «мухторията» (автономии) с большой помпой было отпраздновано в Коканде: муллы согнали весь свой народ на манифестации, «министры» клялись на Коране, что не изменят народному делу, а «народ», в свою очередь, принес перед главной мечетью присягу в том, что не изменит «мухторияту», а будет защищать свое правительство до последней капли крови.

Обменявшись присягами, избранники и избравшие разошлись. Первые — по своим кабинетам, а вторые — по своим торговым лавкам и мечетям. Коканд отныне стал своего рода Меккой, в которую начали стекаться все так или иначе обиженные большевистским режимом. Сюда понаехали эмигранты — офицеры, удравшие ташкентские купцы, некоторые из представителей власти Керенского (в Ташкенте) и тому подобная компания. Все они объединились вокруг «мухторията» и превратили Коканд в Туркестанскую Вандею⁵⁴⁹, которая вскоре печально сыграла свою контрреволюционную роль.

VII

Тем временем в Ташкенте шла интенсивная работа по созданию новой жизни. Правда, этой работе многое мешало: мало было работников, из примазавшихся к Советской власти многие оказались проходимцами, понаделавшими много разной гадости Совету,

⁵⁴⁶ Агаев Хидаят-бек Юргули — министр землеустройства и водопользования Туркестанской (Кокандской) автономии. А. Гзовский допускает ошибку. Юргули-Агаев по национальности был узбеком.

⁵⁴⁷ Герцфельд Соломон — уроженец Одессы, министр финансов Туркестанской (Кокандской) автономии или, как называет его А. Гзовский, бухгалтер.

⁵⁴⁸ Биографические данные уточнить не удалось.

⁵⁴⁹ Автор отсылает к Вандейскому мятежу — гражданской войне между сторонниками и противниками революционного движения на западе Франции, вспыхнувшей в департаменте Вандея 1793 г.

стране грозил голод, а Дутов продолжал держать Туркестан отрезанным от России. Но, несмотря на все эти невзгоды, молодая Советская власть с честью выходила из трудного положения, постепенно налаживая экономический и административный аппарат в крае. В жизнь Старого города Ташкента, как и вообще в жизнь сартов, Туркестанский Совнарком первое время вмешивался очень мало, ожидая, пока саратовский пролетариат сам прозреет и свергнет власть своей азиатской буржуазии.

Конечно, партия большевиков вела сильную агитацию в среде мусульманского пролетариата, и эта агитация имела большой успех, несмотря на то, что на сартовских пролетариев старались сильно влиять «хранители шариата» — муллы. Ташкентская буржуазия понимала, что «большевистская зараза» может проникнуть и в среду сартовского пролетариата, а потому спешила как можно скорее «ликвидировать» эту «заразу» путем упрочения власти «Кокандского Временного правительства». С этой целью решила прежде всего так или иначе отметить провозглашение автономии в городе Ташкенте, для чего назначила на 13 декабря «всенародную» манифестацию в честь «мухторията».

«Автономисты» хотели как можно помпезнее отпраздновать в Ташкенте «мухторият», для чего повели самую интенсивную агитацию среди темной и забитой сартовско-киргизской массы. Муллы и специальные агитаторы из буржуазного сартовского лагеря ездили по кишлакам и призывали народ на демонстрацию в Ташкент. Эта агитация азиатской буржуазии удалась довольно своеобразно: в Ташкент съехалось много народу, но 9—10 декабря прибывшие не понимали всей сути дела, были глубоко равнодушны к какому бы то ни было «мухторияту» и приехали в Ташкент только потому, что их призывали туда муллы и бай⁵⁵⁰, которые имели на них большое влияние.

Советская власть предупреждала авторов готовящейся манифестации о том, чтобы они ограничились чертой Старого города, издала постановление, коим запрещались всяческие митинги, собрания и манифестации в районе Нового города, но русская буржуазия и соглашатели (из бывших думских граждан) письменно и устно агитировали за то, чтобы манифестация приняла возможно большие размеры и состоялась на территории русского города.

⁵⁵⁰ Бай — богатый человек, господин. — *прим. авт.*

Советская власть пыталась убедить буржуазных заправил, что эта манифестация при перенесении ее на русскую территорию может повлечь за собой нежелательные последствия, что солдатско-рабочие массы сильно возбуждены против буржуазии, а потому трудно будет удержать толпу от эксцессов, но русско-сартовские сторонники «мухторията» решили действовать по своему «рассудку вопреки и наперекор стихиям».

13 декабря утром манифестанты в количестве приблизительно 60 тысяч человек собрались около Шайхантаурской (главной) мечети в старом городе и затем с зелеными знаменами и с изображениями полумесяца двинулись в Новый город. Здесь нужно заметить, что те самые русские буржуа и черносотенцы, которые так недавно вели агитацию против «сартовского засилья», которые так усиленно «охраняли русскую государственность в Туркестане», являясь самыми яркими противниками автономии, теперь вдруг оказались в рядах сартовских манифестантов. Это, конечно, неудивительно: русская буржуазия готова была манифестировать с тунгусами, самоедами и тому подобными, лишь бы только создать опору для своих контрреволюционных действий.

Войдя в русский город, толпа прошла по целому ряду улиц, а на городском бульваре устроила митинг, на котором выступали распоясавшиеся контрреволюционеры и всячески чернили Советскую власть. Несмотря на все это, последняя не принимала никаких мер против манифестантов, пока их действия носили пассивный характер. Но вскоре они приняли характер иной.

Увидев, что Советская власть не препятствует манифестации, и истолковав это явление как слабость и растерянность власти, русские контрреволюционеры руководящие манифестацией, предлегли толпе идти в тюрьму и освободить оттуда всех политических заключенных, таковыми заключенными в то время являлись: Доррер, осужденный военно-революционным трибуналом на три года заключения, и подследственные — генерал-лейтенант Кияшко (он был арестован на станции Перовск, когда, покинув Семиречье, сел в поезд, чтобы ехать на Кубань), полковник Бек⁵⁵¹ и целый ряд других лиц обвиняемых в контрреволюционных (октябрьских) действиях.

⁵⁵¹ Бек Владимир (Эдуард?) Максимович — подполковник, начальник штаба инспектора инженерных войск Туркестанского военного округа, назначенный в октябре комендантом Ташкентской крепости. Арестованный 28 октября 1917 г., выступал свидетелем на судебном процессе Доррера. Убит 13 декабря.

Намереваясь их освободить, манифестирующая толпа подошла к тюрьме. Стража растерялась и открыла ворота⁵⁵². Немедленно двор тюрьмы был наполнен толпой, которая ворвалась в здание и вывела оттуда политических арестантов. Русские контрреволюционеры вынесли на руках графа Доррера, который, став затем в красивую позу, громко воскликнул: «Именем Временного правительства провозглашаю автономию Туркестана (Доррер, конечно, имел в виду Временное правительство Керенского)». Толпа прокричала «ура», посадила некоторых освобожденных в автомобили, некоторых на лошадей (киргизы были на лошадях) и двинулись с ними в Старый город.

Рабочие и солдаты, узнавши, что из тюрьмы освобождены явные контрреволюционеры, из коих многие были причастны к октябрьским «коровиченковским» дням, немедленно вооружились и поспешили на Урду (местность у входа в старый город), где и открыли огонь по манифестантам с целью отбить у них бывших заключенных.

Это не совсем удалось рабочим и солдатам, ибо большинство лиц, освобожденных из тюрьмы, успело проскочить в Старый город и там скрыться, но все же Доррер, Кияшко, Бек и еще несколько человек были схвачены, отвезены в крепость, где и погибли от самосуда. Во время стрельбы было убито и ранено человек 20 сартов. Конечно, по сему поводу буржуазная пресса всей России начала рвать и метать, обливая Советскую власть помоями, но последняя поспешила объяснить обманутому и спровоцированному буржуазией туркестанскому пролетариату, что Советская власть здесь ни при чем и что буржуазия пожалала то, что сама посеяла.

VIII

Вернемся, однако, к Кокандскому автономному правительству.

Сорганизовавши кабинет, оно начало действовать. Первое время «действия» эти выражались главным образом в получении и в посылке приветственных телеграмм. Еще нераспущенные городские (контрреволюционно-соглашательские) Думы некоторых городов Туркестана поспешили приветствовать «единственную законную

⁵⁵² Генерал-майор Коровиченко пал жертвой самосуда 30 ноября: его застрелили солдаты на гарнизонной гауптвахте. Советская власть осудила этот позорный поступок и немедленно перевела остальных всех политических заключенных из гауптвахты в тюрьму. — *прим. авт.*

власть в крае», за что, конечно, получили ответные приветствия.

Но кроме этого невинного занятия, «правительство», фактическая власть которого простиралась лишь на территорию старого Коканда, начало вести агитацию среди сартов в целях изгнания большевиков и стало формировать «народную мусульманскую армию». В старый Коканд начали стекаться бывшие офицеры, юнкера, военные чиновники, беглые уголовные преступники⁵³³, искатели приключений и, словом, разный сброд, которому «душно» было в советском Туркестане и в Советской России.

Характернее всего то, что сами сарты не шли в эту «армию», предпочитая сидеть по своим кишлакам, занимаясь там хозяйством и торговлей. Из мусульманского элемента поступили в армию человек 200—300 безработных персов, кочевавших до того времени по городам Ферганы. Всех таких «армейцев» набралось в старом Коканде человек 500—600, не больше. Что касается оружия, то «агентами» Временного правительства таковое скупалось у кого попало за сравнительно высокую цену.

К стыду нашему, некоторые несознательные элементы разбегавшейся в то время русской армии, вместо того чтобы сдать принесенное с собой оружие в арсеналы красных войск, продавали таковое автономистам за хорошую мзду.

Таковым способом «мухторият» вооружил кое-как своих 500—600 «солдат», надеясь с этой «силой» освободить Туркестан от большевиков. Впрочем, автономисты вошли еще в союз с эмиром Бухарским и с «Юго-восточным союзом степных и кочевых народностей» (был и такой), но польза от этого была ничтожная, и эмир, и «степные народности» оказали Кокандскому правительству только «платоническую» помощь, прислав пару-другую приветственных телеграмм.

Туркестанский Совнарком знал обо всех действиях «мухторията», но до поры до времени никаких мер против него не принимал, предполагая, что «кокандское мертворожденное дитя» вскоре саморазложится. Двоевластия, в сущности, никакого не было, ибо, как я уже сказал раньше, власть автономистов осуществлялась лишь на территории старого Коканда (даже в новом Коканде действовал Совдеп!). Но с этой местной властью Туркестанский Совнарком тоже не считался. Когда ему понадобилось произвести выемки в кокандских банках (в ташкентских банках не было денежных знаков,

⁵³³ На службе у «автономистов» находился известный туркестанский разбойник, гроза всей Ферганы — *Эргаш-бай*. — прим. авт.

а из России достать нельзя было, ибо Дутов еще держался в Оренбурге), то один из членов Совнаркома, захватив с собой 300 красноармейцев с пулеметами, отправился в Коканд и произвел необходимую выемку в банках, хотя большинство из этих банков находились на территории старого города.

В этот день «храбрые автономисты» вместе со своими войсками бежали из Коканда в соседний кишлак⁵⁵⁴ и появились снова в Коканде только после отъезда представителя Туркестанского Совнаркома. Вскоре опять наступила паника, пал Оренбург, и кто-то по Коканду распустил слух, что сюда идет отряд кронштадтских матросов. «Автономисты» снова заматались и приготовились было к бегству...

Из всего этого достаточно ясно, что «Временное правительство» не представляло какой бы то ни было опасности для Советской власти и таковая в любой момент могла бы смахнуть это «правительство». Повторю, если это и не делалось, то только по тактическим соображениям. «Автономисты», надо полагать, сами чувствовали свое политическое бессилие, сознавали, что кроме кучки сартовско-русской буржуазии у них нет опоры, и потому всюду искали этой опоры. Наступившие затем события подсказали представителям «мухторията», что они могут выехать на гребне этих событий, и они ухватились за эту мысль. Дело в том, что наши казацкие части, находившиеся в Персии (в северной ее части) по общему тогда правилу, сами мобилизовали себя, то есть оставив Персию, направились на родину.

Когда они пришли в Асхабад, Советская власть, зная, что казаки настроены недружелюбно к Советской власти, потребовали от них сдачи оружия, но казаки ответили отказом, захватили поездные составы и направились в сторону, в Ташкент (то есть поехали по Среднеазиатской железной дороге к себе в Оренбургскую губернию). «Автономисты» решили воспользоваться удобным случаем, деньгами и обещаньем всяких выгод склонить на свою сторону казаков, занять при их помощи Ташкент, свергнуть Советскую власть и утвердить свою. Навстречу казакам выехали представители «мухторията» и «заключили договор» с казачьими офицерами. План был как будто и верен, а потому «автономисты» условились, что, как только казаки будут подходить к Самарканду, они, автономисты, восстанут в Коканде и захватят всю власть в Фергане.

⁵⁵⁴ Кишлак — населенный пункт в сельской местности в Туркестане.

Ввиду этих соображений «автономисты» разработали план захвата власти, прежде всего в Новом Коканде, а именно решили овладеть Кокандской крепостью и захватить ее арсенал. В то время Кокандский гарнизон состоял всего лишь из 100–125 солдат, да в городе было еще человек 300–400 русских красноармейцев, оружие коих тоже находилось в крепости. Со стороны казалось, что захват крепости — дело нетрудное, и вместе с тем выгодное: в арсенале крепости хранились винтовки (штук 600), три пулемета, гранаты, 3 пушки и снаряды к ним.

Захватив все это, «правительство» могло бы хорошо вооружить своих башибузуков и молодых сартов и уже с ними предпринять дальнейшие шаги. Исполнение заранее выработанного плана было назначено на ночь с 29 на 30 января (ст. ст.) 1918 г. План этот заключался в следующем: войска «Временного правительства» должны были ночью напасть на крепость, разоружить крепостной гарнизон и арестовать его, захватить арсенал, занять почту, телефонную станцию и арестовать всех членов Совета.

Кроме того, сарты окрестных кишлаков должны были разрушить железнодорожный путь в сторону Ташкента, Намангана и Скобелева, чтобы воспрепятствовать прибытию оттуда каких-либо красноармейских, или красногвардейских частей. Газеты после передавали, что этот план был разработан одним полковником Генерального штаба, который находился на службе у «автономистов».

IX

В ночь с 29-го на 30 января (ст. ст.) в Кокандскую крепостную калитку стали стучаться какие-то трое неизвестных лиц. Часовой, дежуривший во дворе, спросил — кто там? На что прозвучал ответ, что идут гости к коменданту крепости, у которого сегодня происходит вечеринка.

Действительно, в этот вечер у одного офицера, живущего в крепости, был жур-фике⁵⁵⁵, на который то и дело прибывали гости (между прочим, среди этих гостей находился «министр» Шагиахметов). Часовой не заподозрил ничего недоброго, открыл калитку. «Гости» вошли, причем один из них выхватил кинжал и вонзил его в шею часового. Последний упал, обливаясь кровью, и начал хрипеть. Второй из вошедших в крепость резко свистнул, и в ответ

⁵⁵⁵ Жур-фике (журфикс) — определенный день недели предназначенный для регулярного приема гостей.

на его свист из соседнего темного переулка вбежало в крепость человек 40 вооруженных башибузуков «Временного правительства», которые, оставив у калитки нескольких часовых, бросились к воротам крепостного арсенала, сломали замок и начали выкатывать из здания арсенала пулеметы и пушку.

В эту ночь в крепостной казарме ночевало всего лишь двенадцать красноармейцев. По счастливой случайности один из них в момент налета на крепость, находился на дворе, услышал хрип умирающего часового, свист и топот людских ног. Догадавшись, что на крепость напали, он вбежал в казарму и громким криком разбудил своих спавших товарищей. Те быстро вскочили, забаррикадировали дверь своей казармы и, вооружившись винтовками, открыли из окон огонь. Случайно в казарме находился ящик с гранатами. Красноармейцы воспользовались этими гранатами и начали бросать их в напавших на крепость.

Башибузуки испугались. Они, как видно, не рассчитывали встретить сопротивление, надеясь на малочисленность находящегося в крепости большевистского гарнизона. Оставив арсенал, башибузуки начали стрелять по казарме, но как только раздались первые взрывы гранат, сторонники «автономистов» убежали из крепости и стали ее обстреливать из соседних переулков. Огонь этот не мог принести вреда крепостному гарнизону, ибо крепость была обнесена довольно высокой каменной стеной. Как только бандиты оставили крепость, красноармейцы заперли крепостные ворота, поставили на парапетах два пулемета и открыли огонь. Шагиахметов и все «гости» почему-то кутившего в эту ночь офицера, живущего в крепости, были арестованы.

Одновременно с нападением на крепость банды «Временного правительства» заняли городскую телефонную станцию, находившуюся у въезда в старый город, а также произвели нападение на квартиру председателя Кокандского Совдепа тов. Бабушкина⁵⁵⁶. Но и этот налет оказался неудачным: Бабушкин вовремя проснулся, забаррикадировал дверь своей спальни, ребенка уложил под кровать, а затем, вооружившись винтовкой и вооружив свою супругу револьвером вместе с нею начал отстреливаться от ломившихся в дверь башибузуков. После получасовой «осады» последние бежали, причем один из них был ранен тов. Бабушкиным.

⁵⁵⁶ Судя по газетным сведениям, тов. Бабушкин в последнее время находится в Персии в качестве представителя Туркестанской Республики. Он арестован англичанами. — *прим. авт.*

На рассвете, по распоряжению Бабушкина, ударили в набат, и в крепость начали стекаться все живущие в городе солдаты и рабочие. Их набралось человек 500. Разумеется, все они, вооружились, выкатили пушки, расставили пулеметы и привели крепость в надлежащее для обороны состояние. Был образован военно-революционный комитет, который объявил город на осадном положении и приказал всем гражданам, способным носить оружие, пожаловать в крепость. Буржуазия, сочувствующая, конечно, автономистам, в крепость не явилась, но бедняки пришли, захватив с собой даже свои семьи.

Вновь образованный Ревком утром же послал в старый город ультимативное требование так называемому Временному правительству автономного Туркестана немедленно разоружить свои банды, оружие прислать в крепость (600 винтовок) и выдать лиц, нападавших на крепость. На этот ультиматум «автономисты» ответили, что они не нападали на крепость, разоружать свои войска не будут и оружие не сдадут.

Здесь нужно заметить, что население старого Коканда совершенно не было причастно к авантюре «своего правительства», а потому, узнав утром 30 января о разыгравшихся ночью событиях, многие кварталы старого Коканда прислали в крепость своих представителей с заявлением о своей лояльности и с просьбой не предпринимать никаких репрессивных мер по отношению их кварталов. Ревком принял все это к сведению, но тем не менее продолжал настаивать перед «автономистами» о разоружении его банд, грозя военными действиями. Ревком понимал, что настал час, когда нужно так или иначе ликвидировать «автономистов». Он пытался сделать это дипломатическим путем (то есть силой угроз [заставить] сдать оружие), ибо вполне правильно рассчитывал, что как только начнутся боевые действия, часть сартовского населения, подогретая религиозно-шовинистической проповедью мулл, поддержит «автономистов» и гражданская война может принять чисто национальный характер.

Для того чтобы усилить свой гарнизон, Ревком утром же 30 января протелеграфировал во все города Ферганы с просьбой о помощи. Эти телеграммы были переданы, но к полудню того же дня всякое сообщение Коканда с внешним миром было прервано, так как кишлачные сарты, науськанные гонцами «Временного правительства» во многих местах разобрали железнодорожный путь, порвали телеграфные провода и сожгли некоторые глухие

полустанки на Среднеазиатской и Ферганской железной дорогах. Скобелевский гарнизон, получивший депешу о «сартовском восстании», немедленно двинул в Коканд батарею артиллерии (шести-дюймовки) и отряд пехоты. Этим воинским эшелонам пришлось ехать черепашьим шагом, восстанавливать пути и даже выдерживать стычки с сартовскими бандами.

К 3 часам пополудни следующего дня (31 января) Скобелевский отряд вошел в Коканд и соединился с крепостным гарнизоном. В этот же момент истек срок, данный «автономистам» для исполнения ультимативных требований, и потому Ревком решил начать военные действия.

Здесь нужно заметить, что тов. Бабушкин, Пономарев⁵⁵⁷ и другие члены Ревкома не прочь были продолжать переговоры с «автономистами», ибо в конце концов с их стороны заметна была уступчивость, но рабочее-солдатская и даже мелкобуржуазная масса, находящаяся в крепости, требовала активных действий.

В 3 ч. 15 минут пополудни 31 января 1918 г. из Кокандской крепости раздался первый пушечный выстрел. За ним последовал другой, третий... Крепость начала обстреливать главную мечеть, в которой, по данным разведки, сгруппировались сартовские силы. В ответ на артиллерийский огонь банды «Временного правительства» повели наступление на Новый город, причем ожесточенный уличный бой сразу закипел в нескольких частях Нового города. Этот первый бой, явившийся лишь «увертюрой» последовавших затем кровавых событий, закончился к вечеру.

«Автономисты» заняли несколько прилегающих к крепости улиц и там держались всю ночь, ибо русские солдаты заперлись до утра в крепости. В первом же бою русские потеряли 7 человек убитыми и ранеными; потери «автономистов» были неизвестны, но они, конечно, были огромны, ибо русские действовали всеми родами оружия, тогда как у «автономистов», кроме винтовок и револьверов, ничего не было.

Х

Читатель, разумеется, задаст вопрос — что делалось в это время в Старом городе? Как реагировало сартовское население на открытие военных действий со стороны крепости? Вопросы эти вполне понятны и уместны. Постараюсь дать исчерпывающий ответ.

⁵⁵⁷ Биографические данные уточнить не удалось.

Как я уже сказал раньше, сартовское население старого Коканда почти не было причастно к делу нападения на крепость, поэтому оно не ожидало военных действий со стороны русского города и, во всяком случае, не было склонно вступать в бой с советскими войсками; как только начался артиллерийский обстрел Старого города, сартовская масса заметалась по городу и требовала у «автономистов» урегулирования конфликта и так далее.

«Автономисты», муллы и воинствующая часть сартовской буржуазии постарались восстановить мусульманскую массу против Советской власти, разъясняя ей, что русские большевики нападают на Старый Коканд и хотят стереть его с лица земли. Более фанатичные муллы повели агитацию уже не против русских большевиков, а против русского населения вообще, призывали мусульманский народ к «газавату», то есть «к священной войне против неверных». Вот эта агитация имела наибольший успех. Массы, кричавшие первый день только «Вайдот, Алла, Алла!» (Караул, Боже, Боже!) на второй день начали уже кричать: «Ур урус! Ур!» (Бей русских! Бей!). И эти крики все усиливались и в конце концов слились в один страшный, протяжный рев.

Появились муллы с зелеными знаменами с изображениями полумесяца, и вокруг них начали формироваться банды человек по 200—300, вооруженных охотничьими ружьями, топорами, кетменями, ножами и дубинами. В соседние кишлаки поскакали гонцы из Старого города и оттуда в город поспешили такие же толпы также вооруженных сартов. К третьему дню боя, «автономисты», кроме своих башибузуков имели еще тысяч десять сатров, которые слепо шли вперед, сотнями гибли от пулеметного огня, но все-таки шли и шли, вырезая в русских кварталах мирное русское население, зачастую не щадя женщин и детей. Русские дома, захваченные сартами, подвергались разграблению, обливались керосином и зажигались. Все же русские, которые жили в черте Старого города, за малым исключением, были зверски убиты.

XI

На второй день, то есть 1 февраля (ст. ст.), бой возобновился. Автономисты, поддержанные сартовской массой, начали снова наступать на крепость. Последняя обстреливала наступающих из пушек, пулеметов и винтовок. Потери в войсках гарнизона были незначительные, но мирное население ужасно страдало. Обе воюющие

стороны в целях стратегических захватывали здания и зачастую их поджигали. От артиллерийских снарядов начался пожар в Старом городе, горели целые кварталы и Нового города. Как обыкновенно бывает при столкновении двух лагерей, появились сотни мародеров, которые начали громить кварталы и растаскивать чужое имущество. Картина была ужасная.

На третий день по инициативе группы граждан Нового города было заключено временное перемирие, и русские обыватели стали уговаривать «автономистов» сложить оружие и прекратить никому не нужную бойню.

«Автономисты» ответили, что они готовы заключить мир, но требуют, чтобы Советская власть ушла из города, сдавши крепость. Конечно, эти условия Ревкомом были отвергнуты, и борьба возобновилась. В крепости вышли артиллерийские снаряды, мало было патронов, и положение русского гарнизона становилось критическим. Ожидаемая помощь из Ташкента не прибывала.

ХII

В то время, когда в Коканде разыгрывалась вся описываемая мною трагедия, под Самаркандом тоже разворачивались события, казалось, не в пользу Советской власти. Казаки, настроенные своими офицерами, на требование Туркестанского Совнаркома сложить оружие (вернее выдать его) ответили отказом и вступили в бой с отрядом советских войск, находящихся под командой поручика Перфильева. С обеих сторон загрохотала артиллерия, затрещали пулеметы. Неизвестно, в чью бы пользу окончилась эта схватка, но советские войска благоразумно начали действовать больше словом, чем оружием.

Представители Туркестанского Совнаркома объяснили казакам, в чьих руках они играют роль слепого орудия, и убедили казаков не сражаться, а соединиться с советскими силами. Казаки скоро расшифровали загадку, и, убедившись в справедливости слов представителей Советов, перешли на сторону советских войск. Большинство казачьих офицеров было перебито самими же казаками.

В Самарканде произошло разоружение казаков, при этом все контрреволюционные элементы русского Самарканда были уничтожены. Среди других был убит член «Временного правительства автономного Туркестана» присяжный поверенный Гиршфильд, проживавший в то время в Самарканде.

Спустя сутки казаки мирно направились вперед, в свои родные станицы, а отряд поручика Перфильева поспешил в Коканд на помощь советским войскам.

ХIII

7 февраля вечером войска поручика Перфильева вступили в залитый кровью и пылающий Коканд и соединились с крепостным гарнизоном.

«Автономисты», узнав об этом, начали просить мира, но поручик Перфильев, находясь под давлением своих солдат, отказался вести об этом переговоры, заявив, что можно толковать о сдаче на милость победителя, а не о мирных переговорах с контрреволюционными автономистами.

Отчасти поручик Перфильев был прав, но впоследствии Советская власть, разобравши детально все действия поручика Перфильева, нашла, что он действовал без надлежащей осторожности, и в результате этого расследования поручик Перфильев вынужден был оставить пост командующего войсками⁵⁵⁸.

8 февраля соединенными силами всех советских войск был принят штурм Старого города. Сарты сопротивлялись очень недолго и в конце концов обратились в паническое бегство. Почти все население старого Коканда тоже оставило город и ушло в горы. Почти весь Старый город сгорел. Таким образом, от «автономистов» остались только дым, груда развалин и тысячи изуродованных и обуглившихся трупов. «Мухторият» пожал то, что сам посеял.

В самом недалеком будущем это прекрасно понял сартовский пролетариат и постепенно начал переходить в лагерь русского большевистского пролетариата. Через несколько дней скобелевские и ташкентские отряды ушли из города, и жизнь в Коканде начала вступать в свои права. Число жертв было очень велико с обеих сторон, но, конечно, сарты пострадали во много раз больше русских. Цифра убитых установлена не была, хотя много данных за то, что она достигла десяти тысяч человек.

Благодаря провокации буржуазии город Коканд в течение многих лет не сумеет оправиться от пережитых им потрясений...

⁵⁵⁸ Тов. Перфильева обвиняли в том, что он не учел всех обстоятельств. Ведь политическая борьба в Коканде, по злой иронии судьбы, приняла национальный характер, а потому все то, что можно было предпринять против контрреволюционеров, нельзя было делать против заблудшей, спровоцированной темной мусульманской массы. — *прим. авт.*

XIV

Казалось бы и все... Карты буржуазии были как будто биты... Разгромленная в открытом бою на улицах Ташкента, проигравшая на «мухторияте», туркестанская буржуазия должна была успокоиться и подчиниться наконец воле большинства пролетариата, но... не тут-то было. Проиграв на двух фронтах, она дала еще бой Советской власти на третьем — бухарском фронте, а затем, вследствие своего очередного поражения, метнулась в сторону Англии, призвав в южную часть Туркестана индийских сипаев⁵⁵⁹...

Все «столпы мухторията», конечно, сбежали, но контрреволюционная агитация перекинулась в пределы Бухары и начала свивать там себе уютное гнездышко. К эмиру Бухарскому поспешили на службу бывшие русские офицеры, юнкера и много разного белогвардейского сброда. Подобно «кокандским автономистам», эмир занимался скупкой оружия; между прочим много винтовок и несколько пулеметов он купил у проходящих через город Новая Бухара⁵⁶⁰ казачьих эшелонов.

Туркестанский Совнарком видел, что в Бухаре образуется новое контрреволюционное гнездо, решил ликвидировать таковое, тем более что «младобухарцы», изнывающие под самодержавной пятой эмира, давно просили Советскую власть избавить забитый бухарский народ от этой пяты. С этой целью председатель Туркестанского Совнаркома тов. Колесов отправился в Бухару во главе военной экспедиции, которая состояла из отряда пехоты и батареи артиллерии с пулеметами. Город Новая Бухара был занят тов. Колесовым, но резиденцию эмира занять не удалось, вследствие человеческого превосходства банд эмира.

На помощь тов. Колесову были двинуты советские отряды из Асхабада и Ташкента, которые выручили отряд Колесова из тяжелого

⁵⁵⁹ Сипаи — наемные солдаты в колониальной Индии (XVIII—XX вв.), рекрутировавшиеся чаще всего из среды местного населения.

⁵⁶⁰ *Новая Бухара, или Каган*, — город на территории Бухарского эмирата, основанный в 1888 г. как русское поселение Новая Бухара (так город назывался до 1935 г.) при Закаспийской железной дороге. В городе находилась железнодорожная станция Бухара-1, обслуживавшая город Бухару (Старую Бухару), расположенный в 12 км от Кагана. В Кагане также находилось специальное учреждение, управляющее дипломатическими отношениями между Российской империей и Бухарским эмиратом, — Русское Императорское политическое агентство.

положения. Успех советского оружия, безусловно, был бы обеспечен, если бы не агитация фанатичных мулл, которые подняли окрестную сартовскую массу, разрушившую после этого путь на много десятков верст. Но все-таки в результате целого ряда боев эмир вынужден был подписать мирный договор, коим обязался уплатить Советскому Туркестану все убытки, выдать свою артиллерию, выдать всех русских контрреволюционеров, нашедших приют на территории Бухары и впредь поддерживать добрососедские отношения с русской Советской властью, отнюдь не преследуя младобухарцев за их политические убеждения и достижения.

Эти условия, безусловно, были бы выполнены эмиром, если бы не последовавшие затем события, созданные уже представителями иностранного империализма.

XV

Я покинул Туркестан ровно девять месяцев тому назад. В это время Советская власть во всем Туркестане уже работала в полном контакте с мусульманским пролетариатом. В Туркестанском Совдепе мусульманские большевики являлись равноправными членами. Результатом совместной работы вскоре явилось *провозглашение Туркестанской Советской Республики*⁵⁶¹. Но девять месяцев тому назад над Туркестаном уже нависали тучи: с одной стороны, дутовские банды снова мобилизовывали свои силы, с другой — англичане накапливали свои войска в Энзели и спешно заканчивали постройку железной дороги через Афганистан, чтобы бросить свои силы к Асхабаду.

И английским хищникам это удалось.

К первым числам июля месяца юг Туркестана был оккупирован сравнительно небольшими силами англичан, поддержанными туркестанскими белогвардейцами. Дутов занял Оренбург и отрезал Туркестанский край от его житницы — Поволжья. Казалось, Туркестанская Советская Республика очутилась в безвыходном положении, но вот прошло несколько томительных месяцев, Оренбург пал, и горсточка туркестанцев-коммунистов соединилась с русскими советскими войсками.

Теперь Туркестанский край спасен, он получит хлеб, даст свой хлопок России и получит от нее вооруженную помощь для борьбы с английскими захватчиками. Мы имеем последнюю информацию из

⁵⁶¹ Выделено автором. — прим. Т. К.

Туркестана о том, что 13 января в Ташкенте вспыхнуло белогвардейское восстание. Надо думать, что доморощенная туркестанская контрреволюция, предвидя близкое падение Оренбурга, решила действовать ва-банк, но... карта контрреволюции оказалась битой.

Между прочим маленькая деталь: из газет видно, что мятеж был подавлен отрядом из Поволжья тов. Колузаева⁵⁶². Я знал его. Это бывший фельдфебель, сыгравший видную роль во время Октябрьского переворота. Первый Сибирский стрелковый запасный полк под его — тов. Колузаева — командой действовал против коровиченковских юнкеров и белогвардейцев.

Тов. Колузаев — стойкий коммунист.

Среди фамилий погибших коммунистов я прочел фамилию Першин⁵⁶³. Это старый партийный работник; в мрачные времена Коровиченко смело призывал рабочих и солдат к восстанию, к борьбе за революцию социальную. Тов. Першин умер на своем славном посту. Память о нем будет вечно жить среди нас!

А. Б.⁵⁶⁴

⁵⁶² *Колузаев Георгий Александрович* (1882—1938) — левый эсер, командир вооруженного отряда рабочих железнодорожных мастерских во время подавления Осиповского мятежа в Ташкенте в январе 1919 г. В 1918 г. — член военной коллегии Туркеспублики. В 1918 г. участвовал в Колесовском походе на Бухару. Член туркестанской делегации на переговорах о заключении мирного соглашения с Бухарским эмиром. В 1932 г. отправил на имя М. Горького свои мемуары о Гражданской войне, судьба которых неизвестна. Арестован в 1937 г. Расстрелян в 1938 г.

⁵⁶³ *Першин Александр Яковлевич* (1874—1919) — один из активных участников Октябрьского вооруженного восстания в Ташкенте. После Февральской революции 1917 г. присоединился к большевикам, член исполкома Ташсовета. Делегат 1-го Всероссийского съезда Советов, был избран членом ВЦИК. В октябрьские дни 1917 г. — член Ташкентского ВРК. Заместитель председателя Исполкома Ташкентского Совета. С марта 1918 г. — комиссар продовольствия Туркестанского края и Туркестанской Советской Республики. Расстрелян во время Осиповского мятежа в составе 14 туркестанских комиссаров.

⁵⁶⁴ Один из псевдонимов А. Гзовского.

ПОЛУМЕСЯЦ И КРАСНАЯ ЗВЕЗДА (ТУРКЕСТАНСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ)

Предисловие

В эгоистичный и неизвестный далекий край приглашаю тебя, читатель. Но перед тем как приведу я свои туркестанские воспоминания, хотел бы написать пару разъясняющих слов и познакомить читателя не только с границами нахождения флоры и фауны некогда утопавшего в богатстве, а ныне полностью уничтоженного большевиками края, но отразить прежде всего условия хозяйственной, политической и общественной жизни, которые существовали в Туркестане и в российских среднеазиатских провинциях до Октябрьского переворота большевиков.

До последнего часа большевики не прекращали ширить свои угрозы, что Красная Армия предпримет поход на Индию, пока дорога ведет через Туркестан. Если бы Советы в действительности желали реализовать свой красно-империалистический план и двинулись на восток, чтобы призвать к бунту местное население, то главной основой для поддержки их намерений стал бы Туркестан.

Последующий раздел убедит читателя, насколько население Туркестанского края готово принять и поддержать идеи Маркса, насколько хорошо мусульманский полумесяц может сосуществовать с «красноармейской» звездой.

Побледнел ли тот полумесяц или же загорелась яркими искрами красная «звезда Соломона» — на этот вопрос пусть ответит сам себе непредубежденный читатель.

Тридцать с лишним лет мне, поляку, суждено было проживать за границами Польши: несколько лет я провел в Сибири, а затем в Туркестане. Скитался я по всем областям этого края: был в Семиречье, жил в Ташкенте, проводил время Ферганском и Самаркандском округах, заглядывал в Хиву и Бухару, а также в Закаспийский край, населенный отважными текинцами, которые сыграли немалую роль в истории антибольшевистского движения в России.

Нечто из того, что я видел и пережил в Туркестанском крае, называемом блестящей жемчужиной в российской короне, я записал — и эти заметки представляю польскому читателю.

Я знаю, что множеству поляков, проживавших в среднеазиатских провинциях, удалось тем или иным образом вырваться из большевистского Туркестана, но я, однако, не сомневаюсь, что некоторые

семьи и единицы не сумели этого сделать, не рискнули преодолеть длинную и полную опасностей дорогу и далее страдают в «красном Туркестане» под ярмом присланных туда московских бандитов.

Горстке этих несчастных соотечественников посылаю сердечные слова.

Разделяет нас много тысяч верст, нужно проехать множество земель или морей, чтобы достичь Туркестана, но мысль наша помчится и через огромные расстояния, через леса, степи, моря и горы пусть долетит до них наш крик:

— Будьте же мужественны! Мы не забыли о вас!

И там, за тысячи верст от Отчизны, будет горячо пылать польская кровь. 27 октября 1917 г. на улицах Ташкента боролись с большевиками также и поляки³⁶⁵. В действительности организованный там польский отдел был нейтральным, тем не менее, однако, польские солдаты и офицеры участвовали в боях за город.

В двух шагах от меня пал молоденький офицер, тяжело раненный пулей одичавшего солдата. Он знал, что я тоже являюсь поляком. И поэтому, умирая, жалостливо просил меня, чтобы я, если когда-нибудь окажусь в Варшаве, поведал его родственниками горькую весть о его смерти. Я обещал. Сейчас я живу в Варшаве, но выполнить данного тогда обещания не могу. Имя и фамилия этого мученика стерлись в моей памяти. Угнетенный впечатлениями той минуты, я забыл его имя, несмотря на то, что и прежде неоднократно мы встречались. Но так живо восстают в моей памяти минуты его трагической гибели: и поныне видится мне утасоющий блеск его глаз.

Киргизы

В старых учебниках географии читаем: «Азиатская Россия включает в себя Сибирь и так называемые среднеазиатские провинции, которые занимают свыше трех миллионов квадратных верст. Границу азиатской России составляют...» Впрочем, к черту учебники. Скорее садитесь рядом со мной, милый мой читатель, в удобный спальный вагон, который через пару минут отходит из Самары,

³⁶⁵ 27 октября 1917 г. в Ташкенте произошло вооруженное восстание, в результате которого власть в городе захватила коалиция левых эсеров и большевиков.

и поедем вместе в Туркестанский край, завоеванный русскими войсками под руководством генерала Кауфмана⁵⁶⁶.

Уж третий звонок... Мелькнула на перроне фигура царского жандарма... Едем...

До Оренбурга вдоволь насладитесь вы зелеными степями, и вскоре приедем на станцию Аральское море — где я что-то вам покажу. Остановимся мы, читатель, в Казалинске⁵⁶⁷ (район Сырдарьи, Северный Туркестан), поскольку в 25 верстах от этого поселения живет в «кибитке»⁵⁶⁸ мой старый приятель-киргиз Изды-Лео, с которым я неоднократно охотился. Посмотрим, как живут киргизы, один из народов, населяющих Туркестан.

Что же это? За Оренбургом такой зной? О, да! Ну и что ж до этого! Видите исчезающие в нескончаемой степи заросли сухой колючей травы, которую жадно поедают верблюды? Киргизы ездят на верблюдах. Вихрь поднимает сухой обжигающий песок, жара свыше 40 градусов, а они в длинных халатах и высоких меховых шапках. И я подтверждаю, что в таких костюмах невыносимый зной — не столь изнуряющ. В отдалении виднеются палатки кочующих киргизов: сегодня они здесь, а завтра — где-то далеко. На протяжении лета преодолевают они сотни и тысячи верст. Богатые кочевники являются хозяевами от 300 до 500, а иногда даже и 800 верблюдов и овец, а бедные имеют только два или три десятка.

Пропитанием киргизам служат мясо, молоко, масло. Народ этот не отличается особенной чистоплотностью, но «кибитки» богатых киргизов в целом выглядят опрятно, и на полу и стенах висят «кошмы»⁵⁶⁹ ручной работы. Отличается этот народ гостеприимностью... — впрочем, что рассказывать: поезд стоит, выйдем, дорогой читатель, на вокзал.

Овеял нас обжигающий ветер. Ничего не бойтесь. В течение двух, трех недель Вы привыкнете, пожалуй, — человек ко всему привыкает.

⁵⁶⁶ *Константин Петрович фон Кауфман* не принимал непосредственного участия в руководстве русскими войсками на начальном этапе операции по завоеванию Туркестана в 1864—1867 гг. В 1867—1882 гг. Кауфман был первым генерал-губернатором Туркестана и командующим войсками Туркестанского военного округа. За эти годы к империи было присоединено Кокандское ханство, а над ханствами Хивинским и Бухарским был установлен российский протекторат.

⁵⁶⁷ Ныне железнодорожная станция Казылы, Республика Казахстан.

⁵⁶⁸ Кибитка — тип переносного жилища у кочевников.

⁵⁶⁹ Толстый ковер. — *прим. авт.*

Знакомый мне командир полка — в Казалинске стоит российский полк — дал нам тарантас, запряженный тройкой полудиких коней, и вот мы мчимся по пустынным и понурым улицам этого поселения.

Вокруг низенькие мазанки, кое-где бродят поросята, поодаль сидят два-три старца с открытой бронзовой от солнца грудью. Где-то там несколько лучших и чистых домов: в них живут российские чиновники, которые являются пионерами «европейской» культуры и за это собирают с киргизов взятки.

Мчимся в степь. Июль. Трава выжжена. Можно ехать, покуда есть силы, — как по мостовой.

— Через эти степи, — послушайте, — двигались когда-то на Россию тысячные орды Тамерлана⁵⁷⁰.

«А в тысяча девятьсот двадцатом году от рождества Христова, — добавляем мы мысленно, — киргизы, жители этих степей, вместе с красноармейцами направлялись к Варшаве»⁵⁷¹.

Киргизы носили на шапках «звезду Соломона», шли под красными знаменами, — но не думайте же, ради бога, чтобы этот киргиз, едущий на верблюде вместе со своей женой, имел хоть что-то общее с социализмом или коммунизмом!

«Богатый — двести, бедняк — десять верблюдов имеет, Аллах на небе, которому следует молиться, в городе — управляющий, которому нужно давать взятки» — вот и все мировоззрение киргизов.

Главная забота киргиза — это выкармливание и уход за стадом, да сбор «калыма»⁵⁷² для соседа за его молоденькую дочку. Иногда «калым» выплачивается в течение ряда лет, из-за чего дочка выходит замуж уже в зрелом возрасте и становится женой и работницей своему мужу.

Тарантас мчится, зной все припекает, и внезапно радостный крик:

— Что за дивное озеро! Что за пальмы!

Наш возница усмехается и добавляет:

— Что вы, нет здесь никакого озера! Это лишь мираж! Это стоящих там вдаль верблюдов приняли вы за пальмы.

Мы недовольны, и поэтому возница старается нас развеселить:

— Смотрите: это стая дроф, — указывает на нее кнутом.

⁵⁷⁰ *Тамерлан, Тимур* (1336—1405) — среднеазиатский завоеватель, основатель империи и новой правящей династии Тимуридов со столицей в Самарканде.

⁵⁷¹ Вероятно, речь идет о Советско-польской войне 1919—1921 гг.

⁵⁷² Выкуп. — *прим. авт.*

И действительно, по степи бегают весьма больших размеров дрофы на расстоянии в полверсты от нас, но невозможно к ним подойти, хотя не раз удавалось подъехать. За время моего пребывания в Туркестане забил я таких дроф пять штук.

Через час мы оказываемся у цели.

Кони останавливаются перед юртой киргиза Изды-Лео. Посидим у него минутку и отдохнем, а потом проводит он нас в камышовые заросли озера. Из юрты выходит высокий, широкоплечий и мускулистый Изды-Лео, с редкой бородой и покрытым загаром лицом.

— Амана!⁵⁷³ — и с этим приветствием он поворачивается к нам и протягивает ладони. После приветствия проходим мы в юрту. Как же тут прохладно! Ах, как приятно передохнуть после степного зноя.

Появляется жена Изды-Лео, тридцатилетняя некрасивая киргизка, и приветствует нас, пожимая руки. Киргизки не скрывают своего лица и не боятся, подобно сартянкам⁵⁷⁴, мужского общества, но не следует слишком долго с ней разговаривать, потому что Изды-Лео, как и все киргизы, очень ревнив. Он может уважать гостя, сердечно принимать его в своем доме, но разговоры чужих с его женой причиняют ему неудовольствие.

Изда-Лео угощает нас молоком. Пьем его из-за жажды, но с омерзением. Наш хозяин беден: имеет он только десять верблюдов и тридцать овец. В юрте, где внутренне убранство весьма бедное, кроме двух сундуков и одной «кошмы» — больше ничего нет. Утоптаный земляной пол. В центре юрты очаг, на котором готовят воду и баранину.

Мы привезли нашему радушному хозяину сахар и водку, чем сильно его обрадовали. Бедняк сетовал на дороговизну и жаловался, что в селении нет муки и хлеба.

После захода солнца мы взяли ружья и двинулись в заросли.

— Охота без собаки? — спросите Вы.

— Эге, собака здесь не нужна, заменит ее нам Изды-Лео. Киргиз лучше всякой охотничьей собаки отыщет убитую или раненую утку.

Сидим в камышовых зарослях озера.

⁵⁷³ Приветствую Вас! — *пер. авт.*

⁵⁷⁴ Обязательным элементом одежды сартянок была паранджа — верхняя одежда, представляющая собой халат с длинными ложными рукавами и с закрывавшей лицо волосяной сеткой (чачван).

Большая стая чибисов самых разных видов парит над нами. Взывают вверх цапли. Стреляйте, но немного, нечасто, потому что этим же вечером тысячи уток пролетят над Вашей головой, поэтому поберегите же патроны для этой дичи.

Солнце уже село. Охота закончена. Вы подстрелили шестьдесят три утки, а я — семьдесят. Нагруженные, идем мы к тарантасу.

Ночь. Холодно. Вы жалуетесь, что не взяли шубу; днем об этом Вы не думаете, забывая, что климат здесь континентальный.

— Как радушен Изды-Лео! Кажется, что киргизы, — говорите Вы, — приятный народ.

— И в самом деле! Но иногда любят они совершать набеги на сартов. Не здесь, а в окрестностях Ташкента. В Семиречье воюют они с пришлыми казаками⁵⁷⁵.

Во время войны киргизы постоянно устраивали восстания против российской власти, проводившей мобилизацию населения для работы в тылу⁵⁷⁶. Повстанцы сровняли с землей множество поселений, но также много киргизов погелло от рук карательных отрядов.

Сарты

Я привел тебя, читатель, в Ташкент. Наслаждайся европейской частью этого города, который невозможно не любить. Кто хоть раз бывал в нем, никогда уже не забудет его живописной красоты.

Широкие улицы-аллеи. По обе их стороны ряды деревьев и кусты белой акации. Справа и слева параллельно с тротуарами — «арыки», то есть оросительные каналы, сеть которых опутывает целый город и его окрестности. Это все преображает город в загадочный, сказочный оазис, тонущий в благоухающих садах, тополях и цветах.

Цветы!.. Растут они на улицах, бульварах, в садах, продаются на каждом углу. Прекрасный букет из очаровательных чайных роз, ты можешь получить, читатель, только за пару грошей.

А фрукты! Дыни, арбузы, виноград различных ароматных сортов, абрикосы, груши, персики — все это за бесценок!

Вечером мы в ресторане. Значит ли это, что мы в душном зале?

⁵⁷⁵ Имеются в виду семиреченские казаки. Эта группа казаков, проживала в Семиречье (на юго-востоке современного Казахстана и севере Киргизии).

⁵⁷⁶ На самом деле в период Первой мировой войны произошло одно, но очень масштабное восстание киргизского, казахского населения и других народов Туркестана против принудительного призыва на вспомогательные работы в тыл действующей русской армии летом — осенью 1916 г.

Ничуть! Находимся мы в саду. На деревьях электрические лампочки, под каждым деревом — столик, накрытый скатертью, и за столиками сидят европейцы: русские, поляки, немцы, евреи, англичане и другие. Прибыли они сюда на службу на чрезвычайно выгодных условиях, либо зарабатывают большие суммы денег продажей масла, риса, хлопка, сушеных фруктов, шелка, текинских ковров и прочего.

В стороне на «кошмах» (коврах) сидят туземцы — сарты в своих разноцветных халатах, без конца пьют чай, едят «пилав»⁵⁷⁷ и курят кальян. Так могут они сидеть часами и неспешно беседовать только о торговле.

Пятьдесят лет назад не было русских в этих краях. Во дворце и крепости жил правитель Туркестана: хан, который управлял своими владениями согласно законам шариата. Но на край этот напали русские войска, разбили слабые и не имевшие боевого духа отряды хана, а самого властителя низложили с трона⁵⁷⁸.

Сарты, так или иначе, без протеста поддались русскому господству и с легким сердцем переносили неволю. Только дважды хватались они за оружие, и порывы эти были вызваны нечеловеческим обхождением с ними российских чиновников, а также мобилизацией во время войны туркестанских туземцев, которые были отправлены в тылы армии на принудительные работы.

Свой азиатский нрав сарты стойко берегли. Сарт торгует, почитает Коран и платит подати. Далек он от политики, и только старые муллы или бедные дервиши⁵⁷⁹ в своих песнях напоминают сартам о давнем, великом и независимом Туркестане, предрекая возвращение ханов и изгнание пришлых победителей.

Некоторые муллы и богатые торговцы мечтают о том, чтобы сбросить российское ярмо и установить власть турецкого султана над Туркестаном.

Спозаранку пойдем, читатель, в Старый город, в самый центр жизни городских «иноплеменников». У Вас вызывают удивление

⁵⁷⁷ Баранина с рисом (*прим. авт.*). Имеется в виду плов. — *прим. Т. К.*

⁵⁷⁸ А. Гзовский был либо плохо знаком с историей Ташкента, либо сознательно упростил ее, адаптировав для польского читателя. До прихода русских Ташкент принадлежал Кокандскому ханству, и в городе, а не во всем Туркестане (этот термин, как обозначение административной единицы в составе Российской империи, использовался русскими) находился в качестве правителя ставленник кокандского хана — Худояр-хана — мулла Алимкул.

⁵⁷⁹ Дервиш — аскет в исламе.

маленькие, кривые улицы, целый лабиринт улиц, и в задумчивости спрашиваете про окна.

Окна, мой друг, выходят во двор. Улицы азиатских городов — это стена налево, и стена направо. Только войдя во двор, увидите Вы дом, тонущий в зелени сада, дверь и окна.

Мы еще заглянем в один из таких дворов, когда направимся проведать нашего знакомого, купца Ша-Исхакова⁵⁸⁰, а сейчас на минутку зайдем в торговую часть города. Смотрите: магазины с обеих сторон, а крыши, соединенные досками, образуют что-то наподобие туннеля. Здесь полумрак, но и прохлада. Пятьдесят магазинов с изюмом, сорок, один за другим, с шелковой материей, тридцать магазинов с рисом, семьдесят с различными тканями и прочее. Магазины эти очень маленькие, в некоторых покупатели сидят на полу, курят «кальян» и ожидают возвращения купца, который ушел домой на обед.

Сарты — порядочные люди, и если в последнее время и постигли они воровскую науку, то только благодаря этому перенятому свойству смотреть на все «русским взглядом».

Может быть, желаете купить себе национальный костюм сартов: халат, тюбетейку⁵⁸¹, тапки и платок, чтобы подпоясывать халат? Вы все же имеете право носить платок, но если бы бухарский еврей⁵⁸² купил бы себе такой платок и подпоясался, сарты бы его убили — потому что еврей, по их мнению, это существо низшее, и может он подпоясывать себя только веревкой, и в присутствии мусульманина не имеет права садиться даже на осла.

Сарты не любят евреев, а особенно ненавидят армян, живущих в Туркестане. Хитрый и назойливый армянин всегда обманывает сарта при покупках, и этого сарт никогда не может ему простить.

Но заглянем теперь в дом нашего друга: две женщины-сартки, завидев нас, вскрикнули и, поспешно набросив на лицо платки, убежали в женскую половину дома Ша-Алима Ша-Исхакова.

Ша-Алим, тучный старец пятидесяти лет, с добродушным лицом, приветствует нас и приглашает в мужскую половину дома. Входим. Большая комната, круглая, устлана большими дорогими коврами; под стенами лежат подушки и сложены красные шелковые покрывала: вот и вся обстановка.

⁵⁸⁰ Биографические данные установить не удалось.

⁵⁸¹ Шапочка. — *прим. авт.*

⁵⁸² Бухарские евреи — этническая группа евреев, традиционно проживающая в Средней Азии.

Садимся на ковры и опираемся спинами о подушки.

Хозяин приказывает слугам подать сладости: мед, конфеты, виноград, изюм, пряники, дыни. Рассказывает он нам о своих торговых операциях и затем с загадочным лицом шепчет о своей новой, недавно приобретенной, молодой жене.

Ша-Алим имеет четыре жены: первая, старшая жена, — в возрасте сорока лет, вторая — тридцатилетняя, третья — двадцати пяти лет, и четвертая — семнадцатилетняя, молодая, как ранняя весна. Жены живут отдельно, каждая из них ведет собственное хозяйство и обладает соответственным количеством халатов, ковров и одеял.

Женщина, по мнению сартов, является вещью, собственностью мужа — и ничем более. Если она изменит своему мужу, хотя измены случаются редко, будет она убита, либо выгнана из дома. Вот и весь кодекс традиционной жизни.

Впрочем, и вся жизнь сартов проста.

Богатый сарт имеет четыре жены, двести одеял, триста халатов, пятьдесят ковров, каждый день ест «пилав» и шашлык и богато одевается. У бедняка же одна жена, два одеяла, три халата и один ковер; только два раза в неделю ест он пилав и шашлык и одевается просто и скромно.

Классовой борьбы между сартами нет. Бедняк и богач одинаково пять раз на дню молятся и ходят в мечеть, одинаково верят в божие благословение и одинаково уверены, что «Бог не посылает богатства грешникам». Богатство здесь не является предметом зависти, но каждый бедняк стремится разбогатеть.

Когда киргиз старается отдать своего сына в гимназию или университет, богатый сарт смотрит на это как на преступление в трактовке шариата.

Прадед Ша-Алима жил точно таким же укладом, как ныне живет сам Ша-Алим, внук же Ша-Алима обязан следовать примеру своего деда. Никаких отступлений от вековых правил, те же самые верования и те же самые обычаи.

Сарт не идет в школу. Он закончит только «медресе», школу при мечети, а затем займется торговлей, чтобы стать хозяином четырех жен, трехсот халатов, пятидесяти одеял и тому подобного. Так было всегда, и так будет в будущем. Вот и весь догмат сартов.

Одна наука, которая признается, это Коран. Стараться познать и углубить свои познания, обрести почтительное звание «улем»⁵⁸³ означает у них стать ученым в вопросах религии.

⁵⁸³ Улем — знаток теоретических и практических сторон ислама.

Однако отмечу: существует все же у сартов партия, так называемых «младосартов», но имеет она лишь незначительное количество последователей, которые ничем не отличаются от своих дедов, разве что своим европейским платьем, которое носят, никогда, впрочем, не расставаясь со своей национальной шапкой⁵⁸⁴.

Я сам видел, как во время Керенского⁵⁸⁵ на заседании Ташкентского Совета младосарты прервали заседание, чтобы пойти в мечеть на молитву, неоднократно совершали молитвы в зале, украшенном красными знаменами, в присутствии своих русских товарищей.

Я совершенно уверен, хоть большевистским шантажистам и удалось создать какую-то коммунистическую мусульманскую партию, все это фальшивое, не имеющее ничего общего с туркестанским мусульманством, потому что принадлежит к ней сартовская молодежь в длинных халатах, молящаяся пять раз в день в мечети, вместе с тем украшенная красными звездами, чтобы получать «паек» и облегчить долю арестованных стариков-улемов.

В августе 1917 года в Туркестане произошло следующее событие: в Совет было приведено пятьдесят голодных киргизов, ни слова не говорящих по-русски, которых накормили и записали в большевистскую партию: эти «коммунисты-киргизы» долго еще заседали в Совете, а во время голосования всегда послушно выполняли распоряжения своих «русских товарищей».

Время Керенского

Свержение монархии и созыв Временного правительства нашли наибольший отклик только в русской части Туркестана. Сарты, узнав, что «нет больше паши⁵⁸⁶», недолго его жалели и в целом не изменили своего образа жизни. Тем временем гарнизон Туркестана неустанно «углублял революцию» уже не только со дня на день, но с часу на час.

Еще 12 июля 1917 г. взбунтовавшиеся солдаты убили начальника округа генерала-майора Черкеса и выбрали поручика Перфильева, большевика, своим начальником. Это новое руководство не признали офицеры, кадеты и юнкера, которые за это и были разоружены.

⁵⁸⁴ Имеется в виду национальный головной убор — тюбетейка.

⁵⁸⁵ Вероятно, имеется в виду период Временного правительства, главой которого был А. Ф. Керенский.

⁵⁸⁶ Имеется в виду русский царь.

Через пять дней разоруженная юнкерская школа ночью атаковала крепость, завладела арсеналом и сумела вооружить всех прибывших в крепость офицеров и кадетов.

В городе установилось две власти, одна — крепость «белогвардейцев», другая же — Красная Армия под руководством Перфильева и его заместителя, товарища подхорунжего Стасикова.

Об этом тотчас же уведомили Керенского, и он сразу же выслал в Ташкент нового начальника округа — генерала Коровиченко, а в качестве представителя Временного правительства в Ташкент был направлен социал-демократ, меньшевик, Илья Шендриков.

Вместе с Коровиченко прибыли: казачий полк и бронированные автомобили.

Вместо того чтобы разоружить повстанцев, арестовать их руководителей, Коровиченко, следуя примеру Керенского, начал успокаивать восставших, но это никак не повлияло на «товарищей», и такое брожение продолжалось вплоть до Октябрьского переворота.

«Нужно действовать»

Я закончил вводную статью. Я стараюсь доказать в ней, что нельзя медлить, забавляться игрой в либерализм, а нужно действовать. Отдаю статью в печать и в десятый раз читаю депешу из Петрограда.

— Ночью фактически началось восстание.

Так, там уже началось. А когда у нас?

В городе неспокойно. Каждая газета сообщает о том, что «товарищи» Цвилинги, Колесовы, Перфильевы и пятеро других подполков готовят «переворот», но, однако, господа из Белого дома⁵⁸⁷ — генеральный комиссар Коровиченко, его заместитель Доррер и представитель Временного правительства И. Шендриков — мешкают, постоянно советуются между собой, а в действительности не могут решиться на какое-либо действие.

Глубже я чувствую и все сильнее убеждаюсь, что нужно решиться на серьезный шаг, нужно в конце концов разоружить бурлящие полки. Есть у нас все средства: юнкера, офицеры, казаки. Есть пулеметы, бронированные автомобили, артиллерия. В случае необходимости на помощь придут сарты, из Семиречья двинется генерал Кияшко, из Оренбурга поспешит генерал Дутов, и — сомнем большевиков. Спасем край.

⁵⁸⁷ Белый дом — бывшая резиденция туркестанского генерал-губернатора.

Ведь это и так ясно, как белый день, нет никаких сомнений в этом, но, однако, в Белом доме и в крепости колеблются и тянут время... Боятся двинуться с места! Спасают революцию! Ведут переговоры с большевиками!..

Генерал Коровиченко, замечательный военный юрист, будто бы блестяще справился с трудной миссией — вывез царя с семьей из Царского Села в Тобольск — сейчас оказался вовсе неподходящим человеком. Он поступил бы разумно, передав власть в руки энергичного Шендрикова. Но этого он все же не хочет сделать и уверяет:

— Увидите, как я укрошу этих бунтовщиков без малейшей капли пролитой крови!

Посмотрим! Увидим! Но пока дела наши плохи. Солдаты спят в казармах с карабинами, выбросили офицеров и выставили в окна пулеметы. Город разделился на два лагеря: с одной стороны — солдатско-рабочий район, с другой — крепость и Белый дом. Сегодня противники еще только друг друга обругивают, но что будет завтра?

В воздухе уже явно чувствуется запах крови и пороха...

Рано утром иду к руководству бригады. Старик, генерал Мухин, уже на посту.

— Что ж, Ваше превосходительство, так рано? — спрашиваю я.

— Гм! Как же так, Вы уважаемый, редактор, а ничего не знаете? — прозвучал ответ. — Нельзя отдыхать, когда зреют важные решения...

Он попросил закрыть дверь и шепотом добавил:

— Руководство наше наконец решилось. Разоружение полков уже началось. Второй стрелецкий полк был разоружен почти без борьбы, только один солдат убит и один юнкер ранен. Но я опасюсь, что с первым полком так не получится. Они крепко обороняются и не думают сдаваться. Может дойти до столкновения...

— Ах, так! Главное, чтобы хватило сил, Ваше превосходительство, и разоружат! Вот казаки...

— Хватит расхваливать казаков! — прервал меня генерал. — Только четыре сотни явились, две заявили о своей нейтральности.

— Четыре сотни? Достаточно! Пятьсот юнкеров, а еще кадеты, офицеры — даже слишком!

— Не знаю. Посмотрим, — ответил генерал, с недоверием кивая головой. Распорядился подать бумаги на подпись.

В эту же минуту в кабинет ворвался военный начальник.

— Ваше превосходительство! — быстро бормотал он в волнении. — Рядом с вокзалом началось сражение. Уже строчат пулеметы!

— Господа! Быстро вперед!

Мы поспешно выходим, взволнованные и нервные.

Издали доносился грохот выстрелов. Генерал Мухин, кавалер ордена Святого Георгия, герой Путиловской «сопки», остановился и стал прислушиваться:

— Тааак! У нас битва, которую, впрочем, мы с позором проиграем, — безнадежно промолвил он и ускорил шаг.

— Почему же, господин генерал? Почему такое смирение? — спрашиваю я.

— Недостает нам воли к победе, всюду неуверенность, сомнения, — продолжал он с грустью. — А у них, — добавил он с горечью минуту спустя, — шантажисты вроде Стасикова работают с самоотдачей и энергией.

После этого он всю дорогу шел в молчании. При прощании, протягивая ладонь, он внезапно заговорил, цедя слово за словом:

— Как Вы полагаете, лучше в грудь или в голову?

— Что это значит?

— В случае самоубийства что же лучше?

Я внимательно всмотрелся в лицо старого генерала. Иногда любил он болтать вздор, когда напивался, но сейчас он был совершенно трезв.

— Прошу Вас не удивляться, господин поручик, — сказал он, слегка усмехнувшись. — Вы пойдете туда, — он указал на вокзал, — а мне бегать с карабином уже не пристало. Все вы погибнете, и тогда и нас не пощадят. Будут нас убивать по очереди, одного за другим, так, может, лучше уж самому это сделать? Пулю в рот и — баста! — движениями рук он иллюстрировал свои слова.

— Если события будут развиваться так, то — лучше! — согласился я с господином генералом.

Отсалютовал ему и двинулся дальше. Выстрелы раздавались непрерывно. В редакции пусто. Правда, сегодня же праздник.

Возвращаюсь домой.

На фронте

Всю ночь не мог я сомкнуть глаз. Да и кто бы мог задремать хоть на миг? Стрельба продолжается неустанно. Пулеметы надсад-

но стрекочут в разных частях города. Время от времени слышно тяжелые грохоты орудий. Кто с кем и где сражается — ничего не знаю.

Рано утром пришли ко мне коллеги-офицеры. Все жалуются, что генерал Коровиченко не отдал офицерам приказа явиться. Ходят слухи, что добровольно явились только некоторые, остальные же сидят по домам и ждут решения своей судьбы. Нужно что-то делать. Решаем идти к Белому дому.

Какая-то пани предупреждает нас:

— Господа офицеры, не ходите. По офицерам стреляют с крыши и из-под крыши!

Не прислушавшись к предупреждению, отправляемся в дорогу и, счастливые, предстаем перед целью.

В Белом доме необычайная оживленность. Офицеры, чиновники, кадеты, юнкера, гражданские. Каждому желающему выдают оружие.

Мы тоже получаем оружие и присоединяемся к только что образовавшемуся отряду из тридцати человек. Стоя в шеренге, стискиваю карабин. Ко мне подходит начальник штаба, полковник N, и с усмешкой говорит:

— Ну, господин редактор, хорошо, что и Вы идете с нами. Будете свидетелем того, как большевики бросают оружие. Красные уже капитулируют.

— Капитулируют? — удивленно переспрашиваю я. — Но что же означает несмолкаемая стрельба?

— Это только озорство!

Наш отряд выдвигается. В «штабе фронта», как оказалось, никто вовсе не слышал о намерении красных сдаваться. Скорее наоборот: сражаются со все большим запалом.

Вскоре принесли раненых. Это юнкера — еще безумные юнцы — и какой-то военный чиновник.

«Командующий фронтом», какой-то подполковник передает под мое командование тридцать «белогвардейцев» и приказывает мне занять двор:

— Направо, казаки! Поддерживайте с нами связь. Вы должны отбить атаки красных.

Выдвигаюсь «в поле» выполнить приказ. Стою во главе отряда, который наполовину состоит из учеников, нескольких гражданских, среди которых оказался какой-то бывший государственный советник шестидесяти лет. Я оцепляю двор, который, как оказа-

лось, уже был захвачен казаками в количестве пятидесяти человек.

— Кто вами руководит? — спрашиваю хорунжего.

— Николай Чудотворец... — понуро отвечает он и начинает жаловаться на порядки: — К черту такую битву без плана, без координации действий. Каждый делает, что ему нравится. Стреляют нас как куропаatok!

Трое учеников и я карабкаемся на чердак какого-то дома. Я оглядываюсь: никого не видать, а эта дьявольская стрельба продолжается. Стреляют с чердаков, из окон, из-за углов домов, из подвалов.

Глупое, бессмысленное убийство.

Нужно только приказать двум-трем отрядам атаковать по очереди пару домов и кварталов, и неприятель разбежится, — на такой шаг «белым» не хватает воли, у них продолжаются совещания, дискуссии, свары и колебания.

Через некоторое время раздается приказ:

— Прекратить стрельбу! Заключено трехчасовое перемирие.

Выходим за ворота. Улица заполнена людьми с белыми флагами: они идут к красным.

— Что же? Идете заключать с ними соглашение? — спрашиваю я с иронией.

— Да. Уж достаточно вы все перепортили нам крови! — с заметной ненавистью отвечает мне известный в городе врач К-к.

Раздался один, затем второй залп. Красные разорвали перемирие и застрелили двух казаков. Мы врываемся во двор, стреляя во все стороны.

По улицам мелькают сестры милосердия с носилками: их лица спокойны, их улыбки добры. Просвистели пули. До нас долетают крики:

— Убить их! Это шпион «белогвардейцев»!

А они идут вперед, подходят к раненому, поднимают его, кладут на носилки и отходят в героическом спокойствии.

Стрельба продолжается до сумерек.

Отступление

Я звоню в штаб, откуда мне приходит необычная весть:

— Все отступили на линию городского сада.

О нас забыли!

Начинаем и мы поспешное отступление. Наталкиваемся на большевистских разведчиков. С тыла атакуем большевистские по-

сты. Красные, захваченные врасплох неожиданной атакой, кричат:

— Товарищи, спасаемся, нас обошли!

И боятся нас, а мы — их.

Все собрались в городском саду. Обсуждают свое положение. Всеобщее одурение вызывает вопрос:

— Кто отдал приказ? Почему?

— Коровиченко подписывает соглашение с большевиками, — отозвался кто-то.

Я направляюсь к крепости и удостоверяюсь, что это... правда!

Коровиченко обсуждает условия соглашения с повстанцами. Офицеры негодуют, юнкера плачут. Кто-то из высших военных чинов угрожает Коровиченко арестом. Однако и он, и Доррер невозмутимы и полны решимости.

Я пробираюсь к зданию почты, где мне удастся соединиться с ее защитниками. Настрой среди них отличный — они ничего не знают о том, что творится в крепости. Они преисполнены надежды и отбивают одну атаку за другой...

Последняя ночь

Уже четвертый день бессмысленных переговоров и бесцельной стрельбы. В руках «белых» еще остаются город и крепость. Остальное же, за исключением старого города, перешло в руки красных.

Поэтому сарты, сохраняя нейтралитет, забаррикадировали вход в свой город и никого не пропускают: ни «белых», ни «красных».

Настала ночь, полная тревоги и сомнений. Нам известно, что мы находимся во вражеском окружении и только хитростью можем прорваться через отряды красных, потому что к большевикам подтянулся полковник Шмидт⁵⁸⁸ во главе «кушкинцев», вместе артиллерией.

Нам об этом известно, но мы остаемся на своих постах.

Близ полночи прогремели пушки.

— Что же это может значить? Неужто Коровиченко решился начать активные действия? Слава Богу! Тем более что пришли депеши из Оренбурга и Верного, что Кияшко идет с казаками и артиллерией к нам на помощь. Только бы продержаться еще несколько дней!..

⁵⁸⁸ В штабе Туркестанского военного округа имелись сведения, по данным разведки, что полковник Шмидт — германский шпион, прибывший из Риги: Гнесин Ф. Туркестан в дни революции и большевизма (краткое описание хода событий в Ташкенте, март — декабрь 1917 г.) // Сопротивление большевизму 1917—1918 гг. М., 2001. С. 537—548.

Внезапно воцарилась мертвая тишина. Через некоторое время бегаёт какой-то переодетый юнкер.

— Крепость сдана! Спасайся, кто может!

Коротко сказал нам:

— «Приказываю сдаться, — генерал Коровиченко».

Боль стиснула мне сердце. Полный горечи, я ломаю карабин, срываю эполеты, выскакиваю на улицу.

Вокруг темно и мрачно. Перемахиваю через заборы, мчусь через сады, прижимаюсь к стенам, неподвижно лежу в оврагах...

Побег

У одного из знакомых чиновников я нахожу убежище до утра. От него получаю гражданский костюм и совет:

— Постарайтесь попасть в Старый город. Говорят, что там спокойно и много людей там укрылось.

Я выслушал совет и отправился в путь. Через пару шагов меня останавливают и обыскивают.

— Ты кто такой?

— Я? Цирковой клоун. Знаешь «Рыжего»? Это я!

— Ха-ха-ха! Прекрасно знаю. Марш!

Где-то слышны крики баб:

— Генерала — коменданта арестовали и потащили на гауптвахту. Поговаривают, что на площади будут расстреливать...

Вижу схваченных офицеров и юнкеров. Многие из них избиты, истекают кровью... На улицах всюду лежат трупы...

На входе в старый город меня останавливают несколько вооруженных сартов.

— Кто вы? — спрашивают.

— Я офицер!

— Идите с Богом!

Спустя два часа я нашел дом своего издателя — сарта. Он встречает меня с распростертыми объятиями. Спрашивает: закончилось ли сражение, можно ли возобновить торговлю?

Отлеживаюсь на диванах и подушках, ем шашлык и «пилав».

Через два дня звоню в бригаду.

— Где генерал Мухин? Что с ним происходит?

— Застрелился. Пришли его арестовывать, двоих положил на смерть, а потом и сам застрелился. В рот!⁵⁸⁹

⁵⁸⁹ А. Гзовский определенно пишет о самоубийстве генерала Мухина. Ф. Гнесин в воспоминаниях не приводит точных сведений о его смерти (застрелили или застрелился сам). См.: *Гнесин Ф.* Туркестан в дни революции

- А остальные?
- Коровиченко и Доррер арестованы. Шендриков сбежал.
- Тааак!..

Через неделю я выбираюсь из своего убежища, иду на вокзал и уезжаю в Коканд. Там спокойнее и тише. О большевиках едва ли знают понаслышке.

Выезжаю в Самарканд. Там тоже мир...

Медовые месяцы большевизма

Я остаюсь в Самарканде. Познаю город, мечети, изучаю архитектуру, мавзолеев над могилой Тамерлана. Восхищаюсь красотой Востока, вслушиваюсь в древние напевы дервишей.

В Самарканде издают «буржуазную» газету, главным редактором которой является независимый социалист Никифоров⁵⁹⁰; и я пишу в ней время от времени. Как-то раз, вернувшись из редакции, я обнаружил на письменном столе телеграмму: «Прошу приехать. Разрешено издавать газету».

Без промедления прибываю в Ташкент. На вокзале встречаю одного из издателей.

— В самом деле разрешено? — спрашиваю.

— Да. Они поступают либерально, соблюдают свободу слова. Вместо «Туркестанского курьера» издаем «Туркестанский вестник».

— «Вестник»? Ну, пусть будет «Вестник»!

Идем на хитрость и, вместо того чтобы указать у редактора мою фамилию, используем фамилию наборщика — татарина.

— Это рабочий. Его, пожалуй, не тронут.

И действительно, в течение долгого времени они не двигаются, хотя я с запалом обругиваю их в своих статьях. Печатаю биографии известных деятелей, которые совершенно их дискредитируют.

Белый дом, который ныне стал «красным», скрежещет зубами.

Однажды днем звонит телефон. Снимаю трубку.

— Вы снова объявились! — говорит кто-то, называя мою фамилию.

— Что Вы хотите? — нетерпеливо спрашиваю.

— Прошу запомнить: еще одна-две подобные статьи, и Вы будете высланы в Хиву.

и большевизма (краткое описание хода событий в Ташкенте, март — декабрь 1917 г.) // Сопrotивление большевизму 1917—1918 гг. М., 2001. С. 537—548.

⁵⁹⁰ Биографические данные уточнить не удалось.

Ехать в Хиву не имею ни малейшего желания, но не капитулирую и продолжаю критиковать большевиков: Колесова, Тоболина, Перфильева, Цвиллинга, Стасикова, всех товарищей этой теплой компании.

А критиковать есть за что! Доррера и пару других офицеров за сопротивление перевороту суд приговорил к нескольким годам тюремного заключения.

Мучаются несчастные в одиночных камерах, страдают наравне с Коровиченко, но не в заключении, на солдатской гауптвахте.

Каждый день пьяные «товарищи» мучают его, бьют кнутами, один из подлецов ранил его в плечо. Коровиченко плачет и молит Бога о смерти.

И смерть пришла — страшная, мученическая смерть.

Однажды утром на гауптвахту пришла старушка, бывшая няня генерала. Принесла ему скудную пищу и просит:

— Отдайте, милые, арестованному, пусть подкрепится.

А «милые» в ответ:

— Пошла прочь, старая! Не нужна нам твоя жратва! Сегодня с ним покончим.

И покончили.

Труп выбросили на площадь, и там взбешенная толпа три дня глумилась над ним, забрасывая его помоями. Ночью удалось выкрасть труп, обмыть, положить в гроб и отнести на кладбище⁵⁹¹.

Через девять дней справили по нему и генералу Мухину заупокойную мессу. Могилы их находятся рядом.

«Мухторият»

Общественные деятели Туркестана пришли к выводу, что сарты и киргизы ненавидят большевиков. Учение Маркса не может согласиться с шариатом. Мусульман же в Туркестане свыше десяти миллионов, русских — едва ли четыре процента.

⁵⁹¹ П. А. Коровиченко был арестован и помещен в гарнизонную тюрьму в Ташкентской крепости. Был застрелен прямо в тюремной камере одним из солдат, вымещавшим злобу стрельбой из винтовки по тюремным камерам, в которых находились заключенные. В газете «Туркестанский вестник» от 3 декабря 1917 г., в статье «Добили», А. Гзовский пишет, что слухи о убийстве Коровиченко начали циркулировать в Ташкенте еще за несколько дней до самого убийства, были даже обращения в редакцию. На основании всего этого автор предполагает, что оно могло готовиться заранее.

Властителями Туркестана должны быть не русские-большевики, но антибольшевистски настроенные киргизы и сарты. Поэтому, по мнению этих деятелей, необходимо объявить автономию Туркестана, избрать временное правительство вместо большевистского Совдепа, еще не признанного в стране.

26 ноября 1917 г. в Коканде состоялся четвертый съезд мусульман. После кратких дебатов приняли резолюцию: провозгласить автономию Туркестана; созвать временное правительство автономного Туркестана в составе: Чокаев (председатель, киргиз, российский юрист), Юргули-Агаев (землевладелец, татарин), Танышпаев (киргиз, бывший депутат российской Государственной думы от Семиречья, инженер-железнодорожник), Ходжаев (андижанский киргиз, адвокат), Шагиахметов (адвокат из Коканда, татарин) и еще два сарта.

Это правительство постановило сформировать собственную армию и бороться с большевиками. Тогда же было опубликовано воззвание ко всем народам Туркестана. Резиденцией нового правительства был выбран Коканд.

После получения воззвания я немедленно напечатал его в «Туркестанском вестнике», добавив еще собственную новость: «13 декабря в Ташкенте пройдет манифестация в честь Мухторията». В этот день прибыли все жители ближайших мест, горных «аулов» и «кишлаков»...

Всем казалось, что, когда большевики узрят эту внушительную манифестацию, они поймут, что народ Туркестана настроен против них враждебно, и тогда решат передать власть новому правительству.

И я тоже так рассуждал, когда писал статьи, касающиеся «Мухторията» и призывал подчиниться новой власти.

В то же время я вновь был вызван телефонным звонком из Красного дома⁵⁹².

— Помните, что Вам дорого обойдется этот «Мухторият», — угрожал мне кто-то.

Потом я узнал, что мне угрожал «Марат Ташкента»⁵⁹³ — товарищ Тоболин.

⁵⁹² Красный дом — бывшая резиденция туркестанского генерал-губернатора, получившая такое название после того как в ней разместился Ташсовет.

⁵⁹³ А. Гзовский сравнивает И. Тоболина с Жан-Полем Маратом, политическим деятелем эпохи Великой французской революции, одним из лидеров якобинцев.

Арест атамана округа

Сижу в редакции и просматриваю рукописи. В эту же минуту в комнату с шумом врывается какая-то пожилая женщина:

— Могу ли я увидеть господина редактора?

— К Вашим услугам.

— Моя фамилия Кияшко. Я жена атамана казачьих войск Семиречья. Хотела Вас кое о чем попросить.

— Чем я могу служить?

Госпожа Кияшко начала всхлипывать и бессильно упала на стул. Я старался ее успокоить и принес воды. С трудом мне удалось узнать, в чем дело.

— Мой муж арестован. Мы ехали домой на Кубань, и тогда в Перовске... У мужа были все документы в полном порядке. Он ехал в отпуск... и тогда...

— Где теперь находится Ваш муж?

— В тюрьме... Его обыскали...

Она говорила урывками и рыдала. Я всеми способами хотел успокоить ее боль и уверял, что мы сделаем все, что только возможно, чтобы вырвать его из заключения.

Но что я, собственно, могу сделать, — я задумался после ее ухода. Написать статью?

Я сел и пишу. В сотый раз я проклинаю большевиков, исполненный ненависти, которую всей душой к ним испытываю.

В это же время в душе зарождается тревожные сомнения: этим я могу ему навредить, могу разозлить этот запальчивый сброд!..

Но несмотря на все, я написал свою заметку.

На следующий день телеграфировал в Екатеринодар. Просил Кубань о заступничестве. Потому что прежде всего Кияшко — это старик, пользующийся уважением в восьмидесяти семи станицах казачьих кубанских войск... Кто знает, быть может, интервенция кубанских войск что-то изменит?..

Накануне «Мухторията»

Город изменился до неузнаваемости. На конях, мулах и верблюдах едут киргизы и сарты. Едут издалека и не очень, из гор, из дальних областей, все следуют призыву своих мулл.

А муллы развивают интенсивную агитацию. Они разослали своих гонцов по всему Сырдарьинскому округу, призывая правых:

— В Ташкент! На праздник «Мухторията»!

Тянутся бедные и богатые, старые и молодые. Лица у всех сосредоточенные, хотя большинство и вовсе не знает, что такое — этот «Мухторият». Но зачем же об этом думать? Их же призвали муллы — знатоки Корана. Этого достаточно, зачем же останавливаться? Сказали приехать, значит, нужно ехать — и все явились.

Некоторые утверждают, что прибыло около ста тысяч, другие считают, что прибывших больше, и называют цифру в два раза большую. Кто-то все-таки старался подсчитать вспененную людскую волну, плотную, густую, фанатичную, но безоружную...

Российская интеллигенция ликует:

— Большевики, — слышатся рассуждения, — увидев назавтра огромную силу, поразятся и отдадут власть в руки сартов!

Находятся, тем не менее, сомневающиеся персоны, которые с беспокойством шепчут:

— Завтра произойдет что-то страшное. Большевики атакуют безоружных и пережут всех!..

«Редактор — блогвардец»

В полдень готовлю статью, посвященную автономии Туркестана. Внезапно звонит телефон.

— Кто говорит?

— Это редактор «Вестника»? — слышу я вопрос вместе ответа.

— Да!

— Немедленно убегайте. Уже выслан автомобиль, чтобы арестовать Вас. Они схватят Вас, бросят в тюрьму, а там убьют... Спасайтесь!

— Но кто же говорит? — спрашиваю еще раз.

— Из «Совдепа».

— Хорошо, но кто.

— Да какая Вам разница!

«Некто» положил трубку, телефон разъединил нас.

Я поспешно поднялся, взял шапку, спрятал револьвер и обойму. Выхожу.

...Что такое? Отчетливо слышу автомобиль...

«Я должен сейчас же найти укрытие», — проносится у меня в мыслях.

Я перемахиваю изгородь и приседаю на корточки. Четко слышу, что происходит, они входят во двор, стучат в дом, спрашивают обо мне, обыскивают весь дом...

Трудно. Никто не придет на помощь. Скорее нужно найти безопасное укрытие. Пригнувшись бегу через сад, еще раз перепрыгнув через изгородь и забегаю в соседний переулок...

Прихожу к моему хроникеру:

— Я сбежал, — говорю ему с усмешкой, — убежал от «законного» преследования, — и начинаю ему рассказывать о произошедшем.

— Останьтесь у меня, я же пойду узнать, как сейчас там идут дела.

Не прошло и часа, как вернулся запыхавшийся коллега.

— Плохо дело! Ваш дом окружен, типография закрыта. Слышал, что Вас ищут по всему городу. Вы должны немедленно спрятаться!

Мой коллега быстро где-то раздобыл форму железнодорожного рабочего, и переодетый, с корзинкой в руках, я вышел на окраину города.

Мой друг имеет дом в дачной местности. Он обещал мне там приют в эту тяжелую минуту. И я направился к нему.

Кровавая баня

Я хорошо чувствовал себя на даче. Целый день лежал на диване и зачитывался Пушкиным. О том, что творилось в городе, я ничего не знал. Мой приятель находился в городе, мои товарищи по несчастью, две старушки, не интересовались «Мухториятом».

Отдыхал душой.

Поздним, очень поздним вечером прибегает замученный, задыхающийся хроникер:

— Ну что? Что слышно? Как закончилась манифестация?

— Эх, не хочется об этом и говорить!

Но вскоре начинает он грустный рассказ.

Все началось благоприятно. На улицы Ташкента вышло триста тысяч безоружных сартов и киргизов. Во главе ехали старейшие муллы, держащие зеленые знамена с полумесяцем. Всюду царил порядок и воодушевление. Крикам: «ура!», «Пусть живет Мухторият», «Пусть живет Временное правительство!» — не было конца.

Состоялось два митинга. После их завершения толпа направилась к тюрьме, требуя освобождения заключенных большевиками. Охранник тюрьмы открыл ворота. Толпа ворвалась и освободила Доррера, Кияшко и еще тридцать других офицеров. Доррер от имени Временного правительства Керенского провозгласил автономию Туркестана.

Затем манифестанты посадили освобожденных на коней и двинулись к старому городу.

Тогда же случилось что-то непредвиденное. Когда толпа хлынула на Урду⁵⁹⁴, начали стрекотать пулеметы, спрятанные большевиками на чердаках и в подвалах. Погибло множество киргизов и сартов. Доррера и Кияшко и других офицеров большевистские солдаты похватали и отвели в крепость, где после короткого «суда» убили. Генерал Кияшко был буквально разорван пополам.

Вот такие новости из города.

Я был совершенно раздавлен новостями.

— Вы должны как можно скорее бежать. О Вас спрашивают, Вас ищут — и скорее всего найдут. И когда найдут — тут же на месте расстреляют. Об этом в Совдепе много и громко говорят.

Ввиду таких новостей и таких советов после короткого совещания мы решили, что рано утром я пешком направлюсь в Коканд.

Через горы и степи

В библиотеке я раздобыл «Семенова-Тянь-Шанского»⁵⁹⁵, разложил карту и начал изучать дорогу.

Напрямую до самого Коканда будет около 320 верст, а если же двигаться в Ходжент⁵⁹⁶ — путь будет короче. Нужно идти через Пскент⁵⁹⁷. Дорога пролегает по горам и степям.

В комнату входит старик хозяин и предупреждает:

— Идет снег, холодно... Будет мороз, это редкое явление в Туркестане. Как же Вы, мой голубчик, пойдете?

— Как?.. Как обычно — с рассветом...

— Дорога тяжела, а языка Вы не знаете. Простудитесь где-нибудь в горах или заболете в степях...

— Что ж делать? По железной дороге я ехать не могу: схватят и расстреляют.

Старик пожал плечами, дважды кашлянул... Украдкой отер слезы... Поздно ночью пришел мой друг и повторил мне рассказ хроникера.

⁵⁹⁴ Урда — местность, являвшаяся своеобразной границей между старгородской и новгородской частями Ташкента.

⁵⁹⁵ Речь идет о книге: *Семенов В. П., Семенов-Тянь-Шанский П. П., Ламанский В. И.* Россия. Полное географическое описание: в 11 т. СПб., 1899—1914.

⁵⁹⁶ Современный г. Худжанд, Республика Таджикистан.

⁵⁹⁷ Пскент — в начале XX в. поселок, ныне город, расположенный в 60 км от Ташкента в Ташкентской области Республики Узбекистан.

— Ничего другого не остается. В конце концов Вы должны как можно скорее убегать. Вы были публично объявлены вне закона, — произнес мой друг непривычно решительным тоном. Через минуту он принес мне шубу, шапку и высокие сапоги.

— Вы пойдете в этом, — твердо сказал он тоном, не терпящим возражений, — в своей одежде Вы себя выдадите.

Я поблагодарил его от всего сердца и затем схватил самоучитель сартовского языка. Повторяю в памяти несколько десятков слов и несколько фраз. Несколько подучив, бросаюсь на кровать прямо в одежде, поскольку рано утром нужно отправляться в дорогу...

— А если бы за Вами сейчас пришли? — шепчет мой друг, и в голове у него пролетают беспокойства не только обо мне, но и о себе самом!..

— Гм... Я бы стрелял, а последнюю пулю оставлю для себя, — ответил я, и затем добавил с уверенностью: — Сегодня не придут, не нашли, не знают еще...

Я старался заснуть, но безрезультатно. Мысли, словно змеи, обивали меня, не давая ни минуты покоя и отдыха. Время от времени я проваливался в беспамятство, и тогда казалось мне, что я вновь молодой студент, лежу в своем кабинете в имении моего отца в Могилевской губернии. И нет там никаких редакций, никаких большевиков, никакой революции, ни объявления вне закона...

А иногда казалось мне, что я юнец гимназист, увлеченный идеями социалистов-революционеров, что темной ночью седлаю коня, чтобы ездить от деревне к деревне и разбрасывать прокламации и брошюры. Боюсь, что меня вот-вот схватят, что окажусь в тюрьме и буду быстро казнен. Это страшно, но они так решили, и я должен выполнить их волю.

А ведь все это уже было... И был уже этот несчастливый 1905 год, когда в мой дом ворвались те, для которых я работал, ездил и агитировал, махали топорами, дрались, ломали и разбивали все вокруг, сыпали угрозами и уничтожали, что попадалось под руку...

В начале шестого утра собака начала рычать.

— Неужто за мной? — мелькнуло у меня в голове. Я поднялся и взял в руки револьвер.

В доме все спохватились, хозяин, держась впереди, направился к воротам. Через минуту мы услышали голоса и топот. Пес начал рычать и скалиться еще сильнее.

На пороге кухни показались вооруженные мужчины.

— Ничего не бойтесь, это свои!.. — сказал один из прибывших и начал обивать снег.

Я узнал товарища по оружию и его брата — пятнадцатилетнего кадета. Оказалось, что хроникер сообщил им о моем положении, и друзья в охотничьих костюмах решили сопроводить меня в Пскент.

— Одевайтесь, господин редактор! Умели же Вы бранить большевиков, а сейчас сумейте сбежать от них. Так, дорогой друг! Вот Ваш новый фальшивый паспорт. Теперь Вы — гражданин Самарканда Александр Иванович Добронравов, тридцати четырех лет от роду, имеете жену Марию Николаевну и сына Петра.

— Где же Вы раздобыли эти вещи?

— У прокурора судебной палаты. После переворота предоставил он документы многим офицерам...

— Гм... Прокурор, фабрикующий фальшивые паспорта? Это интересно...

Я выпил молока, попрощался с остальными.

— Я советую Вам оставить револьвер, ни на что он Вам не пригодится, а неприятности может доставить, — посоветовал хозяин.

Я согласился.

Хозяйка дома благословила меня крестом на дорогу и через слезы говорит:

— Счастливой дороги! Пусть Господь Бог Вас проводит и Мать Божья Вас хранит.

* * *

Снежная равнина, а вдаль, на горизонте, — несколько высоких топей и каштанов. Слева вьется река Салар⁵⁹⁸, заключенная в обрывистые берега. Вокруг реки, с обеих сторон, болото, затянтое льдом, треснувшим в нескольких местах. Над болотом кружатся стаи диких уток и болотной живности.

— Ах, если бы пойти на охоту — в ту даль, где бродят верблюды!

Я иду с сучковатой палкой в руке, иду просто вперед, без намеченного направления, стараясь обойти стороной все пригородные постройки и радиотелеграфные станции. Станция уже в руках большевиков, которые сообщают всему миру о своих победах на Востоке, по всей Центральной Азии.

У дороги стоит церковь с надписью:

⁵⁹⁸ Салар — канал, часть древней оросительной системы Ташкента.

«Приходите ко мне, все утомленные и жаждущие, и утешу вас...»

Кадет вздохнул и перекрестился. Окрестил он также и нашу широкую дорогу, ведущую вглубь Туркестана, в сердце старого Кокандского ханства.

— Хвала Богу, город уже позади нас вместе со всеми «товарищами» Колесовыми, Тоболиными, Полторацкими⁵⁹⁹ и Цвиллингами, — бурчит себе под нос сопровождающий меня офицер.

И словно по чьему-то приказу мы ускоряем шаги...

— Прочь, прочь от этого проклятого очага «красной заразы».

* * *

Солнце уже высоко, разогрело землю, и снег начал таять. Идти становится труднее, но, несмотря на это, мы уже минуем двадцатую версту.

Часто встречаем «арбы»⁶⁰⁰, небольшие караваны и группы всадников.

Сарты любопытно используют коней: на одного коня приходится пять путешественников, четверо идут пешком — пятый едет. По очереди они сменяют друг друга. Никогда не видел сарта, едущего рысью или галопом. Всегда только шагом. Вместе седла коня покрывают попоной, вышитой золотом.

По обе стороны дороги — поля риса и хлопка. Кое-где виднеются домики, утопающие в садах.

Там, где есть вода, Туркестан кажется плодородным и весьма богатым краем, но там, где нет ни одного ручья, — пустыня, поражающая своим однообразием.

Я оглядываюсь вокруг и думаю: вот русские владеют этим краем на протяжении пятидесяти лет, но что же они дали ему? Русскую культуру видно только в городах, а за их пределами нет ее и следа, а в большинстве сартовских деревень не видать ни одного русского, не слышать его языка.

⁵⁹⁹ Полторацкий Павел Герасимович (1888—1918) — участник революционного движения в России, один из организаторов борьбы за советскую власть в Туркестане. Делегат 1-го Всероссийского съезда Советов, один из организаторов первых отрядов Красной гвардии в Туркестане. Член Президиума Туркестанского ЦИК. Казнен восставшими эсерами в Мерве во время антисоветского мятежа.

⁶⁰⁰ Арба — высокая двухколесная повозка.

Но зато вековую культуру сартов, своеобразную восточную культуру, было видно на каждом шагу, где только приближались мы к людским поселениям. Иногда казалось, что никакие фабрики, промышленные предприятия, школы и железные дороги не смогут пошатнуть старую, укоренившуюся в своих формах культуру Востока.

Теперь же в Туркестан прибыли новые хозяева — большевики. Разрушают то, что им удастся разрушить, все старые, вековые принципы мусульманской жизни, а Коран заменить учением Маркса! Но это столь же трудно, как перенести туркестанские горы в Новороссию, либо заставить Сыр-Дарью впадать... в Балтику!

Нам начинают встречаться большие караваны по двести-триста верблюдов. Впереди огромный двугорбый верблюд с колокольчиком на шее. Это старый верблюд-проводник, который совершил уже много далеких путешествий.

— Откуда едете? — я обращаюсь к хмурому киргизу, едущему на первом верблюде.

— Из Коканда, с милостью Аллаха.

— А куда?

— В Ташкент, если Аллах благословит...

И далее на своем пути мы встречали караваны из Анджана и даже из Бухарского каганата⁶⁰¹.

* * *

Мы решили переночевать в тридцати верстах от Ташкента, вблизи деревушки Той-Тюбе⁶⁰². Мы бы могли пройти дальше, но кадет начал прихрамывать, так как стер тяжелыми башмаками ноги.

Мы остановились в небольшом «кишлаке» в придорожной чайной. На полу, застланном одеялами и старыми коврами, сидело пятнадцать мусульман. Некоторые грелись при «сандале»⁶⁰³ (огне), другие пили чай, либо курили «кальян».

Поприветствовав присутствующих во имя Аллаха, мы уселись на пол. Хозяин тут же подал нам подушки, а трое сартов охотно уступили нам место при «сандале», чтобы мы могли согреть ноги.

⁶⁰¹ Имеется в виду Бухарский эмират.

⁶⁰² Поселок, ныне город в Ташкентской области Республики Узбекистан.

⁶⁰³ Сандал — род печи; приспособление для обогрева жилища в Средней Азии.

Я попросил приготовить чай и пилав.

Один из сартов с приятным лицом, подстриженной клином бородой и светлыми глазами обратился ко мне по-русски.

Оказалось, что он возвращается из Сибири с Александровской каторги⁶⁰⁴, где провел несколько лет вместе с товарищем, татаринном, сидящим рядом. Уже четвертый месяц они идут из Оренбурга, идут пешком. Они направляются в Фергану, вблизи которой находится «кишлак», где живут две его жены и дети. Он был выслан на каторгу за убийство. Я не спрашивал, кого и за что сарт убил⁶⁰⁵, полагая, что он, вероятно, принадлежит к одной из разбойничьих банд, которыми славилась Фергана.

Когда принесли чай и пилав, я попросил бывших заключенных, чтобы они разделили с нами ужин. Сперва они застеснялись, но затем дали себя уговорить. Приступили к еде своим традиционным способом: пальцами хватая щепотки риса и отправляя в рот.

После ужина хозяйин чайной пригласил нас пройти в отдельную «кибитку» (комнату) и провести ночь у теплого «садала».

С большим удовольствием мы согласились с его предложением и быстро заснули, не обращая внимания на то, что вся кибитка была в дыму.

* * *

Тем временем утром появились новые заботы. Состояние ноги кадета настолько ухудшилось, что мои сотоварищи были вынуждены нанять «арбу» и вернуться в Ташкент.

— Прощай, друг! Ступай с Богом, один! Больше мужества — и не пропадешь! Тебе только дойти до Коканда, а там будешь чувствовать себя лучше, — так напутствовал меня на прощание мой приятель.

Мы сердечно обнялись, и я отправился дальше.

Легко сказать «отправился», потому что дорога была дальняя, неизвестная, в чужом краю. Передо мной была трудная дорога через степи и горы. Люди или звери могли бы безнаказанно напасть на меня, и кости мои никто никогда бы не сыскал.

⁶⁰⁴ Александровская каторга — Центральная каторжная тюрьма в селе Александровском Иркутской губернии. Предназначалась для содержания уголовных каторжных.

⁶⁰⁵ Возможно, отбывал наказание за участие в восстании 1916 г. в Туркестане.

Но я старался не думать об этом. Я шел и шел вперед, насвистывая русские мелодии.

Через три часа я приблизился к реке Ангрэн. Необычная река — ни капли воды, а русло шириной в пять верст. Один берег высокий, а другой низкий и плоский. Кажется сперва, что русло совершенно высохло, но когда пригреет солнце и снег начнет таять в горах, река наполняется водой и увеличивается.

Перейдя высохшую реку, я вскоре приблизился к Пскенту, маленькому городку сартов. Там увидел несколько русских домов и аптеку. Зашел в чайную и попросил чаю. Перемолвился парой слов с сартом, который сообщил мне, что до следующего «кишлака» только десять верст, а оттуда до Ян-Тага⁶⁰⁶ больше пятидесяти. Между ними нет ни одного человеческого поселения, ни одной живой души. Посоветовал мне обратиться к комиссару с просьбой предоставить коня.

Я попросил проводить меня к комиссару. Им оказался молодой сарт в пиджаке. Его лицо сразу внушило мне доверие. Решил рассказать ему правду.

Он внимательно выслушал меня и сказал с улыбкой:

— Прошу Вас пойти вместе с моим письмом к начальнику общины. Там Вы сможете переночевать, а утром постараюсь добыть Вам коня («арбу»), чтобы доехать в Ян-Таг. Сегодня уже никто бы не поехал.

Проводник отвел меня в общину и вручил старосте письмо комиссара.

Староста, богатый пятидесятилетний сарт, заинтересовался моей персоной и судьбой. Выделил мне комнату в чистой половине дома, выложил постель прекрасными текинскими коврами, мягкими подушками и шелковыми одеялами. Потчевал меня вкуснейшим пилавом и чаем, изюмом и сухими фруктами. Я провел у него целые сутки. К сожалению, рано утром коней не оказалось, и я снова отправился пешком в дальнее путешествие.

* * *

Эта проклятая дорога была изматывающей и тянулась долго. Я шел через степь. Ночлег находил в «кишлаках» и при караванах.

⁶⁰⁶ В оригинальном тексте на польском языке Jan-Tag. Возможно А. Гзовский допустил ошибку или сознательно искажил название населенного пункта. Возможные варианты Яны-Таг или Янги-Таг.

Свернул в горы, карабкался по крутым тропинкам, отдыхал в «аулах»⁶⁰⁷ и у пастухов-киргизов.

Везде я встречался с большим гостеприимством сартов и киргизов. Преследуемый русскими, я находил помощь и сердечность у вовсе чуждых мне мусульман.

Наконец, после двадцати четырех дней скитаний, измученный, изголодавшийся, озябший и совершенно больной, я достиг конца своего путешествия — Коканда.

Правительство Туркестана

— Где находится Временное правительство автономного Туркестана? — спрашиваю проходящего мимо интеллигента.

Он остановился и начал смотреть на меня с удивлением и в то же время пристально. Через минуту спросил:

— Правительство Туркестана? Что, в самом деле существует такое правительство?

— Полагаю, что да.

— Не знаю. Никто о нем не слышал.

Таковыми же словами отвечали мне и другие люди, которым я задавал тот же вопрос. Милиция — не знает, извозчики — тоже, и только почтальон сумел мне помочь.

— Автономия? Это в Старом городе. Спросите про дом Вогау⁶⁰⁸. Сажусь в повозку и еду. Вогау знают все, правительство — никто.

Останавливаемся перед большим домом. На дверях табличка: «Временное правительство автономного Туркестана». На крыльце сидит какой-то оборванный перс с карабином.

— Нельзя! — грозно кричит он и поднимает карабин.

— Почему нельзя?

— Нельзя!

— Я в правительство.

— Я говорю — нельзя! Пошел прочь! — кричит он и замахивается на меня кнутом.

⁶⁰⁷ Аул — традиционное поселение, стойбище у кочевого населения Средней Азии.

⁶⁰⁸ *Voгау* — семья немецких предпринимателей в России XIX — начала XX в. Торговый дом Вогау — одна из крупнейших в России систем акционерных торговых, промышленных, финансовых предприятий, созданных и развившихся во второй половине XIX — начале XX в. В Коканде дом имел свое представительство. С ноября 1917 г. в доме разместилось правительство Туркестанской (Кокандской) автономии.

Поспешно сбегаю с крыльца и начинаю умоляюще просить на сартовском языке:

— Друг! Я русский офицер.

— Офицер? — переспросил перс. — Можно... Иди!

Вхожу в здание. Большой зал... Две машинистки зевают из-за недостатка лучшего и занимательного дела, какой-то молодчик в форме студента, толстый мужчина возле письменного стола и трое сартов на боковой скамейке.

Подхожу к студенту и спрашиваю о председателе правительства.

— Кто Вы такой? — спрашивает меня в ответ студент.

Я представился, добавив, что только вчера пришел пешком из Ташкента.

— Ааа... Знаю Вас. Много раз читывал Ваши статьи. Прошу подождать, я сообщу о Вашем приходе, тем более что сейчас все правительство в полном составе.

Студент вышел в соседнюю комнату. Я закурил папиросу и ждал.

Толстый мужчина поднялся из-за письменного стола и приблизился ко мне с вытянутой ладонью, представился.

— Я тоже частенько читал Ваши статьи. Так, значит, Вы сбежали?

— Да! Сбежал.

— Здесь многие скрылись. Посмотрим, что из этого получится.

— Они работают? Многого ли добились?

— Вы спрашиваете обо мне? Я работаю здесь бухгалтером, и работы у меня немного. Мы получили от сартов миллион рублей, но на этом все и закончилось. Что ж теперь можно за миллион рублей сделать?! Столько сама армия стоит!

— А большую армию имеет правительство? — спросил я с интересом.

— Теперь у нас больше двухсот человек. Наемники-персы. Есть и офицеры.

Студент вернулся в комнату с сообщением, что правительство ждет меня и приглашает.

Вхожу в указанную комнату.

За небольшим столом сидят пятеро мужчин. В центре — Чокаев, молодой киргиз, которого я уже раньше знал.

Так я нахожусь в «кабинете министров»? — подумал я, поклонившись присутствующим.

— Приветствуем Вас, — учтиво отозвался Чокаев, подавая мне руку, — позвольте представить Вам членов правительства.

— Тынышпаев, Агаев, Ходжаев, — услышал я фамилии по очереди. Фамилию последнего сарта не расслышал.

— Вы спаслись? — спросил Агаев.

— Случайно... Едва-едва добрался сюда пешком.

— Гм... Это плохо. А что же Вы теперь намерены делать? — поинтересовался Тынышпаев.

— Я бы хотел работать с Вами, господа. Может быть, у вас есть планы издавать какую-нибудь газету?

— Хо-хо! Об этом давно уж думаем, — ответил мне «премьер» Чокаев. — Газета для нас необходима. Она должна выходить и на русском, и на сартовском языках. Мы будем очень Вам обязаны, если согласитесь быть редактором нашей газеты на русском языке...

— Безусловно, соглашусь тотчас же.

— В таком случае Вы захотите написать меморандум. Прошу Вас найти типографию, составить смету. А мы дадим необходимые деньги.

— Хорошо.

— Газета должна иметь следующее название: «Известия Временного правительства автономного Туркестана». У Вас есть где жить?

— Я постоялец в отеле.

— Там, стало быть, холодно и неудобно. Лучше бы Вам жить в Старом городе. Прошу Вас вернуться к управляющему делами правительства, тому студенту, который Вас сюда привел, он скажет Вам адрес интерната наших офицеров.

— Хорошо. Большое спасибо.

— Это все. Теперь ждем отчета.

Я попрощался с министрами и покинул кабинет.

«Управляющему делами правительства» — студенту я повторил слова Чокаева, касающиеся моего проживания.

— Прекрасно. Сейчас же дам Вам проводника! Убайдулка! — крикнул студент.

В зал вошел пятнадцатилетний сарт.

— Проводи этого господина в интернат для офицеров. До Ша-Харисова⁶⁰⁹, знаешь?

— Понимаю.

⁶⁰⁹ Биографические сведения установить не удалось.

— Туда ты должен проводить этого господина. Скажешь в интернате, чтобы его хорошо накормили.

— Вы можете пойти с ним, — обратился ко мне студент.

Я поклонился и вышел. Перед крыльцом с красивого коня спрыгнул сарт в возрасте сорока лет. Он имел типично монгольское лицо с хитрым и бегающим взглядом маленьких глаз и редкой длинной бородой. Сбоку свисала кривая, украшенная серебром сабля, а из-за пояса торчали два браунинга.

Перс перед входом поклонился ему с глубоким уважением.

— Кто это? — спросил я своего проводника.

— Это Эргаш-бей⁶¹⁰, — ответил сарт с серьезным лицом.

— А кто же он такой?

— Ты не знаешь Эргаш-бея? — удивился мальчик.

— Нет...

— Это курбаши⁶¹¹ (начальник полиции) Старого Коканда. До этого он был «басмачом» (разбойником)⁶¹², работал в Фергане, а сейчас перестал разбойничать, и теперь курбаши.

— Как же так получилось?

— Очень просто... Слишком много грабил поселения, грабил даже в Коканде. Наши сарты предложили ему, чтобы он перестал грабить, и тогда сделают его курбаши Старого города. Он сказал — хорошо. Перестану грабить, если стану курбаши. И так случилось!..

— И сейчас уже не грабит?

— Нет. Эргаш-бей поклялся на Коране, что будет хорошим курбаши и что сам будет карать басмачей.

— И карает их?

⁶¹⁰ *Эргаш* (*Кичик Эргаш* или *Маленький Эргаш*, в литературе часто встречается написание *Иргаш*) — уроженец кишлака Бачкир близ Коканда, происходил из состоятельной семьи, в период правления Туркестанской (Кокандской) автономии — начальник полиции Коканда.

⁶¹¹ Курбаши — полевой командир, военачальник, под руководством которого могло находиться несколько сотен человек. А. Гзовский, передавая этот диалог, подчеркивает разницу между понятиями «басмач» и «курбаши». В 1920-е гг. эти слова станут практически синонимами в новых советских реалиях Туркестана.

⁶¹² Басмачество как явление, схожее с современными организованными преступными группами, сложилось задолго до прихода к власти большевиков, но после 1917 г. оно стало использовать религиозные и антисоветские лозунги и риторику.

— Еще как! Бьет! Ибрагимка⁶¹³ избил, Алимка⁶¹⁴ избил, сейчас будет бить Убайдулка⁶¹⁵. «Мухторият» приказал бить, значит, будет бить.

— Эргаш служит в «Мухторияте»?

— Да!

Мы пересекли ряд узких и кривых улочек Старого города и вошли во двор, где располагался «интернат господ офицеров».

«Объявленные вне закона»

До меня доносился знакомый мотив песни. В большой комнате на полу, выстланном коврами и подушками, было шумно и серо от дыма. Лежащие и сидящие в разных позах, в различных костюмах, собрались здесь около пятнадцати мужчин. Некоторые играли в карты, другие — в шашки, иные курили, пели или спорили.

Лица у всех интеллигентные, но усталые. Лишь некоторые старались замаскировать отчаяние напускной веселостью. Когда же мы вошли в зал, некоторые встали, глядя с интересом.

— Приветствую, господа! — сказал я громко, поклонившись присутствующим.

— Приветствуем! — ответило несколько голосов.

— Убайдулка еще одного доставил? — промолвил кто-то в глубине комнаты.

— Как дела, Убайдулка?

— Ты должен ответить как в прежние добрые времена командиру роты!

— Здравствуйте, господин поручик! — гаркнул мой провожатый. По-видимому, он часто имел возможность приобретать сноровку в солдатской муштре.

— Подойди, мальчик, расскажу тебе анекдот.

— Не к нему, а ко мне, «бача»⁶¹⁶. Будешь танцевать, а я буду петь!

⁶¹³ Биографические данные уточнить не удалось.

⁶¹⁴ Биографические данные уточнить не удалось.

⁶¹⁵ Один из курбашей Ферганской долины. Сдался советской власти 7 августа 1923 г. в районе кишлака Яны-Курган. Биографические данные установить не удалось. Примечательно, что курбаши Эргаш, в рассказе А. Гзовского, почему-то приобретает русскую уничижительную форму имени Убайдулла — Убайдулка.

⁶¹⁶ *Бача* — мальчик, танцующий перед сартами, часто одетый в женское платье. — *прим. авт.* *Бачи* — явление в культуре коренного оседлого, прежде всего городского, населения Средней Азии, когда мальчики, переодевшись в женское платье, танцуют перед собравшимися мужчинами.

— Ко мне, ко мне, милый мальчик!

— Ради Бога! Ведь это редактор «Туркестанского курьера»?!

Приветствую господина поручика! — громко воскликнул какой-то господин в полушубке и подошел ко мне.

Я узнал в нем капитана артиллерии, с которым оборонял Ташкент от большевиков.

— Как вы здесь оказались? — спросил он, сжимая мою ладонь.

— Пешком... Сбежал...

— Ха, ха, ха! «Все там будем, братишка Аркадий...» — рассмеялся какой-то юноша и приблизился ко мне.

— Поручик Захаров⁶¹⁷, — представился он. — И я тоже пешком добрался. Вы каким путем? Через Пскент?

— Через Пскент!

— Потом через Ян-Таг? И дальше прямо до Коканда?

— Да... Да...

— А я через Ходжент. Там сел в поезд. Вам было труднее...

— Прошу садиться, — сказал капитан. — Видите, как мы здесь приспособились к обстоятельствам. Может, вы голодны? Убайдулка! — позвал он мальчишку, и, не дожидаясь ответа, добавил: — Скажи, чтобы приготовили плов и подали чай. И как можно скорее. Нас здесь прекрасно кормят, — сказал он, обращаясь ко мне.

Я сел на диван.

— Вот видите, мы здесь в настоящее время представляем непобедимое войско Временного правительства. Девять офицеров, четырнадцать юнкеров и двести восемнадцать персов. Но нужно добавить, что набор добровольцев все еще продолжается и продвигается.

— Еще как! Сегодня при мне поступило пятеро, — заметил какой-то лежащий возле нас юноша. — Двое сартов и трое персов. Видимо, нечего у них есть, потому и вступили.

— Я назначен «правительством», — продолжал капитан, — командиром артиллерии, но самое большое затруднение в том, что нет у нас ни одного орудия.

— Неправда, одно уже имеем! Вот, для начала! — сказав это, бросил в нашу сторону бумажную пушку какой-то бледный и тощий молодой офицер в кожаном пиджаке.

— А я — командир расчета пулеметов, но у нас также нет и пулеметов, — добавил с усмешкой Захаров:

⁶¹⁷ Биографические данные установить не удалось.

— Могу вам сделать и пулемет, — отозвался с иронией тот бледный офицер. — С таким оружием мы завладеем Ташкентом и двинемся с помощью к Дутову.

Не обращая внимания на шутки и колкости товарищей, капитан говорил серьезно:

— Если я должен быть искренним, то я прямо скажу, что не верю в благополучный результат наших начинаний. Наше «правительство» — сущий фарс. Сартов ничто не касается. Они занимаются торговлей, едят плов, пьют чай и курят «кальян». Например, три дня назад правительство издало приказ об обязательной явке всех молодых сартов на воинский сбор. Хотите верьте, хотите нет — но со всего города набралось едва ли четырнадцать мальчишек, но и эти также рассеялись через некоторое время. Ну, теперь пожалуйста в таких условиях бороться с большевиками!

— А карабины имеются? — спросил я.

— У нас есть триста-четыреста штук. Покупаются у русских солдат. Вчера было куплено каких-то двадцать «наганов» и несколько «берданок». Солдаты охотно продают.

— А все это глупость! — с глубоким убеждением заключил мужчина в пиджаке. — Пойдемте лучше в леса, организуем разбойничью банду, а вы, господин капитан, будете нашим главарем! Предлагаю совершить налет на городской банк, захватить деньги, отправиться либо в Кашгар⁶¹⁸, либо на Памир и там переждать до конца «великой русской революции»!

— Ах, предпочел бы о ней вовсе ничего не слышать, черти бы ее побрали!

— Вздор, господин поручик! — со злостью возразил капитан.

— Нет, здесь совершать экспроприацию не годится. Но как только мы доберемся до Андижана, там ограбим Мир-Камиля⁶¹⁹. Поговаривают, что он будто бы имеет сорок миллионов рублей в

⁶¹⁸ *Кашгар, Кашгарская провинция, Кашгария* — провинция Китая с преобладающим мусульманским населением. На протяжении длительного времени находился под властью Китая. В 1862 г. мусульманское население Кашгарии восстало против китайского владычества, но вскоре контроль над этой территорией вернулся Китаю.

⁶¹⁹ *Мир-Камиль Мир-Мумынбаев (Миркамиль Мумынбаев)* был купцом, вернее самым богатым купцом в Туркестане. О его богатстве в крае ходили легенды, поскольку состояние оценивалось в 13 млн руб. (Гзовский приводит значительно большую цифру). Под стать состоянию была скупость Мумынбаева, о которой также слагались легенды.

тайнике. С такими деньгами мы можем добраться до Калькутты⁶²⁰ и основать торговое дело, — с улыбкой добавил Захаров.

— Эй, друзья! Да ведь мы дичаем! — с ужасом в голосе крикнул молодой парень с растрепанными белокурыми волосами, который до этого в молчании играл в шахматы.

— Верно, — согласился капитан. — И стыд. Если мы не верим в успех «Мухторията», то мы должны отсюда уйти. Но, разумеется, не куда-то далеко, а либо к Дутову, либо на Дон.

— Дон — далеко, а Дутов, говорят, едва держится. Как будто бы сто человек удерживают линию фронта, — вставил молодой человек в плаще кадета.

— Так что же делать? — громко спросил капитан. — Ведь мы должны либо бороться, либо сложить оружие и идти к большевикам!..

— Расстреляют. Мы все, «объявленные вне закона», не имеем иного выхода, кроме как бороться! — решительно заявил офицер среднего возраста, который до этого молчал.

Двери распахнулись, и в комнату вошел вооруженный сарг. Я узнал Эргаш-бея.

— Как дела, Эргашка?! — раздалась отовсюду дружелюбные голоса.

— Будьте здоровы! — с улыбкой ответил Эргаш и начал по очереди подавать каждому маленькую, но натруженную ладонь.

— Что слышно, курбаши? — спросил Захаров.

— Ничего нового, «якши» (хорошо), — тихо ответил Эргаш и сел на диване. — Завтра покончим с Убайдулкой.

— Почему?

— «Мухторият» приказал. Убайдулка вторгся в Коканд. Ограбил три магазина, убил двух моих «джигитов». А теперь Эргаш его убьет!

— Вы так уверены в победе? А сколько джигитов у Убайдулки? — спросил я.

— Много. Пятьсот. У меня же есть шестьдесят, но я его схвачу. Непременно схвачу.

— А что будет, если он тебя «схватит»? — спросил капитан артиллерии.

— Он не схватит меня, потому что я схвачу его первым. Посмотришь. Поезжай со мной завтра, увидишь Убайдулку.

— Охотно! — смеясь, ответил капитан.

⁶²⁰ Калькутта — город на востоке Индии.

Вошел сарт с едой. Мы все принялись есть, не исключая Эргаша и сарта. Эргаш, как и все другие сарты, ел сосредоточенно в молчании, боясь уронить хоть одно зернышко.

— А большевиков тоже разобьешь? — заговорил один из офицеров.

— Конечно! — с большой уверенностью произнес Эргаш.

— И быстро?

— Быстро, нужно лишь джигитов собрать как можно больше.

Откуда-то появилось вино. Многие начали его пить, угощая Эргаша и маленького сарта. Сперва они отказывались, но затем поступили вопреки «закону Магомета» и начали пить. После вина и чая маленький сарт начал танцевать под аккомпанемент песни Эргаша и хлопков в ладоши двух юнкеров.

Эргаш несколько захмелел. Страстными глазами следил он за танцующим стройным сартом. В комнате было жарко и полно дыму. Я вышел во двор подышать свежим воздухом.

Два разбойника

В течение лет тридцати Убайдулка был грабителем в Фергане. Он имел какой-то свой район, где родился, вырос и занимался своим необычным ремеслом. В этом районе — по площади он более или менее соответствовал среднему российскому уезду, — где распространялась его власть, не имел права появляться другой грабитель, об этом предупреждали старые ферганские разбойничьи традиции.

Районы такой деятельности были поделены между «басмачами», и все этого строго придерживались. Когда, к примеру, какой-нибудь Ибрагим нападал на караваны под Маргиланом, Абдуле, действовавшему вдоль Андижанского тракта, было запрещено вторгаться в ту сторону. Кто не уважал эту традицию, подставлял голову не только под удар соперника, но и всего сартовского населения, которое обычно говорило:

— Здесь властвует Ибрагим, зачем врываться в его владения?

Порою какой-нибудь сильный бандит, порывая с традицией, вытеснял более слабого из его района. Однако же часто стычки заканчивались «союзами»: слабейший подчинялся, и оба бандита начинали действовать сообща.

Жители Ферганы немало натерпелись от этих «басмачей», однако такое положение вещей считалось нормальным, и жители даже заключали расчетливые соглашения с бандитами. Каждый год платили разбойнику своего района. Он от этого становился

кротким, и налетам подвергался только тот, кто нерегулярно платил, или тот, кто случайно попал в разбойничий район. Все же местные жители могли справиться и сами: за право проезда через чужие края они платили тройной, или даже больше, налог местным «басмачам» и чувствовали себя в большей безопасности, чем под охраной штыков российской полиции.

К полицейской охране торговцы прибегали, только если тайный агент какого-нибудь Эргаша потребовал слишком много. Подобные случаи бывали редко и большей частью не имели смысла. Потому что полиция, щедро вознаграждаемая разбойничьими бандами, относилась к ним весьма снисходительно.

Атаман «басмачей», смелый и дерзкий, пользовался у сартов большим почетом. К нему обращались с жалобами, просьбами, часто он был судьей в спорах. Родство с известным «басмачом» считалось большой честью.

Старшие муллы верили, что со временем Коканд обретет независимость и тогда сарты выберут правителя, который займет давно опустевший трон Худояр-хана⁶²¹ в кокандском дворце⁶²². После российской революции в феврале 1917 г., когда исчез «русский паша — Николай II», надежды эти усилились. И даже уже начались ссоры, кто должен править Кокандом. Так как одни желали видеть правителем миллионера Мир-Камиля Мир-Мумынбаева, другие же (а таковых было значительно больше) утверждали, что правителем должен стать Убайдулка или Эргаш-бей.

Имена эти были у всех на устах, невзирая на группу молодой сартовской и киргизской интеллигенции, которая провозглашала

⁶²¹ Правитель Кокандского ханства в 1845—1875 гг. — *прим. авт.* Кокандский хан *Худояр* из узбекской династии Минг. Правил с перерывами с 1845 по 1875 г. Постоянная борьба за власть его братьев и феодалов неоднократно приводила к свержению его с престола (в 1858—1862 гг., 1863—1865 гг.). Продвижение русских войск и занятие ими Ташкента (1865 г.) и Ходжента (1866 г.) вынудили Худояра заключить в 1868 г. договор с Россией о вассальной зависимости. Недовольные этим феодалы подняли восстание (1874—1876 гг.) и свергли хана с престола. Он бежал под защиту царских войск. В феврале 1876 г. Кокандское ханство было упразднено и на его территории образована Ферганская область Туркестанского генерал-губернаторства.

⁶²² Речь идет о дворце последнего правителя Кокандского ханства Худояр-хана — Урда. Великолепный дворцовый комплекс был построен в 1871 г. Здание дворца построено в традициях среднеазиатского зодчества, с высоким порталом посередине, украшенным большой входной аркой и четырьмя минаретами. Дворец состоял из 7 небольших внутренних дворов и 119 комнат. Общая площадь дворца — 4 га.

«Мухторият» и мечтала о создании демократической Туркестанской республики, совершенно чуждой консервативному мусульманству.

* * *

Эргаш был родом из кишлака, где когда-то жил Убайдулка, который с малых лет присматривался к Эргашу и наконец обратился к нему с таким предложением:

— Бросай свои поля и вступай в мою банду. Станешь басмачом.

Эргаш согласился. Он оставил прежнюю жизнь, вступил в банду и вскоре занял в ней исключительное положение. Ничего удивительного. Эргаш всегда отличался ловкостью, смелостью и дерзостью. Случалось, когда добрая сотня «джигитов» не выполняла задание, с десятком дружных товарищей выдвигался Эргаш-бей и возвращался как победитель. Стали рождаться легенды, что Эргаша бережет Аллах и что не достигнет его ни сабля, ни пуля.

Убайдулка гордился молодым разбойником и часто повторял:

— После моей смерти займешь мое место.

Но гордый Эргаш не хотел ждать. Грезил о независимом атаманстве и вскоре свои мечтания претворил в жизнь. Однажды, когда он отправился в поход с половиной сотни, не вернулся больше к своему патрону, но прислал ему сообщение такого содержания: «Ты, Убайдулка, грабишь под Ошем, мне же не препятствуй под Наманганом. Дороги наши разошлись. Сохрани обо мне добрую память и не мешай мне — иначе навлечешь на себя гнев Аллаха».

Взбешенный и оскорбленный до глубины души, Убайдулка со всей бандой бросился в погоню за Эргашем. Но исход битвы был для него неудачным, и Эргаш ускользнул в горы и там еще увеличил численность своей банды, переманив на свою сторону воинственных киргизов.

Убайдулка поклялся отомстить Эргашу. Поклялся на Коране. Он сжег «кибитку» Эргаша в его родном кишлаке и похитил его молодую жену. Когда об этом узнал Эргаш, он тоже поклялся на Коране беспощадно отомстить. И с того времени началась ненависть и борьба между двумя разбойниками.

Полгода назад Эргаш со своими людьми появился близ Коканда и стал нападать на его предместья. Узнав об этом, поспешил к Коканду и Убайдулка.

Под командованием Эргаша находилось едва ли двести человек, Убайдулка же командовал четырьмя сотнями. Вдобавок Эргаша

преследовал начальник полиции Бишер⁶²³. Поэтому в один день ситуация для Эргаша стала опасной.

Чтобы выйти целым и невредимым из трудного положения, Эргаш отправил гонца в Старый Коканд и предложил сартам дружбу и помощь.

Предложение было принято, и Эргаш появился в Коканде в роли курбаши. Он привез с собой тридцать отборных и любимых джигитов и создал из них полицию. Оставшиеся джигиты осыпали его проклятиями, ругали предателем и присоединились к Убайдулке.

Странными были эта встреча и это приветствие курбаши Эргаша и начальника полиции Бишерта.

Эргаш первым протянул правую руку и произнес:

— Приветствую, господин Бишерт. Теперь уж я не басмач, теперь я курбаши. Живем же теперь в согласии и будем друзьями!

Бишерт злобно стиснул зубы, закусил губы, однако подал руку Эргашу.

* * *

На площади перед главной мечетью собралось все население Старого Коканда, разумеется, только мужчины. Были здесь богачи в прекрасных разноцветных халатах, были и бедняки в серых лохмотьях. Муллы и знатные сарты в белых как снег «чалмах»-тюрбанах, стояли полукруглом, шепотом разговаривая о каких-то важных делах.

В центре площади, окруженные людским кольцом, стояли конные джигиты, вооруженные с головы до ног, и всматривались в сторону мечети.

Затем толпа дрогнула.

— Эргаш, Эргаш! — раздалась отовсюду возгласы.

Толпа расступилась, давая дорогу Эргашу, который, выйдя из мечети, направился к своим джигитам. Затем, вернувшись к старейшинам, начал говорить немного театрально:

— Жители Коканда! Жестокий разбойник Убайдулка уничтожает деревни и города, притесняя и убивая жителей. Сегодня он находится на расстоянии восемнадцати верст от Коканда и намеревается снова вторгнуться в эти дни в город. Но я этого не допущу, — говорил он по-сартовски, — Аллах покарает разбойника рукой курбаши Эргаш-бея. У меня есть лишь шестьдесят человек, у Убайдулки — пятьсот, но я пойду бороться с ним. Здесь, перед мечетью

⁶²³ Биографические данные уточнить не удалось.

Аллаха, я обещаю вам, что завтра, когда солнце еще не скроется и мулла не позовет верных на молитву, я приведу сюда Убайдулку, и на этом самом месте Аллах вынесет ему приговор! Будьте здоровы!

— Будь здоров! Храни тебя Аллах! Приведи Убайдулку, если Аллах позволит! — вопила толпа.

А в последних рядах — Эргаш это прекрасно слышал — раздавались крики:

— Будь нашим ханом, Эргаш-бей! О, Эргаш-бей, согласись стать ханом Ферганы!

Он хочет быть ханом в Коканде, но для достижения этой цели нужно раздавить противника — Убайдулку. Эргаш вскочил на коня, прикрикнул на джигитов, и все умчались.

Он знал, что едет на борьбу не только с сильным личным врагом, но и с опасным конкурентом за ханский трон. Он шел за победой или на верную смерть.

* * *

Старый Убайдулка был уверен в победе. Ведь у него в подчинении было пятьсот человек, а у Эргаша едва набиралось шестьдесят. Правда, разведчики донесли Убайдулке, что в Старом Коканде существует какой-то «Мухторият»⁶²⁴ и что у него есть двести солдат-персов. Но что там эти персы? Народ ненадежный, в битвах никогда не участвовали, лошадей у них нет, и при этом они должны охранять Коканд от каких-то там большевиков.

Таким образом, Убайдулка чувствовал себя в кишлаке в безопасности и выжидал подходящую минуту, чтобы ворваться в Старый Коканд, схватить и убить Эргаша. Хотя и знал Убайдулка дерзость Эргаша, но никогда бы не пришло ему в голову, что тот осмелится атаковать занятый им кишлак!

Но Эргаш, однако, атаковал. И напал он в такую минуту, когда никто его не ожидал. Он атаковал в одно мгновение и внезапно и потому, никем не пойманный, направился к кишлаку.

Джигиты Убайдулки начали разбегаться, преследуемые джигитами Эргаша. Убайдулка едва успел вскочить на коня и с десятью людьми перебраться в соседний кишлак. Но тут ждала его страшная неожиданность. Двенадцать человек Эргаш-бея, оставленных в укрытии, окружили его, убив под ним коня. Он был схвачен и связан. Были также схвачены четверо его джигитов, а другие, раненные, не успели убежать.

⁶²⁴ Здесь дословно: «какое-то правительство».

— А, это ты, Убайдулка! Ха-ха-ха! — смеялся в голос Эргаш и с садистским удовольствием потирал руки.

Убайдулка начал отчаянно выть, как волк, от бешенства и бессилия.

* * *

Отправленный гонец объявил жителям Коканда:

— Едет Эргаш и ведет связанного Убайдулку и его четырех джигитов. Басмачи Убайдулки разбежались, оставив восемнадцать убитых. Трупы волокут в город на арканах. Эргаш потерял одного джигита, и один джигит ранен.

Почти весь город вышел встречать победителя. Ему низко кланялись и осыпали его серебряными монетами — это была честь, которую оказывали только ханам.

Связанный Убайдулка нечеловечески кричал...

* * *

— Жители Старого Коканда! Благодаря Аллаху я выполнил свое обещание. Разбойник Убайдулка перед вами!

— Смерть разбойнику! — взревела толпа и бросилась расправиться с басмачами. Но Эргаш одним движением руки удержал взволнованных сартов.

— Убайдулка и его басмачи умрут завтра от руки Эргаш-бея. Вы должны вкопать пять столбов и к ним привязать преступников. Приказ был тут же выполнен.

Напрасными были хлопоты правительства Нового Коканда⁶²⁵ о получении преступников и заключении их под стражу, чтобы те затем предстали перед судом.

На следующий день — был этот день праздничным для людских масс — Эргаш-бей собственноручно перерезал горло Убайдулке и всем его басмачам.

Эргаш лично явился в здание временного правительства и, исполненный кротости, доложил, что Аллах уже совершил свой суд и покарал Убайдулку и его бандитов. Сообщая предначертания

⁶²⁵ Под «Новым Кокандом» подразумевается европейская часть г. Коканда, в котором власть одновременно осуществлял глава антибольшевистского городского самоуправления и Совет народных депутатов, в котором большевики составляли почти половину депутатского корпуса.

Аллаха, Эргаш, очевидно, думал про себя: «Придет день, когда, будучи ханом Коканда, я перережу горло всем вам, господа министры. А сейчас... сейчас я еще должен притворяться, что во всем вам подчиняюсь!»

Перед бурей

Минуло два месяца. Я преодолел силу технических препятствий и наконец начал издавать скромную газетку: «Известия Временного правительства автономного Туркестана». Газета пользовалась большим успехом. Большевики не пропускали ее в Ташкент и изымали отовсюду, где могли.

Работа временного правительства становилась все более систематичной, и это тревожило большевиков в Ташкенте. Они поняли, что такое раздвоение власти неблагоприятно, и предчувствовали, что Коканд может стать новой Вандеей, которая может разрастись и погубить узурпаторов. Комиссары Цвилинг, Колесов и Тоболин видели необходимость усмирить эту выросшую под боком Вандею, но, не зная сил Коканда, боялись столкнуться с неудачей, не будучи уверенными в собственных товарищах.

В самом Коканде также не было единства. Старый город подчинялся «Мухторияту», в Новом же (или в европейском районе) власть осуществлял глава городского самоуправления и антибольшевистской Думы⁶²⁶. Однако в этой части города существовал также «Совдеп», наполовину большевистский, под руководством некоего большевика Бабушкина⁶²⁷, очередного второстепенного служащего, человека малоинтеллигентного. Жители Нового города охотно согласились бы на власть «Мухторията», однако «Совдеп» эту власть совершенно не признавал и руководствовался инструкциями из «Красного Ташкента». Вскоре этот город решил попробовать свои силы.

* * *

Однажды днем в комнату при типографии, где печатались мои «Новости», ворвался запыхавшийся капитан артиллерии.

— Вы слышали, что случилось? — спросил он с испуганным лицом.

— Нет.

⁶²⁶ Речь идет о городской Думе.

⁶²⁷ Биографические сведения уточнить не удалось.

— Оренбург сдался! Он захвачен комиссаром Кобозевым⁶²⁸ и его армией, насчитывающей двенадцать тысяч! Часть этой армии уже направлена в Ташкент. Это одна новость! А другая новость — то, что через три часа в Коканд войдет отряд большевиков под командованием комиссара Ташкента Полторацкого!

— И что ж дальше?

— Как что! Вас, как редактора официальной правительственной газеты, это должно интересовать. Ведь нет сомнений, что начнутся аресты, расстрелы, издевательства... Хо-хо, Вас это, наверное, не минует! — сказал, волнуясь, капитан.

— Но ведь у «Мухторията» есть войско? Ведь нужно дать отпор, мы тоже будем сражаться! — горячо возразил я.

— Эх, господин редактор, что это за войско! Конечно, у нас есть пятьсот вооруженных «восточных людей», нас самих семьдесят пять, но, ей-богу, что это против красных войск? Даже если бы мы победили отряд Полторацкого, то через пару дней от Кобозева придут новые подкрепления и покончат с нами. У Кобозева большей частью матросы, а эти сражаются отлично и пощадить не дают.

Я пожал плечами.

— Что ж мы должны делать?

— Должны уезжать, вот и все! — решительно сказал капитан.

— Сейчас пойдем в «интернат», там как раз обсуждают эту тему. У нас есть два коня и оружие. Можем перебраться в дальние поселения, либо пробраться в Кашгар. На коней положим вещи, а сами двинемся пешком.

Ввиду таких новостей я бросил работу, и мы направились к дому Вогау, то есть в «Мухторият».

— Сарты ничего не добьются. Это ослы, а не люди, — продолжал капитан.

До этой минуты я знал его как человека отважного, но, очевидно, сперва неожиданные новости, а затем недостаток веры в «Мухторият» так изменили его.

В доме Вогау царил страшный переполох. Министры метались по залу, как сумасшедшие зайцы, машинистки, вместо того чтобы выполнять свою работу, одна за другой заходились истерическим плачем, студент дрожал как от лихорадки и постоянно кому-то

⁶²⁸ Кобозев Петр Алексеевич (1878—1941) — большевик, в 1917 г. — комиссар Оренбургско-Ташкентской железной дороги. В ноябре 1917 — феврале 1918 г. — чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК РСФСР по Средней Азии и Западной Сибири. Возглавил борьбу против атамана Дутова.

звонил, а тучный бухгалтер⁶²⁹ «пропал без вести» — при первых же слухах о возможных переменах, он забрал чемодан и с первым товарным поездом выехал в направлении Андижана.

Один только Эргаш сохранял хладнокровие и, словно ничего не случилось, гулял по залу, играя со своей саблей. Не сумев объяснить с министрами, я подошел к нему:

— Скажите, «курбаши», мы убегаем? — спросил я.

— Зачем убегать? — спросил он удивленно. — Будем стрелять, а не бежать.

Тон его голоса был решительный и спокойный.

— А какие настроения среди ваших джигитов?

— Джигиты? Хотят покончить с большевиками.

У меня осталось впечатление, что в «Мухторияте» спокойствие сохранил только Эргаш-бей.

Я направился в интернат. Там ожесточенно спорили. Одни доказывали необходимость бегства, другие хотели сражаться любой ценой, третьи советовали ждать. В конечном счете из семидесяти пяти офицеров тридцать пять поспешно собрали свои пожитки и сбежали. Сорок офицеров и юнкеров остались с непоколебимым решением бороться вместе с джигитами Эргаш-бея и разделить их судьбу.

* * *

Вечером того же дня в Коканд прибыл «товарищ» Полторацкий с отрядом, состоявшим из 400 человек и 6 пулеметов. От дворца он направился прямо к крепости, в которой находился небольшой гарнизон. Он тотчас же по телефону вызвал к себе главу городско-го самоуправления и жестко, со всей категоричностью, заявил ему:

— Я прибыл сюда, чтобы национализировать банки⁶³⁰. Будьте добры сообщить сотрудникам всех банков, чтобы завтра с утра все были на своих местах. Кроме того, прошу уведомить так называемое временное правительство, чтобы не мешали моим распоряжениям, в противном же случае это повлечет за собой самые горькие последствия. Я прибыл с пулеметами, а в крепости есть пушки — пусть министры хорошо об этом помнят.

Глава города повторил его слова министрам, а те хорошо записали их в памяти. Поэтому, когда на следующий день на территории

⁶²⁹ Возможно, речь идет о министре финансов С. Герцфельде.

⁶³⁰ В городах Ферганской долины, в первую очередь в Коканде, был сосредоточен банковский капитал. Связано это было с выращиванием, переработкой и продажей хлопка-сырца.

Старого города⁶³¹ появился Полторацкий с «красными солдатами», дом Вогау был закрыт, а министры отсутствовали.

Полторацкий открыл все кассы, забрал из банков кругленькую сумму в 18 млн руб., а затем вечерним поездом вернулся в Ташкент. При отъезде на вокзале он намекнул кому-то, что пока что не захватывает «Мухторият», так как сейчас у него нет вагона для арестованных, но он также предупредил, что за «Мухториятом» однажды приедет.

После отъезда Полторацкого, «министры» снова появились в доме Вогау. Все были в чрезвычайном замешательстве.

Эргаш-бей обратился к ним с упреками:

— Когда Эргаш советовал: «Возьмите деньги», — «Мухторият» не хотел брать.

Потом оказалось, что, когда министры, напуганные Полторацким, исчезли, Эргаш собрал свое войско, занял все мечети и ждал, когда красные солдаты появятся в центре Старого города. Но солдаты там не объявились, так как были заняты исключительно банками. Банки же находились в предместье, почти возле самого въезда в Старый город.

Первая проверка сил оказалась неблагоприятной для «Мухторията». Все чувствовали, что такое положение не продлится долго и кто-то из противников отважится на решительный шаг. Воистину, после первого увеличения сил может показаться чрезвычайно странным, что «Мухторият» оказался наступающей стороной. А случилось это следующим образом: министры узнали, что из Персии подтягиваются оренбургские казацкие отряды, враждебно настроенные к большевикам. Казаки должны были идти на Самарканд и Ташкент, и тогда они могли занять эти города и выбросить оттуда большевиков.

Навстречу оренбургским казакам отправили «министра» Ходжаева, который сумел объясниться с ними. Казаки согласились освободить оба города и передать власть в руки «Мухторията».

В доме Вогау состоялось военное совещание, на котором было принято решение захватить в ближайшие дни Новый город и крепость. План военных действий разработал полковник генерального штаба господин Ф.

Но этот план пришелся не по душе Эргаш-бею.

⁶³¹ Часть города, находившаяся под контролем правительства Туркестанской (Кокандской) автономии.

— У большевиков в крепости есть пулеметы и даже пушки. У нас же только карабины. Подождем лучше, пусть казаки займут Ташкент, и тогда покончим с большевиками в Коканде. А если казаки не захватят город, то большевики с ними покончат, а затем придут за нами. И тогда погибнем.

Эргаша не слушали, и было решено начать действовать. Эргаш недовольно пожимал плечами и утверждал, что не верит в благополучный исход этой операции, но так как он присягал на Коране на службу «Мухторияту», то будет его преданно защищать и пойдет в атаку.

Трагедия Коканда

В крепости Коканда тишина. Почти все солдаты гарнизона находятся в городе, только двенадцать спят в казармах, а тринадцатый — татарин Ибрагим-оглы несет караул у ворот. Сидит, с тоскливым лицом поет и думает о том, как ему через пару дней дадут отпуск, как он поедет домой, в Казанскую губернию.

Ибрагим служит в войске уже шесть лет, и ничего удивительного, что ему это надоело. Его тянет домой, он хотел бы торговать, и у него совсем нет охоты просиживать возле этих противных ворот и караулить, чтобы какие-нибудь «контрреволюционеры», как говорят в «Совдепе», не ворвались. Ибрагим с удовольствием бы заснул, как обычно делают все караульные. Сегодня, однако, спать нельзя, потому что у «товарища коменданта» прием по случаю именин, и кто-нибудь еще может приехать в гости. Если бы не это обстоятельство, можно было бы спать спокойно. В конце концов пушки, пулеметы и другое оружие хорошо спрятано и заперто в арсенале. Ну а «контрреволюционеры» через стены не переберутся, высоки! Впрочем, татарин в их существование не верит, потому что это только выдумки «большевиков».

Ибрагиму хочется пойти к «товарищу коменданту», но не получается, никто ведь не приглашал его, комендант (бывший хорунжий, человек лет 40) лишь сказал ему:

— Сегодня у меня гости, поэтому прошу вас, товарищ, не спать и открывать ворота гостям.

Но это не просьба, это приказ. Поэтому Ибрагим открывал ворота, но приехало только пять человек. Сейчас они, наверное, пьют... В окнах верхнего этажа свет. Ах, если бы заснуть!..

* * *

Дом Вогау переполнен людьми. В зале и коридорах стоят вооруженные люди: персы, киргизы, сарты, русские.

В кабинете министров собрался весь «Мухторият» — полковник, три офицера, один юнкер и курбаши Эргаш-бей. Не хватало одного Шагиахметова.

Полковник Ф. разъясняет план:

— Господин поручик и три джигита поедут на пролетке к крепости. Приблизившись, господин поручик изображает пьяного. Потом пан постучит в ворота, требуя, чтобы открыли ворота, потому что он спешит на прием к коменданту. Его сразу же пропускают. В то же время джигиты убивают караульного, а господин поручик свистит. Поблизости будет стоять наготове отряд из пятидесяти человек. Они немедленно ворвутся в крепость и захватят арсенал. Я прошу помнить о том, что в казармах есть двенадцать солдат, я думаю, что со спящими господин поручик справится. Впрочем, на них слишком много внимания не обращайтесь и в первую очередь займитесь арсеналом. У коменданта среди гостей находится министр Шагиахметов, после вашего прибытия он возьмет командование над крепостью. Господину поручику все понятно?

— Я все понял.

— Хорошо. Вы, господин подхорунжий, — распоряжается дальше полковник, — возьмете двадцать человек, и с ними отправитесь в Новый город. Там вы окружите дом председателя «Совдепа» Бабушкина. Этого негодяя господин подхорунжий арестует, а если большевик будет сопротивляться, вы можете обойтись с ним сурово.

— В соответствии с приказом...

— Вы, господин капитан, и двадцать пять джигитов займут телефонную станцию. Вы прервете работу телефонов и будете ждать дальнейших приказов.

— А что будет делать Эргаш? — спросил Чокаев.

— Возьмет сто человек и будет охранять вход в Старый город.

— На железную дорогу будет кто-нибудь отправлен? — поинтересовался Агаев.

— Разумеется. Я уже отправил сто человек в двух направлениях. Полагаю, они уже действуют. Они должны воспрепятствовать движению на железной дороге.

— Так вот, — продолжал командующий, — я отправил триста двадцать человек в поле, и у нас есть еще двести двадцать пять в резерве. Я верю в удачу. Утром Новый город будет в руках «временного правительства». Крепость тоже.

— Полагаю, что так, — как-то с неохотой добавил Ходжаев.

— А сейчас, господа, прошу всех идти в поле выполнять приказ! — скомандовал полковник.

Все подчинились приказу.

* * *

Маленькая станция Ургенчи⁶³².

Начальник станции дремлет. Сторож храпит в коридоре, а двое стрелочников — в своих будках. Кроме них, нет ни души. Ах, да: есть еще семья начальника, состоящая из пяти человек: жены и четверых маленьких детей.

На станции тишина. Поезд ожидают через два часа. Вдруг появляются какие-то тени. Ближе и ближе. Слышатся разговоры и шаги толпы. Толпа движется в направлении станции и занимает ее. Начальник станции просыпается.

— Что случилось? Что это? Боже мой, сарты?! Восстание?

Начальник бросается во все стороны, будит сторожа. Пробует звонить:

— На помощь!... Сыр-Дарья... Ургенчи погибает... — больше он ничего уже не говорит, потому что провода перерезаны, связь отсутствует.

Сторож выбегает из здания, но погибает под ударами топоров.

— На помощь! — кричит начальник станции.

Вместо ответа — выстрелы. Охваченная ужасом жена начальника поднимается с постели, выбивает оконное стекло и выскакивает на станцию. Еще выстрелы, и женщина падает.

— Стреляй! Бей! — кричат сарты.

— Стой, стой! Не убивай! — слышен призыв русских. Внутрь станционного здания врываются персы и русский без эполетов.

— Убить его! — кричит перс, увидев начальника станции.

— Стой! Не двигайся! Нельзя! — приказывает офицер и поворачивается к начальнику станции:

— От имени временного правительства автономного Туркестана

⁶³² Возможно, А. Гзовский допустил ошибку в названии станции. Город с похожим названием — Ургенч — находится на расстоянии нескольких сотен километров от Коканда.

я занимаю эту станцию. Ничего не бойтесь, вы в безопасности. Мы расправляемся только с большевиками!

Так утверждал русский офицер, но не так понимали свое задание сарты, которые присоединились к отряду «Мухторията». Не обращая внимания на офицера, сарты глумились на трупами, все больше распаялясь:

— Во имя Аллаха, бей русских!

Почти чудом офицер спас начальника станции и его детей, вынеся их из пылающего здания. Но начальник станции как вкопанный остановился перед женским трупом, кроваво освещенным светом пожара.

— Катя, Катя моя! Дорогая, любимая Катя! — отчаянно вопил он и рухнул на труп жены. Начал его целовать, гладить волосы, снова целовать. Кровью, которая еще сочилась из ран, он обагрил свое лицо и руки.

Толпа же выла с нечеловеческой яростью. Толпа ломала железнодорожные стрелки, переворачивала столбы, гнула рельсы...

* * *

Спящий Ибрагим-оглы проснулся от резкого и настойчивого стука в ворота крепости.

— Наверное гости к коменданту, — подумал он, лениво вставая.

— Кто там? — спросил он, подходя к воротам.

— Открывай быстро! — раздался пьяный голос.

— Кто?

— Открывай! К товарищу коменданту.

— Аааа...

Ибрагим медленно достает ключ из кармана и начинает открывать. Однако долго не может справиться, потому что замки заржавели и ключ не входит, поэтому заспанный с недовольством бурчит себе что-то под нос. За воротами же нетерпение.

Тем временем в казармах проснулся солдат. Потянулся, протер глаза и вышел на минутку. Стоит в белье, холодно ему, вокруг пустота, никого не видеть. Однако он слышит, что ворота открылись, и кто-то входит в крепость. Он уже возвращался в казармы. Но тогда до его ушей долетает стон Ибрагима и отзвук падающего тела. Потом свист, топанье множества ног и доносящийся голос.

— К арсеналу! Ломать замки! Выкатить орудия! Окружить казармы!

«Что это? Нападение на крепость?» — подумал солдат, ворвался в казармы, закрыл двери и закричал нечеловеческим голосом:

— Атака! К оружию! Вставайте, что есть духу! К оружию!

В одну минуту очнулись заспанные солдаты и похватили карабины. Подскочили к окнам и начали стрелять. Персы дрогнули. Они не ожидали, что их может встретить такой густой оружейный залп.

— Ложись! Огонь! — скомандовал офицер.

Персы упали и начали стрелять. Стреляли беспорядочно, во все стороны, совершенно не целясь. В потемках не различали своих и чужих.

Стрельба эта продолжалась пару минут. Внезапно раздался взрыв гранаты, потом второй, третий... Это осажденные солдаты бросали их из окон.

Персы пришли в ужас, трусили, поднялись с земли и стали убежать. Начали толкаться у входа. Если бы солдаты заметили их во время, они могли бы всех без исключения перестрелять по очереди, как перепелок. Офицер, громко проклиная своих «джигитов», последним выскочил за ворота. Когда он свернул на боковую улочку, то увидел, как ворота затряслись, через минуту начал стрелять пулемет.

— Все пропало! — прошептал он.

В эту же самую минуту все пропало и на почте, которая без препятствий была уже занята «автономистами». Поэтому сразу же, как только персы услышали стрельбу в крепости, они разбежались и бросили почту. Не повезло и с квартирой председателя «Совдепа». Бабушкин вовремя проснулся, забаррикадировал дверь и начал стрелять из маузера. Ранил одного перса, а остальные рассеялись. Только телефонная станция, расположенная в Старом городе, осталась в руках «автономистов».

Две телефонистки истерически рыдали от страха. Капитан их успокаивал:

— Не бойтесь! Ничего с вами не случится! Мы боремся только с большевиками.

* * *

Жителей Нового Коканда разбудили выстрелы. Никто не знал, что именно случилось. Хотели позвонить, но телефоны не работали. Поэтому все с тревогой ожидали утра в своих домах.

С утра же солдаты подняли тревогу.

— Что случилось?
— Сарты восстали, атаковали крепость, заняли почту и телефонную станцию.
— Восстание сартов! — эхом пронеслось по европейской части города.

— Сарты восстали! Будут убивать русских!.. Так же, как недавно в Джизаке, — произнесла какая-то перепуганная женщина.

Никому, однако, не пришло в голову, что сарты восстали не против русских, а против российских большевиков. Одновременно с этим разные личности с темным прошлым, и прежде всего — армяне, с давних пор ненавидящие сартов, стали распространять провокационные слухи.

— Сарты хотят устроить резню немусульман. Бить сартов!

В это время к крепости подтягивались сотни русских служащих, фабричных работников, железнодорожников, с семьями и домочадцами. Способные носить оружие получали карабины и присоединялись к гарнизону крепости, который постоянно увеличивался и насчитывал уже 2000 человек. Ко всему прочему послали гонцов к ближайшим станциям, чтобы телеграфировать в Ташкент, Андижан и Наманган: «В Коканде восстали сарты. Атаковали крепость. Спешите на помощь».

В крепости же собрался «Совдеп» Коканда и постановил напечатать ультиматум следующего содержания: «Ввиду сегодняшнего нападения сартов на русскую крепость, требуем разоружения банд так называемого временного правительства, требуем сдачи оружия и лиц, которые именуются членами “временного правительства автономного Туркестана”; в Старый город вступают наши войска для проверки. Требуем также выплаты контрибуций в сумме пяти миллионов рублей. Если к третьему часу Старый город не выполнит наших требований, мы начнем военные действия с обстрела города из пушек».

Большевистский «ультиматум» четко указывал, что требования предъявлены не к каким-нибудь «контрреволюционерам» или «буржуазии», а ко всем жителям Старого города, и значит — ко всем сартам. Политическое столкновение приобретало характер народной борьбы.

«Ультиматум» был направлен в 12 пополудни, а в половине третьего советники «думы» Старого города отправили ответ следующего содержания: «Доводим до сведения гарнизона крепости Коканда, а также русских жителей Нового города, что никакой

ненависти к вам не питаем. Ночное нападение на крепость было совершено какими-то авантюристами, но никто ответственный в нем не участвовал. Городской совет начнет следствие и предпримет все шаги, чтобы выяснить это происшествие. В Старом Коканде нет банд «временного правительства автономного Туркестана», поскольку представители этого правительства сложили полномочия и покинули город. Требование о выплате контрибуции является вопиющей несправедливостью, а начало военных действий и бомбардировка города, в котором проживают также и русские, — повлечет за собой непредсказуемые и нежелательные последствия».

Ответ этот «Совдеп» все же считал недостаточным. Поэтому точно в три часа начался обстрел Старого Коканда.

«Дни Газавата»⁶³³

Настроение в Старом Коканде было взволнованное. Советники «думы» — сарты отказались от «Мухторията», опасаясь нападения большевиков. «Мухторият», однако, существовал, но не знал, что делать. Если бы план захвата крепости удался, «автономисты» имели бы достаточно оружия, которым бы вооружили молодых сартов, и тогда «Мухторият» мог бы чувствовать себя в безопасности. Поскольку план не удался, Старый город стоял перед угрозой уничтожения. Правда, существовала надежда, что казаки займут Самарканд и Ташкент, и уже оттуда поспешат в Коканд, чтобы победить большевиков, но все это оставалось лишь надеждой, которая могла даже претвориться в жизнь, однако до этого времени нужно было продержаться как-то своими силами.

Когда из крепости просвистел первый снаряд, который пролетел над городом и упал на один из кишлаков, все поняли, что нужно принять брошенный вызов и защищаться до последнего вздоха. Тогда «Мухторият» начал организовывать оборону.

Полковник Ф. поделил все войска на несколько групп. Эти группы заняли все входы в Старый Коканд, а узкие улочки, которые соединяли Старый Коканд с Новым, плотно забаррикадировали. Полковник полагал, что бомбардировка города из пушек в конечном счете не принесет ожидаемых результатов, и если большевики наконец решатся занять Старый Коканд, их войска будут вынуждены покинуть крепость и двинуться в атаку. Если бы обстоятельства сложились именно таким образом, то полковник пи-

⁶³³ Газават — священная война. — прим. авт.

тал надежду, что окончательный результат борьбы будет для них неблагоприятным. Так как улицы Коканда были узкие и кривые, они соединялись между собой тысячами разных способов, которые были известны только местным жителям. Поэтому полковник Ф. мог надеяться, что большевики, не знающие этой части города, проиграют мусульманам, превосходящим их в знании местности.

А тем временем неустрашимый Эргаш во главе пятидесяти джигитов, ворвался в Новый Коканд, занял одну из улиц и захватил несколько высоких зданий неподалеку от крепости. Оттуда он имел возможность обстреливать гарнизон. Он наскоро укрепился на занятых улицах и даже вырыл окопы.

Не обращая внимания на частые очереди пулеметов, Эргаш и десять других смельчаков начали редкими, но точными выстрелами беспокоить гарнизон крепости. Первым выстрелом из карабина Эргаш убил артиллериста, следующим выстрелом ранил двоих, которые неосмотрительно высунулись за стены крепости. В ответ на это большевики усилили обстрел города. Они пустили в ход три пушки.

* * *

Ни в чем не повинные спокойные жители Старого города терялись в домыслах и слухах и не могли выяснить, что происходит. Почему российская крепость внезапно начала громить их дома? Почему русские начали военные действия? Вопрос этот повторялся неустанно и не находил ответа. Понятия «русский большевик» и «русский гражданин» сарты не могли отличить друг от друга, путали их, совершенно не ориентируясь в ситуации.

Когда наконец дом Вогау объявил населению, что большевики стремятся занять Старый город и разбить сартов, жители пришли к убеждению, что все русские — их враги, потому что жаждут сломить сартов.

— Вайдог! Аллах! Аллах! (Караул! Боже! Боже!), — кричали толпы.

К вечеру крики усилились, потому что кричали уже все: и дети, и женщины, и старики, и молодые. Толпы людей заполняли мечети, моля Бога и мулл о защите и спасении.

Русские, жившие в Старом городе, оказались в страшной ситуации, поначалу они боялись прихода большевиков, а затем уже сартов; они понимали, что в конце концов сарты обратят свой гнев и негодование против русских и христиан, не разбирая, кто боль-

шевик, а кто нет. И действительно, сарты все более враждебно стали поглядывать на живущих среди них русских.

— Зачем они здесь? Ведь русские обстреливают наш город? Русские наши враги. Мы должны уничтожить русских, — начали роптать в толпе.

Члены «Мухторията» понимали весь трагизм ситуации. Они старались объяснить сартам, что их врагами являются не русские вообще, а русские большевики, но объяснения эти принесли мало результата. Муллы не доверяли «Мухторияту», а старшие улемы (мудрецы, знатоки книг и законов шарията) закрылись в мечетях и долго совещались.

К вечеру солдаты гарнизона решили организовать разведку, атаковать Старый город и в первую очередь захватить телефонную станцию. Двести добровольцев с двумя пулеметами отправились на вылазку, но джигиты встретили их залпами из ружей. Стреляли из окон, с чердаков, с крыш, из подворотен, со стен мечетей.

После часового сражения большевики отступили, оставив семеро убитых. Но и войско «Мухторията» также же имело людские потери. Когда спустились сумерки, обстрел из пушек почти прекратился. Солдаты вернулись в крепость, ожидая утра, чтобы снова начать эту бессмысленную борьбу.

А в это время в Старом городе крики тысячной толпы все усиливались. Это не были возгласы мольбы о помощи, это были призывы к мести. Грозная, дикая ненависть охватила толпы.

— Ур урус! Ур! (Бей русских! Бей!), — кричали сарты, перебегая улицу. И охватила их такая ненависть и бешенство, что, обычно спокойные и богобоязненные, не помнили они сегодня даже о вечерних молитвах.

* * *

В Андижане, Намангане, Скобелеве ночью получили вести о «восстании сартов в Коканде». На всех это произвело огромное впечатление.

— Сегодня в Коканде — завтра у нас, — говорили одни.

— Сарты жестоки во время восстания, они убивают всех, — повторяли другие.

— Мы должны помочь бедному Коканду.

Но очень мало людей понимало, что на самом деле происходит, и потому во всех этих городах начали организовывать «карательные экспедиции», или отряды защиты от мусульманского восстания.

В Коканд отправились рабочие, солдаты, служащие и ученики. Они взяли с собой пушки и пулеметы. Из Скобелева двинулась сотня оренбургских казаков. Из Андижана — батарея тяжелой артиллерии. Все направлялись, чтобы «покарать взбунтовавшихся сартов».

С утра сражение разгорелось с новой силой. Загремели в крепости пушки, стали работать пулеметы, которые с крепостного вала обстреливали каждого сарта, который неосторожно появлялся на близлежащих улицах Старого города.

С зарей Эргаш начал наступление на большевиков. Занял ряд улиц и старался окружить крепость. Гарнизон крепости, опасаясь осады, направил часть войска, чтобы отбить занятые Эргашем улицы и здания Нового города. Началась ожесточенная уличная борьба. Русских было больше. Эргаш яростно защищался. Сам он находился в самых опасных точках. Пули миновали его, как и прежде. Он был несокрушим.

А тем временем в Старом городе появились муллы с зелеными флагами, украшенными полумесяцем. Процессия обходила улицы, переулки, дома и мечети.

— Ур урус! Да здравствует «газават»! — кричали муллы.

— Да здравствует священная война! — повторяли сарты и начинали поспешно вооружаться.

Они хватали палки, топоры, кинжалы, дробовики, старые пистолеты и револьверы, спеша на помощь джигитам «Мухторията». А по дороге они стали убивать всех русских, которые жили в Старом городе. Убивали мужчин, не щадя стариков и детей. Убивали с жестокостью, нередко подвергая жертву различным мукам. Женщин не трогали, потому что по представлениям сартов-мусульман, женщина настолько ничтожна, что не стоит того, чтобы марать об нее руки.

Почти все дома русских в Старом Коканде были разгромлены сартовской чернью. После полудня в Новый Коканд прибыли подкрепления из Андижана, Намангана и Скобелева. Но и Старый Коканд не остался без помощи. Муллы и Эргаш-бей разослали гонцов в ближайшие селения и деревни; подтянулись сарты. Все были вооружены кое-как. Они шли сражаться с «неверными», которые посягнули на Старый Коканд.

Сражение продолжалось. Гибли невинные, кровь заливала улицы и брызгами окропляла дома, во многих местах начались распространяться страшные пожары.

* * *

На третий день этой бессмысленной борьбы несколько русских, не обращая внимания на свистящие пули, приблизилось к крепости с белым флагом.

— Люди! Братья! Товарищи! Остановим эту братоубийственную войну.

Солдаты оскорбляли делегатов, однако все же впустили «буржуев» в крепость. Боевой дух гарнизона начал падать, так как солдаты были готовы принять предложения о мире. К прибывшим вышел Бабушкин. Ему доложили, что они собираются идти к сартам и предложить им перемирие.

— Нужно наконец понять, товарищи. Погибают люди, погибает город. Имейте сострадание к себе и к другим, — умоляли представители русской интеллигенции.

Бабушкин поначалу возражал, боролся с собой, но наконец согласился выслать парламентариев в Старый город.

— Наши условия, — сказал он, — основываются на том, чтобы они немедленно сложили оружие и выпроводили свои банды за пределы города.

Парламентарии ушли.

Сперва сарты набросились на них, но после выяснения недоумения пропустили их в дом Вогау. Члены «Мухторията» объявили парламентариям, что сарты готовы согласиться на мир при условии “status quo ante bellum”⁶³⁴. Обе стороны подписали соглашение, по условиям которого Коканд поделен на две части, каждая из которых, Старый и Новый город, живет независимо от другой.

Этих условий крепость не приняла, и борьба снова закипела с прежней жестокостью. Положение русских, которые не укрылись в крепости и не присоединились к гарнизону, а остались нейтральными, было опасным. «Товарищи солдаты» убивали их за «буржуазность», а сарты — как «христиан».

Конец Коканда

Шестидневная упорная борьба не дала никаких результатов. Сарты, несмотря на все свое мужество и отвагу (черты, которые в целом для них нехарактерны), не могли захватить крепость. Русские же (не только большевики, но, к сожалению, и те, кто ими не был), несмотря на свое техническое превосходство, занять Старый

⁶³⁴ Положение, существовавшее до войны (*лат.*).

город не сумели. Потери сартов составляли 3—4 тысячи (считая женщин, детей и стариков, которые погибли от артиллерийских снарядов), а потери русских (считая также жертвы среди гражданского населения, не принимавшего значительного участия в сражении) выражались в сотнях: приблизительно 500—600 человек.

Старый город был уже наполовину сожжен, в Новом городе сгорела пара улиц и вся площадь перед крепостью. Очень часто русские солдаты, якобы для стратегических целей, выселяли жителей из богатых домов, которые грабили, а затем такие дома поливали керосином и поджигали. Все время жгли дома для освещения улиц ночью близ крепости!..

Старый город также жестоко страдал от грабежей, когда «басмачи» казненного Убайдулки, узнав о произошедшем, прибыли в Коканд, чтобы заняться... грабежом богатых сартов, Эргаш в условиях постоянной борьбы и столкновений с гарнизоном крепости вынужден был отправить 40 своих джигитов усмирить «басмачей» и выгнать их из города.

Чтобы овладеть крепостью, Эргаш не жалел богатырских усилий. Один раз он собрал пятьсот джигитов и атаковал крепость «дикой колонной», однако атака не удалась, и около ста человек погибли под стенами крепости. Эргаш лично появился на площади перед крепостью — на своем прекрасном белом коне, который был несколько раз подстрелен. Он ушел от стен последним, ушел не спеша, несмотря на сильный огонь, лишь проклиная при этом сартов и русских. Даже одежда Эргаша была прострелена в нескольких местах, но курбаши еще раз вышел из тяжелого положения нетронутым.

В полдень шестого дня борьбы в крепость снова прибыла русская делегация городского совета Нового Коканда и предложила мирные переговоры.

Русские вернулись в дом Вогау, который был переполнен ранеными. После долгих переговоров было подписано перемирие на два дня. Это обстоятельство приободрило сартов.

«Ну, раз русские просят о перемирии, они должны чувствовать себя неуверенно, — думали себе сарты, — поэтому мы потребуем безусловной сдачи крепости».

Тогда же была избрана «мирная комиссия», которая заседала в Старом городе и разрабатывала условия мира.

Нейтральные жители Нового города тем временем организовали «отряды Красного Креста», которые занимались сбором раненых

и уходом за ними. Отряды эти появились и в Старом городе, чем привели в изумление темных сартов.

— Странные люди, эти русские. То нападают и стреляют, а то снова сами помогают нашим раненым! — слышны были голоса среди мусульман.

Раненые сарты находились в ужасном состоянии. Они валялись на ничем не прикрытом полу, не имели никаких повязок и какой-либо помощи вообще. Рассказывали они, что такова уж психология восточных народов:

— Ты ранен, теперь уж никому ненужный, не нужно тобой заниматься, можешь себе умирать...

Перемирие отрезвило крепость, и ряды ее «защитников» стали редеть. Мирные переговоры проходили нормально, и все тешили себя надеждой, что «вскоре будет заключен мир на принципе status quo ante bellum», но внезапно за пару часов до подписания окончательного соглашения неожиданное происшествие изменило ситуацию, и не в пользу сартов...

«Мухторият» поднял восстание, рассчитывая на переворот, который должны были совершить казаки, возвращавшиеся из Персии⁶³⁵. На эти полки надеялось «временное правительство автономного Туркестана». К несчастью, эти полки полностью провалили надежды «Мухторията».

Вплоть до Самарканда казаки вели себя как «белогвардейцы»: повсюду разоружали большевиков, бесцеремонно разгоняли «Совдены» и восстанавливали власть российского «Временного правительства». Под Самаркандом же они встретили неожиданное сопротивление. Поручик Перфильев, выполнявший в то время обязанности командующего большевистскими войсками, собрал под Самаркандом отряд «красной гвардии», насчитывавший 1000 человек, несколько пушек и пулеметов. Казаки вступили в сражение и противостояли этой силе весьма успешно; «красная гвардия» начала уже отступать; тогда Перфильев начал сильную агитацию среди казаков:

— За что бы боретесь, товарищи? — призывно кричал он. — Мы пролетарии. Если желаете ехать дальше, мы пустим вас, куда хотите, но только не вмешивайтесь во «внутренние дела Туркестана» и сдайте оружие.

⁶³⁵ Речь идет о Персидской казачьей бригаде, в 1916 г. переформированной в дивизию, созданной в Персии по образцу русских казачьих частей и существовавшей с 1879 г. по 1920 г.

Агитация сделала свое дело. Сражение прекратилось. Казаки сдали ружья и вместе со своим имуществом были пропущены в Оренбург. Одержавший таким образом победу, Перфильев поспешил на помощь своим «молодцам» в Коканд.

Железнодорожные линии были сильно повреждены, но, несмотря на это, Перфильев, однако, достиг Коканда и по дороге сумел расстрелять несколько десятков сартов, которых подозревали в порче путей.

«Мухторият», узнав о неудаче казацкого восстания и прибытии в Коканд банды Перфильева, понял, что дело проиграно и судьба Старого Коканда предрешена. Поняли это также и сарты, и многие из них начали спешно покидать город, забирая с собой продовольствие.

Действительно, после прибытия Перфильева все изменилось. Превосходный демагог и негодяй, он хотел сделать приятное своей банде «гвардейцев» и под предлогом «удушения контрреволюции» отдал город им на растерзание.

Поэтому он тут же отозвал «мирную делегацию» из Старого города и объявил гарнизону крепости, что с «буржуазными сартами» нельзя заключать никакого мира и необходимо их сурово наказать.

Выставив двенадцать пушек, Перфильев начал немилосердно поливать огнем наполовину разрушенный город. Дикая вакханалия продолжалась около 12 часов, после чего «войско» Перфильева и кокандо-андижанско-наманганские шайки пошли в «атаку».

Остатки войск «Мухторията» оказывали отчаянное сопротивление, но вскоре, однако, были повержены. После этого же началось что-то страшное... Солдаты и разные вооруженные банды под предводительством армян ворвались на улицы Старого города и начали избивать убегающих сартов и убивать всех, кто не согласился оставить Старый город. Не щадили никого: ни детей, ни женщин — любого убивали с остервенением.

В доме Вогау убили всех раненых сартов. Одновременно с этим погибли и члены «Российского Красного Креста» во главе с врачом и сестрами милосердия! Резня продолжалась несколько часов. Из мусульман сумели уцелеть лишь те, которые проживали в предместьях, горсть счастливиц, которые сумели укрыться в подвалах, погребах, садах или чащах, а также те, которые вовремя успели покинуть город.

В дикой кровопролитной резне отличились армяне, которые в каждом сарте видели своего вечного врага — мусульманина; сводили с ними исторические счеты.

После резни начался грабеж, страшный, не щадящий никого грабеж. Теперь бесчинствовали даже те, кто прежде удерживался от борьбы. Около десяти тысяч русских занималось грабежом. Среди них были солдаты, рабочие, мелкие торговцы, мелкие служащие, гимназисты, извозчики, каменотесы, кухарки — все, кто был жив. Озверевшая толпа выбрасывала все имущество сартов из домов, магазинов, банков, складов и так далее.

Ужасающее зрелище являл собой тогда несчастный Коканд! Море огня, море крови, груды трупов, а рядом расщепившаяся, дикая толпа, набивающая карманы, мешки и даже сундуки чем придется.

Три дня безумствовало разрушение. Три дня «кутили» победители. Солдаты вывезли из Коканда семь поездов, полных добычи, вещей и пожитков, которые спустя два дня на протяжении трех месяцев совершенно открыто продавали на среднеазиатских базарах.

Погиб также и «Мухторият». И остались после него огромные, тлеющие руины и тысячи оскверненных, разлагающихся трупов, над которыми носились, зловеще каркая, стаи ворон и вокруг которых бродили стаи бездомных голодных псов...

Вот каким был триумф большевиков!

Мир-Камиль Мир-Мумынбаев

Коканд «захвачен». Временное правительство автономного Туркестана скитается где-то в направлении Кашгара вместе со своими остатками и тысячной толпой беженцев из Старого Коканда. Но... над пепелищем Коканда, над тысячами зловонных трупов реет красное знамя Советов.

Никто уже не угрожает господству «товарищей» Колесовых, Цвиллингов, Перфильевых и Тоболиных. Весь Туркестан, за исключением Хивы и Бухары, сдался красным диктаторам, которые подстрекают толпы к погромам частных жилищ, фабрик, поселений и так далее. Подстрекательство находит отклик. Толпы грабят. Те, которые участвовали в «подавлении бунта буржуазного Коканда», достаточно обогатились, так как каждый солдат привез с собой в Ташкент и другие города по меньшей мере 10 часов, несколько тысяч рублей, бижутерию, ковры, одеяла и так далее.

Но Колесов et consortes⁶³⁶ прекрасно понимали, что до тех пор, пока Хива и Бухара существуют как самостоятельные государства, большевистское господство в Туркестане еще не закреплено, потому что и в Хиве, и в Бухаре могли бы начать сосредоточиваться беженцы — «белогвардейцы», которые совместно с сартами готовы выступить против «красного Ташкента». И тогда могла бы возникнуть новая Вандея, с которой было бы труднее справиться, нежели с Кокандом.

После низложения Николая II Бухарский эмир и Хивинский хан не хотели впредь оставаться российскими вассалами и начали понемногу отказываться повиноваться русским. В этом отношении самым смелым был властитель Бухары, чьи потомки⁶³⁷ некогда властвовали над Самаркандом. Теперь эмир начал мечтать о возвращении своего господства и провозглашении «Великой Бухары».

Поэтому прочь из Бухары! Вперед, товарищи, на эмира! Большевики сгноят своего врага, а красногвардейцы обогатятся имуществом «бухарской буржуазии».

Но большевики предполагали, что эмир распоряжается почти тысячей хорошо вооруженных солдат, имеет свыше десяти пушек старой конструкции и, вероятно, несколько пулеметов. На призыв эмира придут бухарцы, направится все население, и борьба может стать ожесточенной. Следовательно, необходимо организовать «красную армию», необходимо ей хорошо заплатить, поскольку за пустые обещания она сражаться не будет. Нужны деньги, а наличных денег Ташкентскому Совету недостает. Награбленные в Коканде миллионы разошлись за две недели, потому что большевики не берегут деньги и, напротив, пока что бросают их толпе полными горстями. Большевики прекрасно знают, что в Андижане живет богатейший человек Туркестана, известный торговец Мир-Камиль Мир-Мумынбаев. Он имеет в андижанском банке около 40 млн руб. и довольно много наличных денег в настольной домашней кассе.

Значит, дальше — в Андижан! Забрать миллионы из банка, похитить имущество Мир-Камиля, пополнить таким путем советский капитал, а затем организовать бухарский поход.

На всякий случай, если бы сартовское население Андижана захотело оказать сопротивление, Колесов взял с собой 4 тяжелых орудия, 6 пулеметов и 400 «красных» солдат. Разбойники садятся в поезд и едут за миллионами Мир-Камиля.

⁶³⁶ И товарищи (лат.).

⁶³⁷ Возможно, ошибка в оригинальном польском тексте. Должно быть, «предки».

* * *

Удивительная восточная сказка, которая стала действительностью.

Лет 50 тому назад, в Андижан пришел 15-летний мальчик из пригородного кишлака и сказал сам себе: «Я буду богатым». Его звали Мир-Камиль, он не имел ни копейки в кармане и нанялся на грошовое место прислужника в «чайхане».

Шли годы. Мальчик возмужал, купил «чайхану», а затем вторую и третью. Приобрел кондитерскую, стал торговать хлопком. Этот неграмотный сарт через тридцать лет имел уже миллионы, а в настоящее время сарты оценивали его состояние в сотни миллионов⁶³⁸. Он имеет дома в Андижане, Намангане, Коканде, Самарканде и Ташкенте. Владеет фабриками и селениями, банковскими конторами и акциями различных предприятий. Знают Мир-Камиля не только в Москве и Петербурге, но даже и за границей, где он, впрочем, никогда не был.

В его доме имеется несколько десятков комнат, из которых несколько меблированы в европейском стиле. Но Мир-Камиль живет в азиатских комнатах, отличающихся скромностью и даже скупостью. Он поддерживает отношения с бедными сартами, очень религиозен, заложил несколько мечетей.

Мир-Камиль известен как убежденный тюркофил, за что старое российское правительство даже не раз его преследовало⁶³⁹.

⁶³⁸ Как мы видим, А. Гзовский приводит сильно разнящиеся сведения о размерах состояния Мир-Камиля.

⁶³⁹ Он был неофициальным хозяином Андижанского уезда, кстати, самого густонаселенного уезда в Российской империи. Поэтому неудивительно, что Миркамиль нажил в уезде врагов, завистников и конкурентов. Как это нередко случалось, нашелся «сознательный гражданин», некто Александр Тимофеев, который и сообщил властям о государственной измене Мумынбаева в 1915 г. Тимофеев служил у Миркамиля, но в 1911 г. был уволен «за буйство в конторе» и на момент описываемых событий проживал в Андижане без определенных занятий. Расследование обстоятельств дела Мумынбаева велось под прокурорским надзором, но не было обнаружено никаких улик, указывавших на антигосударственную деятельность подсудимого. Помимо сбора денег на строительство турецкого флота, очень неприятным фактом для следствия была имевшая место (якобы) встреча Миркамиля с Энвер-пашой. Это подтверждали три спутника Миркамиля, сопровождавшие его в поездке из Константинополя в Мекку. Но факт не возможно было проверить. Мумынбаев был влиятельным человеком, а это значит, что дело, заведенное против него, стало в крае резонансным. В итоге Миркамиля выслали из Туркестана в административном порядке на год.

Старый сарт, знаток шариата, мечтает, что однажды настанет миг, когда султан Великой Турецкой империи завоюет Туркестан и распространит над ним свое владычество.

Для реализации этой идеи не один миллион рублей Мир-Камиль прислал константинопольским султанам и, как гласит молва, не раз получал собственноручные письма и поздравления от Абдул-Хамида⁶⁴⁰ и Магомета V⁶⁴¹. Мир-Камиль имеет четыре жены и 38 детей, так как прежде имел еще несколько жен, которые либо умерли, либо с которыми он развелся.

Самая младшая жена Мир-Камиля, двадцатилетняя татарка Гюльнара, якобы очень хороша собой. В азиатских областях Андижана говорят, что Гюльнара самая красивая женщина на всей кокандской земле, и конкурировать с ней может разве что только известная своей необычайной красотой осетинка Тамара Пилиева⁶⁴², которая в настоящее время является женой христианина.

Старый Мир-Камиль любит свою Гюльнару, и, как поговаривают, намеревается отдать ей половину своих неисчислимых богатств.

* * *

В комнату Мир-Камиля вбежал его старый знакомый.

— Друг! — кричал он, заламывая руки. — Я только что узнал, что через два часа большевики нагрянут в наш город для того, чтобы ограбить твой дом, забрать из банка твои капиталы, а тебя — убить. Спасайся, ради Аллаха! Отправляйся немедленно в те далекие селения, где каждый сарт охотно даст убежище тебе и твоей семье.

Он еще не закончил, когда, крича, прибежал старший сын Мир-Камиля:

— Отец! Большевики подтягиваются. Они уже на предпоследней железнодорожной станции. Идут, чтобы всех нас убить и забрать все наше имущество. Я приказал подготовить коней, верблюдов и ослов к побегу.

⁶⁴⁰ *Абдул-Хамид II (Абдул-Гамид)* (1842—1918) — султан Османской империи и 99-й халиф, правил в 1876—1909 г. Последний самодержавный правитель Османской империи. Пытался установить режим единоличной власти и сохранить территориальную целостность империи, опираясь на идеологию панисламизма.

⁶⁴¹ Вероятно, А. Гзовский допустил ошибку, и речь идет о *Мураде V* (1840—1904), 33-м султане Османской империи, правившем с 30 мая по 31 августа 1876 г.

⁶⁴² Возможно, *Пилева*.

Пришли также и другие и умоляли Мир-Камиля, чтобы он убегал как можно скорее.

Старик молчал и был невозмутим.

— Братья! — сказал он после долгого молчания. — Сердечно благодарю вас, что предупредили меня об опасности, грозящей моему дому. Это хорошо, что вы подготовили коней и верблюдов. Семья и прислуга моя пусть сейчас же уезжают...

— А ты? Ты? — кричали со всех сторон.

— Я остаюсь — решительно ответил Мир-Камиль. — Аллах всю жизнь осыпал меня своими благодеяниями. По его милости я достиг вершины богатства и славы. Сегодня, если Аллах и его святой пророк желают призвать меня к себе, я не могу противиться их священной воле.

Все замолчали, потому что знали решительность старого Мир-Камиля.

Когда телеги были нагружены поспешно собранным скарбом и необходимыми в дороге вещами, сарт дал благословение всем уезжающим домочадцам и повернулся к Гюльнаре:

— Загляни, жена, в мою комнату!

Когда она вошла, он открыл ее молодое личико и долго в него всматривался:

— Гюльнара! Я имел очень много прекрасных женщин, которые могли бы служить украшением гарема самого всемогущего властелина Турции. Я очень люблю тебя, и мне тяжело сегодня с тобой прощаться. Но такова воля Аллаха. Когда я умру, Гюльнара, вспоминай иногда обо мне. Воспитывай своего сына согласно законам шариата и при первой возможности уезжай в Османскую империю. Я знаю, что ты еще выйдешь замуж, потому искренне желаю тебе счастья в будущей супружеской жизни. Возьми этот сверток. Это золотые монеты, бриллианты и документы на положенные на твое имя деньги в парижском банке. Прощай, Гюльнара!

Мир-Камиль поцеловал ее и приказал ей уйти.

Уехали все, кроме старшей жены Мир-Камиля.

— Я пережила с тобой три десятка лет и хочу умереть вместе, — сказала Мир-Камилю старая и полуслепая Надира. То же самое заявили старший сын Мир-Камиля и еще три домочадца. Мир-Камиль кивнул им головой и начал горячо молиться.

* * *

Добравшись до города, банды Колесова тотчас же заняли Андижанский банк.

— Сколько имеете денег в банке? — спросил служащего «товарищ» Колесов.

— 42 миллиона, — прозвучал ответ.

— Это все деньги, депонированные Мир-Камилем?

— Нет. Неделю назад он имел 40 миллионов, но 5 миллионов забрал. Теперь имеем 35 миллионов этого сарта и 7 — других.

— Все деньги я забираю! — заявил Колесов и приступил к «финансовой операции».

Половина его банды осталась в банке, другая же под руководством какого-то младшего командира двинулась к дому Мир-Камиля.

Ворвавшись в дом, бандиты обнаружили его молящимся.

— Ты Мир-Камиль? — закричал один из разбойников.

— По милости Аллаха, я Мир-Камиль Мир-Мумынбаев, — спокойно ответил богач.

— Именем международного пролетариата выношу тебе смертный приговор! — громко закричал большевистский служака.

Мир-Камиль был невозмутим и дальше молился.

— Встань сейчас же! — приказал солдат коленопреклоненному сарту. — Пойдешь с нами в сад. Все твое имущество с сегодняшнего дня принадлежит «рабоче-крестьянскому правительству».

Мир-Камиль встал и побрел за своими палачами. Когда пришли в сад, большевики подали ему лопату и приказали копать яму.

Мир-Камиль взял лопату и, молясь, стал работать. «Красногвардейцы» заставляли его поторопиться, поскольку хотели как можно скорее приступить к «национализации» имущества. В сад вбежала плачущая старая Надира, но солдаты отогнали ее оттуда прикладами.

— Иди к черту! — закричали они.

Выкопав яму, старый Мир-Камиль встал и сказал:

— Я готов предстать перед лицом святого пророка.

Смеясь и издеваясь на старым сартом, несколько солдат подняли свои карабины. Раздался залп, и старый Мир-Камиль закончил свою необыкновенную жизнь.

А потом началась «национализация». К солдатам присоединились отбросы российской части Андижана, и озверевшая толпа начала бесстыдный грабёж.

Командир большевиков распорядился, чтобы бедные рабочие-сарты приняли участие в разграблении «буржуазного богатства». Более десятка молодых сартов подчинились приказу и похитили несколько пледов, перин и ковров из дома Мир-Камиля.

Но когда грабеж прекратился, и «большевицкие финансисты» двинулись обратно в Ташкент, чтобы подготовиться к походу на Бухару, сарты потихоньку отнесли все незаконно добытое плачущей Надиरे.

— Возьми, старая! За краденое имущество Аллах сурово наказывает, — сказали они.

Поход на Бухару

Присвоив капиталы расстрелянного Мир-Камиля, большевики имели теперь возможность двинуться на Бухару. Колесов объявил «крестовый поход против последнего центра контрреволюции», установил очень высокие зарплаты для солдат, а на собрании, созванном с целью агитации солдат, открыто говорил, что участники похода получают возможность... поправить свои финансовые дела за счет «бухарской буржуазии». Таким образом, открыто и цинично Колесов позволял всякие грабежи и хищения и одобрял их.

Поскольку Перфильев был слишком скомпрометирован своей «деятельностью» в Коканде, так как позволял себе чуть ли не на глазах у солдат брать взятки от арестованных «буржуев», а во время грабежа «обижал» солдат, так как самую ценную добычу забирал себе, Колесов, при согласии других «народных комиссаров красного Туркестана» назначил главнокомандующим антибухарской армией бывшего вахтмистра, «товарища» Колузаева, который быстро организовал банду более чем в две тысячи штыков, с 12 пулеметами и 8 пушками.

Эта «красная армия» (тогда она еще называлась «красная гвардия») двинулась по железной дороге в Новую Бухару, чтобы оттуда начать военные действия против Старой Бухары, в которой правил эмир.

* * *

С первых дней ноябрьского переворота⁶⁴³ в Туркестане при дворе властителя Бухары начали группироваться немногочисленные

⁶⁴³ Речь идет о событиях ноября 1917 г. в Ташкенте, в результате которых был положен конец двоевластию и к власти пришли Ревком и Совет рабочих и солдатских депутатов города, руководимые коалицией большевиков и левых эсеров.

горстки российских беглецов, главным образом офицеров, юнкеров и военных служащих⁶⁴⁴.

Набралось их около трехсот человек; эмир давал им щедрый стол и какое-никакое денежное довольствие. Он любил русских офицеров, так как — он с гордостью это обычно отмечал — сам носил эполеты российского генерала и когда-то учился в Пажемском корпусе в Петербурге⁶⁴⁵.

Офицеров высшего ранга он допускал к себе в товарищи и, играя с ними в шахматы, часто говаривал:

— Если бы светлейший господин Николай II немедленно после отречения от престола приехал бы ко мне, не узнал бы он столько несчастий, и жил бы здесь, окруженный почестями и блаженством.

Эмир очень гордился тем, что с давних пор бывал при царствующем российским дворе, и с энтузиазмом рассказывал, как его там принимали. А офицеры слушали эти хвастливые рассказы и обычно думали про себя: «Даже не догадываешься ты, старый идиот, что любили тебя на царском дворе за те богатые подарки, которые ты всегда преподносил царю, его семье и свите». Подарки эти дорого обходились бухарскому народу, поэтому министры обычно старались, чтобы путешествия «его светлости» в Петербург были как можно более редкими.

Теперь министры эмира и муллы, которые, несомненно, имели огромное влияние на своего падишаха⁶⁴⁶, были совсем не рады,

⁶⁴⁴ Речь идет о *Сейид Мир Мухаммед Алим-хане* (1880—1944) — последнем эмире Бухары. Представитель узбекской династии Мангыт. Правил до 2 сентября 1920 г., до захвата Бухары Красной Армией. С сентября 1920 г. по февраль 1921 г. Алим-хан находился на территории Восточной Бухары, пытаясь организовать контраступление против Советов. В середине ноября 1920 г. его войска заняли Байсун, Дербенд и Шерабад. После Гиссарской военной экспедиции, организованной Бухарской Республикой и РСФСР, силы эмира были разбиты, и он бежал в Афганистан. Эмир Афганистана, имевший договор с РСФСР, определил Алим-хану статус почетного пленника с ежегодным выделением средств на его содержание. В эмиграции поддерживал басмачество. Умер в Кабуле в 1944 г.

⁶⁴⁵ Военное образование Сейид Алим-хан получил в Николаевском Кадетском корпусе. 23 апреля 1896 г. он был произведен в хорунжие с зачислением по Терскому казачьему войску. После восшествия на престол в 1911 г. был произведен в генерал-майоры Свиты Его Императорского Величества и получил придворное звание флигель-адъютанта. В конце 1915 г. был повышен до генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта. Ко времени падения монархии в России эмир был в звании генерал-лейтенанта, генерал-адъютанта Его Императорского Величества.

⁶⁴⁶ Падишах — иранский монархический титул, также использовавшийся в некоторых странах Азии.

что при дворе нашли приют офицеры и беглые русские. «Улеми-сты»-бухарцы⁶⁴⁷ предпочли бы видеть своего господина полностью свободным от русских влияний, господин часто подчеркивал, обращаясь к придворному начальству:

— Еще наступят такие времена, когда русские офицеры сыграют первостепенную роль.

И такие времена вскоре наступили.

* * *

Однажды утром эмир лежал на коврах в своем гареме и приятно проводил время в окружении прекрасных женщин (помимо четырех законных жен, он имел еще свыше 30 одалисок; женщины эти были родом из Бухары, Хивы, Афганистана, Персии, Турции и Индии. Было также и несколько европейских женщин. Эмир питал особенную слабость к цирковым артисткам, и обычно ладная цирковая танцовщица или «амазонка» из Ташкента или иного города на несколько месяцев присоединялась к гарему эмира, чтобы поправить свои финансовые дела.

Затем ворвался евнух и закричал:

— Ваша светлость! Придворный министр желает немедленно получить аудиенцию у Вашей светлости по очень важному делу!

Эмиру не нравилось, когда кто-то мешал ему в «любовных утехах», но так как времена были исключительные, он встал и в скверном настроении покинул свой гарем.

* * *

Придворный министр⁶⁴⁸, старый бухарец, известный торговец хлопком, по-восточному обычаю поклонился эмиру и начал докладывать:

— Ваша светлость! Минуту назад мы получили телеграмму, что большевики направляются в Бухару, чтобы разгромить Старый город твой и разграбить все царство твое. Передовые отряды большевиков уже будто бы в Катта-Кургане⁶⁴⁹.

— Дааа? Это плохо. Нужно немедленно решить, что нам следует сделать, — ответил перепуганный эмир.

⁶⁴⁷ Здесь: «реакционные силы».

⁶⁴⁸ Вероятно, речь идет о кушбеги (главном министре). Это была самая высокая должность при дворе. Ему подчинялись вся исполнительная власть.

⁶⁴⁹ Катта-Курган (Каттакурган) — ныне город в Самаркандской области Узбекистана. Расстояние между Катта-Курганом и Бухарой порядка 200 км.

— Ваша светлость! — докладывал далее сановник. — В зеркальном зале ожидают твоего приказа муллы и старейшины. Скорее иди к ним, господин!

Эмир кивнул и вошел в зал.

Около 30 мулл и «улемов»⁶⁵⁰ поклоном приветствовало своего властителя. Эмир занял главное место, и совещание началось.

Старший мулла⁶⁵¹ вверял эмира Аллаху и утверждал, что вся Бухара скорее умрет, чем сдастся власти большевиков-москалей⁶⁵². Бухарский народ молит своего эмира позволить взяться за оружие и защищать власть и отчизну.

Эмир ответил, что согласен начать борьбу, благословляет защитников и призывает мулл немедленно разослать гонцов по всей Бухаре, чтобы призвать под оружие всех мужчин с тем вооружением, какое у кого есть. В конце он добавил, что о плане защитной кампании переговорит с русскими офицерами.

Заседание уже подошло к концу, когда старший мулла отметил, что необходима безотлагательная эвакуация эмирского гарема вглубь страны, за исключением 1-2 женщин, которых эмир прикажет оставить. Вместе с гаремом следует эвакуировать и некоторые драгоценности эмира.

После принятия к сведению пожеланий муллы, заседание было закрыто, советники эмира разошлись выполнять принятый план, а эмир пригласил русских офицеров и проинформировал их о ситуации.

Офицеры, разумеется, понимали, что борьба неизбежна и к ней следует готовиться. Один из них сообщил, что в Старой Бухаре в настоящее время находится 325 вооруженных русских и 850 «сарабазов», то есть бухарских солдат, что войско это имеет 3 пулемета и 18 пушек старой конструкции, из которых стрелять могут лишь 3—4, снарядов к пушкам насчитывается не более 40. В общем, ситуацию нельзя было назвать прекрасной, но столкновение случится, и лишь по трупам сражающихся большевики смогут ворваться в Старую Бухару.

⁶⁵⁰ Улем — ученый человек, знаток исламской догматики и Корана.

⁶⁵¹ Вероятно, речь идет о шейх-ул-исламе, который руководил мусульманской общиной всего эмирата.

⁶⁵² Термин «москальи» вряд ли был известен придворным Бухарского эмира. На наш взгляд, здесь удвоение отрицательной коннотации для польского читателя за счет использования двух терминов, между которыми А. Гзовский, по сути, ставит знак равенства, используя их одновременно.

Эмир уверил офицеров, что за день-два со всей страны начнут стягиваться отряды добровольцев, вооруженных огнестрельным и холодным оружием. Хотя это оружие состояло главным образом из охотничьих дуплетов, пистолетов и старых сабель, но, по мнению эмира, численное превосходство над большевиками сможет спасти ситуацию.

Российские офицеры не слишком разделяли оптимистические взгляды эмира, но решили незамедлительно организовать сопротивление, не имея что терять.

В тот же самый день за стенами Старой Бухары возник фронт, составленный из 1000 русских и бухарцев. Были установлены 2 пушки и 2 пулемета, так как другие, как оказалось, либо не работали, либо не хватало зарядов.

Ночью из соседних селений и кишлаков стали прибывать в столицу конные и пешие отряды добровольцев. Большая часть из них была вооружена охотничьими ружьями либо холодным оружием, и лишь незначительный процент имел так называемые «берданки» и револьверы в хорошем состоянии.

Настроение жителей Бухары было приподнятым, и было понятно, что здесь состоится сражение до последнего вздоха.

* * *

Колесов, Колузаев и вся их банда заняли Новую Бухару. От резиденции эмира их отделяло расстояние в несколько километров, но большевистские командиры не рисковали сразу напасть на эмира.

Колесов отправил в Старую Бухару двух парламентариев с письмом для эмира, в котором предлагал ему только всякие пустяки: немедленное отречение и сдачу большевистской власти, которая введет в Бухаре советский строй.

В то время, пока делегаты Колесова ездили в Бухару и возвращались обратно, солдаты Колузаева громили дома «буржуев» Новой Бухары, грабили жителей города, насиловали женщин и т. д.

Посланцы Колесова вернулись с известием, что перед Старой Бухарой стоит «белый» фронт, что в город их не пропустили и что спустя несколько часов получили они письмо эмира к Колесову.

Письмо это звучало так:

«Мне было приятно узнать, что на территории суверенной Бухары появились представители русского народа, с которым народ бухарский на протяжении многих лет был в самых дружественных

отношениях. Однако я был удивлен, когда услышал такое удивительное требование — требование моего отречения, установление советского строя и прочее. Хотя требования эти, будучи проявлениями вмешательства во внутренние дела Бухары, могли бы быть с презрением отброшены мною, однако я созвал представителей бухарского народа и мулл, которым пересказал треть вашего письма. Собрание единогласно признало, что советский строй для Бухары совершенно не нужен.

Допуская, что уважаемые господа пожелают оставить территорию суверенной Бухары, прошу принять мои проявления глубочайшего уважения к русскому народу, с которым я навсегда желаю оставаться в согласии и дружбе. Одновременно сообщаю господам, что с вами прибыли солдаты, позволяющие себе в Новой Бухаре разные преступные действия и поступки. Я уверен, что господа сумеют усмирить злоупотребления и что мое войско не будет вынуждено применять крутые меры в соответствии с правом бухарского царства».

После получения этой «ноты» Колесов приказал Колузаеву начать военные действия.

На второй день с самого утра большевики начали обстреливать из артиллерии бухарские посты, а также город Старую Бухару.

Большевицкой артиллерией командовали бывшие пленные — а ныне красноармейцы — немцы и австрийцы — и командовали достаточно хорошо.

«Сарбазы»-бухарцы начали падать духом и лишь поддерживаемые муллами и русскими офицерами не отступили с линии сражения. Для действительной обороны они сделали что-то вроде небольших стрелецких окопов.

К вечеру первого дня сражения несколько раз грохнули и бухарские пушки. Это произвело сильное впечатление на солдат большевиков. В рядах «товарищей» началось роптание.

* * *

На следующий день засветло Колузаев повел свои банды в атаку.

Бухарцы встретили их стрельбой, а русские офицеры начали поливать из пулеметов. Артиллерия тоже не молчала и истратила все свои снаряды. «Красные» дрогнули и начали медленно отступать. Командование войск эмира приказало немедленно схватить отступающих, тем более что бухарцы имели несколько сот конных, прибывших на призыв эмира.

Через несколько часов «красные богатыри» поспешно отступали, и бухарский авангард достиг уже предместья Новой Бухары.

Ночью командующие отрядами эмира, то есть русские офицеры, организовали конный отряд из 300 джигитов и приказали им двинуться в тыл большевиков, разрушать железнодорожные пути, уничтожать мосты, сжигать станции и так далее.

Пехота тем временем начала окружать со всех сторон Новую Бухару.

Утром Колесов и Колузаев снова начали атаку, но безуспешно. Когда большевистские солдаты сообразили, что «белые» их окружают — начали садиться в поезда и отступать от Бухары. Отступление это было весьма затруднительным, так как бухарская конница старательно разрушила железную дорогу, которую «красным» пришлось чинить под выстрелами.

Отступая черепашьям шагом, большевики издевались на сартами, жившими близ железной дороги, жгли кишлаки, убивали мужчин, глумились над женщинами и детьми. В реванше бухарцы жестоким образом добивали раненых большевиков и убивали взятых в плен.

Лишь к одиннадцатому дню отступления Колесов смог вздохнуть свободнее, так как бухарцы, по-видимому, были уже измучены.

Не зная сил эмира и опасаясь, что его войска начнут атаку в направлении Самарканда, Колесов направил делегатов в Бухару, предлагая прекратить огонь и заключить мир.

Делегаты были схвачены и, вероятнее всего, были бы убиты, если бы не заступничество министров эмира. Они решили не убивать большевистских посланников и подписать с ними «мирное соглашение». Спустя два дня «соглашение» было подписано⁶⁵³. Обе стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела Туркестана и Бухары, возместить взаимные ущербы, последовавшие в результате военных действий, и жить далее в добром согласии. Эмир обязывался не давать приют русским «контрреволюционерам» и

⁶⁵³ 25 марта 1918 г. на станции Кизыл-Тепе был подписан мирный договор между большевистским правительством Туркестана и бухарским правительством. Алим-хан обязался возместить причиненные Советскому Туркестану убытки и ограничить свои вооруженные силы 12 тыс. человек. В Старую Бухару назначался постоянный советский представитель. Эвакуированное из Кагана население возвращалось назад. Тем временем в самой Бухаре была устроена резня, в которой погибли до полутора тыс. сторонников реформ — младобухарцев. Несколько тысяч человек эмигрировали из Бухары. Это в значительной степени сблизило младобухарцев с большевиками, часть из них вошла в состав только что созданной бухарской компартии.

выдать их ташкентскому Совету «если окажется, что контрреволюционеры находятся на территории Бухары».

Позднее, через несколько недель, эмир сообщил ташкентскому «Совдепу», что после строгих проверок русских «контрреволюционеров» на территории Бухары нет совсем. Колесов, побитый и опозоренный, вернулся в Ташкент. Вместо богатых трофеев привез он несколько трупов и несколько десятков раненых.

Позднее выяснилось, что когда эмир Афганистана узнал, что большевики угрожают Бухаре, он предложил «своему брату — бухарскому эмиру» помощь в виде нескольких тысяч конницы и артиллерии и советовал выдвинуться в Ташкент и уничтожить бандитское гнездо большевиков.

Правитель Бухары отказался от этого предложения, поскольку опасался эмира Афганистана как своего давнего соперника, который мечтал о присоединении Бухары к Афганскому эмирату.

Спустя два года, когда английская интервенция⁶⁵⁴, начатая в Ташкенте с большим успехом, не удалась⁶⁵⁵, а силы большевиков получили подкрепления из Москвы, Бухара была занята большевиками, а эмир вынужден был спасаться бегством в... резиденцию эмира вместе с «министрами» и гаремом.

Судьба Хивы была такой же⁶⁵⁶, с той лишь разницей, что хивинский хан был схвачен и отправлен в московскую тюрьму⁶⁵⁴.

⁶⁵⁴ Речь идет об английской интервенции в Средней Азии 1918—1920 гг. Цель интервенции состояла в том, чтобы отторгнуть среднеазиатские области и превратить их в колониальные владения Англии. Непосредственным организующим и руководящим центром интервентов была «Британская военная миссия в Туркестане», созданная в 1917 г.

⁶⁵⁵ Не удалась она потому, что англичане, вместо того чтобы прислать большой отряд, направили только 600 индийских «сипаев» и офицеров-инструкторов, рассчитывая на «внутренние силы Туркестана». Половина Туркестана была оккупирована англичанами, которые дошли вплоть до Самарканда. Большевики, однако, сумели ликвидировать и этот «белый фронт». — *прим. авт.*

⁶⁵⁶ После Февральской революции попытка либеральных реформ не удалась. Весной 1918 г. предводитель туркменских племен, Джунаид-хан, захватил власть в Хиве. В ноябре 1919 г. началось восстание под руководством реформаторов-младохивинцев. На помощь восставшим были направлены войска Красной Армии из соседнего Туркестана. К началу февраля 1920 г. армия Джунаид-хана была полностью разгромлена. 26 апреля 1920 г. была провозглашена Хорезмская Народная Советская Республика в составе РСФСР. В 1922 г. она была преобразована в Хорезмскую ССР, а осенью 1924 г. в ходе национально-территориального размежевания в Средней Азии ее территория была разделена между Узбекской ССР и Туркменской ССР.

Теперь в Хиве и Бухаре, как, в общем, и во всем Туркестане, правили российские советы. Лишь время от времени «бессмертный» Эргаш-бей с горсткой своих «джигитов», которые теперь носят имя «повстанцев», тревожил советы на кокандской территории⁶⁵⁸. Далеко ему до осуществления мечтаний о том, чтобы стать ханом Коканда, но сообщения о «кокандском фронте» свидетельствуют, что он не успокоился и не дает большевикам вздохнуть спокойно.

* * *

Дорогой читатель! Все то, что я описал выше, не является ни сказкой, ни плодом буйной фантазии. Я много видел, почувствовал, пережил. Имел я возможность наблюдать самые чудовищные сцены человеческого одичания, иногда — геройства отдельных людей, и почти никогда — искренней любви к Отчизне, до сих пор чуждой нашему соседу с востока.

Я долго скитался. Бывал в опаснейших ситуациях, и лишь Провидение пожелало меня спасти и уберечь.

Через степи и горы Туркестана, через земли оренбургского казачества, через нескончаемые русские территории, через Москву, Смоленск и Минск-Литовский⁶⁵⁹, вилась моя дорога до Польши.

Я дошел до Нее, независимой, чтобы быть Ей верным сыном и не покидать Ее уже никогда.

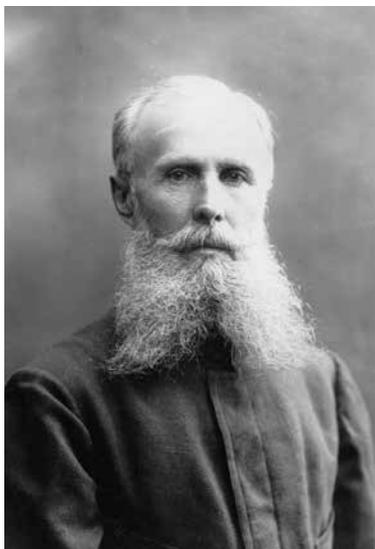
КОНЕЦ

⁶⁵⁷ В 1918 г. Хивинский хан Асфандияр-хан был убит людьми Джунаид-хана, и на престол был возведен его малолетний брат Саид Абдулла-хан (правил 1918 — 1920 гг.). Реальную власть получил Джунаид-хан. В отличие от Бухарского эмира, Саид Абдулла-хан никуда не сбежал. После смещения в 1920 г. он оказался в ссылке, по некоторым данным, — в Кривом Роге и закончил свои дни на Украине, по другим данным, в начале 1950-х гг. он вернулся в Ташкент и через год скончался.

⁶⁵⁸ Басмаческое, или повстанческое, движение продолжалось на территории советской Средней Азии вплоть до середины 1930-х гг.

⁶⁵⁹ Название Минск-Литовский исторически использовалось в польском языке, что указывало на его связь с Великим княжеством Литовским. Позднее появилось название Минск-Белорусский, чтобы различить Минск с небольшим городом в Польше Минском-Мазовецким.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

*Владимир Петрович Наливкин.
1907 г.*

*Федор Иванович Колесов.
1918 г.*

Общий вид здания Ташкентской школы прапорщиков. 1916 г.

Группа преподавателей и воспитанников Ташкентской школы прапорщиков во время занятий. 1916 г.

*Воспитанники Ташкентской школы прапорщиков
в столовой. 1916 г.*

*Воспитанники (3-й взвод) Ташкентской школы прапорщиков
перед началом тактических занятий. 1916 г.*

Возвращение воспитанников Ташкентской школы прапорщиков со стрельб. 1916 г.

Воспитанники Ташкентской школы прапорщиков на привале по пути домой. 1916 г.

*Командант крепости Куика А. П. Востросаблин
на крыльце своего дома. 1914 г.*

Члены Союза строительных рабочих. Ташкент. 1917 (?) г.

Демонстрация в Ташкенте. 1917 (?) г.

Выборы народных депутатов в Ташкентский Совет. 1917 (?) г.

Демонстрация в Ташкенте. 1917 (?) г.

Траурная процессия в Ташкенте. 1917 (?) г.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Азербайджанская ССР 128
Англия (Великобритания, Британия) 137, 138, 139, 191, 269
Андижан 8, 17, 34, 36, 39, 95, 106, 114, 137, 177, 230, 240, 247, 250, 251, 257, 258, 259, 261
Андижанский уезд 39, 258
Армянская ССР 128
Астрахань 135, 158
Асхабад 31, 38, 102, 136, 167, 183, 191, 192
Аулие-Атинский уезд 39
Афганистан 135, 192, 263, 264, 269

Б

Баку 35, 38, 87, 134, 140, 162
Бухара 6, 11, 24, 31, 40, 47, 75, 87, 100, 103, 113, 114, 117, 133, 136, 138, 146, 147, 148, 149, 150, 168, 191, 192, 193, 194, 256, 257, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270
Бухарский каганат 221
Бухарская Народная Советская Республика 150, 263
Бухара Новая (Каган) 147, 191, 221, 262, 266, 267, 268
Бухара Старая 262, 265, 266, 267
Бухарское ханство 20, 80, 115, 136, 196
Бухарский эмират 35, 83, 98, 115, 146, 149, 191, 221

В

Варшава 5, 7, 151, 153, 195, 197
Вашингтон 144
Верный 9, 135, 174, 209

Г

Германия 94, 134, 135, 136, 138, 156
Гилян (Гилянская республика, Гилянская Советская Социалистическая Республика, Персидская Советская Республика) 129
Грузинская ССР 128

Д

Дон 231

Е

Екатеринодар 214

З

Закавказье 40, 122, 128, 129, 135, 143
Закаспийская область (Закаспийский край, Закаспий) 10, 20, 39, 62, 83, 91, 97, 98, 99, 109, 118, 127, 135, 137, 139, 146, 167, 194

И

Индия 135, 137, 138, 154, 191, 194, 231, 264
Иркутск 155, 170

К

Кавказ 52, 54, 55, 85, 104, 122, 134, 138, 139, 142, 176
Казалинск 196, 197
Казань 34, 53, 54, 55, 104, 121, 134, 163
Казанское ханство 133, 134
Казанская губерния 242
Казахская АССР (КАССР) 118
Калькута 231
Катта-Курган (Каттакурган) 264

Кашгар 132, 137, 138, 156, 230,
239, 256

Кизыл-Тепе 268

Коканд 5, 7, 22, 34, 38, 39, 41,
53, 55, 74, 78, 82, 83, 86, 87, 89,
95, 98, 99, 100, 101, 104, 105, 106,
107, 108, 109, 110, 111, 119, 120,
125, 126, 127, 132, 138, 140, 141,
143, 149, 158, 177, 178, 182, 183,
184, 186, 187, 189, 190, 211, 213,
217, 221, 222, 224, 227, 229, 231,
233, 234, 235, 236, 237, 238, 239,
240, 244, 247, 248, 249, 250, 251,
253, 255, 256, 257, 258, 262, 270

Кокандская автономия 5, 7, 71, 73,
74, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 84, 86, 93,
97, 99, 100, 101, 103, 107, 109, 110,
111, 125, 128, 131, 135, 145, 146,
178, 224, 227, 241

Кокандское ханство 74, 80, 111,
115, 196, 200, 220, 233

Красноводск 38, 135, 158

Кубань 175, 180, 214

Кушка 31, 171, 174

Кызыл-Арват 31

Л

Лозанна 133

М

Мекка 178, 258

Мерв 34, 38, 136, 147, 220

Минск 150, 151, 152, 153, 270

Москва 6, 14, 17, 52, 53, 56, 62,
102, 118, 123, 128, 129, 135, 146,
149, 150, 151, 152, 161, 167, 258,
269, 270

Н

Наманган 34, 38, 39, 184, 234, 247,
250, 251, 258

О

Оренбург 31, 63, 86, 91, 92, 156,
164, 174, 183, 192, 193, 196, 204,
209, 222, 239, 255

Ош 234

П

Памир 13, 122, 230

Париж 122, 137, 144, 145

Перовск 136, 175, 180, 214

Перовский уезд 111

Персия 24, 87, 107, 129, 134, 137,
139, 183, 185, 241, 254, 264

Петроград 9, 12, 14, 15, 18, 19, 25,
28, 29, 34, 46, 49, 77, 79, 98, 147,
155, 162, 204

Поволжье 40, 50, 58, 104, 116, 129,
134, 142, 192, 193

Польша 5, 123, 152, 153, 156, 194,
270

Пскент 217, 219, 223, 229

Р

Россия 5, 7, 8, 12, 17, 25, 32, 35,
37, 38, 40, 44, 45, 46, 49, 50, 52,
55, 56, 57, 64, 65, 70, 71, 80, 81,
86, 87, 88, 98, 110, 119, 123, 130,
131, 132, 133, 136, 137, 139, 142,
143, 144, 146, 147, 152, 154, 155,
156, 158, 168, 169, 170, 172, 177,
179, 181, 183, 192, 194, 224, 226,
233, 263

Российская империя 10, 12, 29, 35,
43, 63, 81, 84, 95, 107, 113, 115,
116, 121, 122, 123, 130, 131, 132,
133, 147, 191, 200, 258

Российская Демократическая Фе-
деративная Республика 143, 144

РСФСР 119, 127, 128, 145, 263,
269

С

Самара 135, 142, 157, 159, 165, 198

Самарканд 26, 34, 40, 45, 53, 87, 109, 118, 136, 138, 147, 162, 165, 169, 174, 178, 183, 189, 197, 211, 219, 241, 248, 254, 257, 258, 268, 269

Самаркандская область 20, 60, 62, 83, 91, 92, 98, 99, 101, 117, 127, 130, 162, 264

Семиреченская область (Семиречье) 10, 11, 14, 15, 60, 62, 83, 91, 92, 93, 100, 102, 108, 117, 130, 146, 169, 174, 176, 177, 180, 199, 204, 213

Сибирь 6, 92, 109, 133, 134, 135, 142, 154, 155, 194, 195, 222, 239

Скобелев 28, 34, 184, 250, 251

Смоленск 150, 151, 270

Сырдарьинская область 20, 60, 62, 83, 91, 92, 93, 98, 101, 111, 116, 127, 130

Т

Таджикская АССР 119, 130

Ташкент 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 20, 21, 22, 23, 26, 28, 29, 30, 31, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 57, 60, 63, 65, 66, 69, 74, 77, 79, 82, 84, 87, 88, 90, 93, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 114, 115, 116, 118, 119, 121, 127, 129, 135, 136, 138, 145, 146, 147, 149, 151, 154, 155, 156, 158, 159, 162, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 175, 176, 178, 179, 183, 184, 189, 191, 193, 194, 195, 199, 200, 204, 211, 213, 215, 217, 221, 222, 225, 229, 230, 233, 238, 239, 241, 242, 247, 248, 256, 258, 262, 264, 269, 270

Тифлис 122, 124, 128

Тобольск 155, 156, 163, 205

Той-Тюбе 221

Туркестан 5, 8, 10, 12, 16, 17, 19, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 47, 50, 51, 52, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 67, 69, 70, 73, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 105, 107, 108, 109, 113, 114, 116, 118, 121, 122, 123, 125, 127, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 150, 151, 154, 155, 156, 158, 160, 162, 163, 164, 170, 172, 173, 179, 180, 182, 183, 191, 192, 194, 196, 198, 200, 201, 203, 212, 213, 217, 220, 221, 222, 230, 256, 259, 269

Туркестан Афганский 131

Туркестан Китайский 131, 134

Туркестанский край (Туркестанское генерал-губернаторство, Туркестан Русский) 7, 10, 11, 16, 22, 23, 30, 35, 49, 76, 96, 110, 111

Туркестанская АССР 120, 128

Туркестанская ССР 158, 192

Турция 119, 122, 136, 140, 170, 260, 264

У

Узбекская ССР 118, 120, 130, 269

Ургенч 244

Уфа 142

Ф

Фергана 28, 39, 83, 100, 104, 105, 108, 126, 137, 162, 167, 176, 182, 183, 186, 222, 227, 232, 236,

Ферганская область 8, 20, 35, 60, 62, 83, 91, 98, 105, 117, 127, 130, 162, 233

Франция 137, 178

Федеративный Союз Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ) 128

Х

Харьков 145

Хива (Хивинское ханство) 10, 11, 35, 80, 83, 92, 100, 103, 113, 114, 115, 131, 133, 147, 148, 194, 211, 212, 256, 257, 264, 269, 270

Ходжент 39, 53, 217, 229, 233

Хорезм 117

Хорезмская Народная Советская Республика (Хорезмская ССР) 269

Ц

Царское Село 205

Ч

Чарджуй 135, 136, 147

Челябинск 134, 143, 156

Щ

Щекоцины 153

Э

Энзели 192

Я

Ян-Таг 223, 229

Япония 155, 156

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдул-Хамид II (Абдул-Гамид) 259
Абдурашидханов Мунаввар-кары
32, 33, 34, 56, 57, 60, 77
Авлони Абдулла 34
Агаев Хидаят-бек Юргули 22, 178,
213, 226, 243

Айни Садриддин 148
Акчурин Юсуф Хасанович 133
Алимка (Алим?) 228
Алимкул 200
Асфандияр-хан 83, 270
Асфандияров Санджар Джафаро-
вич 60
Ахтямов Ибниямин Абусугутович
50

Б

Бабушкин 185, 186, 187, 238, 243,
246, 252
Бакир Мухтар 89
Баруди Галимджан 57, 58
Бейли Фредерик Маршман 137,
138
Бек Владимир (Эдуард?) Макси-
мович 96, 180, 181
Бехбуди Махмутходжа 34, 37, 40,
57, 60, 77, 130, 144, 145
Бройдо Григорий Исаакович 14,
15, 16
Букейханов Алихан Нурмухамедо-
вич 10, 11, 15, 60, 94

В

Вадьяев Яков Хаимович 107
Вадьяев Сион Хаимович 107
Вайнер И. И. 99
Вайнштейн Ефим Львович 29, 106,

167, 174

Валидов Ахмет-Заки (Валиди) 30,
51, 53, 56, 57, 77, 91, 92, 101, 121
Васильев Федор Николаевич 115
Вильсон Вудро 133
Витте Сергей Юльевич 101

Г

Гершфельд Соломон Абрамович
178
Гиппиус Зинаида Николаевна 152,
153
Горький Максим 20
Гучков Александр Иванович 9
Гюльнара 159, 160

Д

Давлетшин Абдулазиз Абдулович
10, 11, 15, 16, 17, 34
Джунаид-хан 83, 269, 270
Добронравов Александр Иванович
219
Доррер Георгий Иосифович 24, 31,
96, 97, 167, 168, 170, 173, 174, 175,
180, 181, 204, 210, 211, 212, 216,
217
Дутов Александр Ильич 65, 74, 88,
103, 146, 158, 174, 175, 179, 183,
192, 204, 230, 231, 239
Дюкрок Жорж 24, 137

Е

Евушев Нуширван 59
Елпатьевский Владимир Сергеевич
10, 11, 15, 18, 22, 24, 136
Еникеев Сахим-Гирей-Махамед Ги-
реевич 50, 51
Ерофеев Михаил Родионович 9

З

Зарубин Иван Иванович 13
Захаров 229, 231

И

Ибрагим-оглы 242, 245
Ибрагимка (Ибрагим?) 228, 232,
242, 245
Иванов И. Н. 22
Изды-Лео 196, 198, 199

К

Кауфман Константин Петрович
фон 196
Керенский Александр Федорович
8, 11, 13, 15, 21, 23, 24, 25, 28, 30,
46, 48, 64, 97, 159, 162, 163, 168,
169, 177, 178, 181, 203, 204, 216
Кияшко Андрей Иванович 96, 155,
174, 175, 180, 181, 204, 209, 214,
216, 217
Клевлеев Ариф 63, 98
Клемм фон Василий (Вильям)
Осипович 29, 84, 96, 97, 111, 141,
149, 154
Кобозев Петр Алексеевич 131, 146,
239
Колесов Федор Иванович 65, 97,
137, 146, 147, 148, 149, 167, 168,
178, 191, 212, 238, 256, 257, 261,
262, 266, 267, 268, 269, 270
Колузаев Георгий Александрович
193, 262, 266, 267, 268
Колчак Александр Васильевич 143,
154
Корнилов Лавр Георгиевич 155
Коровиченко Павел Александрович
24, 29, 30, 31, 163, 164, 165, 166,
167, 168, 169, 170, 171, 172, 173,
174, 175, 176, 181, 193, 204, 205,
207, 209, 210, 211, 212

Коэн Марсель 138

Куропаткин Алексей Николаевич
7, 8, 9, 25, 48

Л

Лапин Серали 33, 35, 66, 67, 68,
76, 78, 88, 116, 135, 136, 140
Ленин Владимир Ильич 64, 128,
131
Липовский Александр Лаврентье-
вич 10, 15, 136

М

Максудов Садретдин Низаметди-
нович (Садри Максуди) 10, 11, 15,
16, 53, 56
Маллесон Уилфредом 137, 139
Маллицкий Николай Гурьевич 47
Маркс Карл 38, 194, 212, 221
Махмудов Абиджан 99, 178
Мережковский Дмитрий Сергеевич
153
Миллер Александр Яковлевич 147
Мирджалилов ((Мир-Джалилов)
Саид-Насыр 145
Мирза-Ахмедов М.-А. 145
Мирза Салимбек 149
Мир-Мумынбаев Мир-Камиль
(Мумынбаев Миркамиль) 36, 39,
155, 230, 233, 256, 257, 258, 261
Михайловский Георгий Николае-
вич 24
Монтэю Эдвин Сэмуэль 138
Морозов Савва Тимофеевич 20
Муфтизаде С. 143
Мухин Василий Дмитриевич 155,
176, 205, 206, 210, 212
Н
Набоков Владимир Дмитриевич 23
Надира 260, 261

Наливкин Владимир Петрович 8, 14, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 28, 29, 30, 40, 64, 162, 163, 164, 165, 167, 271

Николай II 163, 233, 257, 263

Нури-паша 140

О

Остроумов Николай Петрович 21

П

Перфильев Евгений Леонидович 161, 162, 163, 168, 170, 175, 176, 189, 190, 203, 204, 212, 254, 255, 256, 262

Першин Александр Яковлевич 18, 193

Пилсудский Юзеф 153

Полторацкий Павел Герасимович 220, 240, 241

Пономарев 187

Потеляхов Рафаэль Шломович 107

Преображенский Павел Иванович 10, 11, 15

Р

Расулзаде Мамед Эмин 54, 55, 123

Рахим Мирза-Ахмед 133

Рахимбаев Абдулл 66, 67

Рахими Шакирджан 40, 89

Ридл Э. А. 138, 139

Романов Николай Константинович (великий князь Николай Константинович) 155

Рыскулов Турар Рыскулович 12, 94, 121, 128, 129

С

Савинков Борис Викторович 153

Савицкий Сергей Владимирович 164

Саид Абдулла-хан 270

Салим Муса 133

Сейид Мир Мухаммед Алим-хан 263

Сиверс Николай Николаевич 9

Симхаев Або Маллаевич 107

Сталин Иосиф Виссарионович 69, 84, 118, 131

Стасиков 174, 176, 204, 206, 212

Т

Тактеров Фуад 22

Тамаев К. 47

Тамерлан (Тимур) 197, 211

Темирбеков А. 36

Тоболин Иван Осипович 167, 176, 212, 213, 220, 238, 256

Тойнби Арнольд Джозеф 138

Тухватуллин Фатых 142

Тынышпаев Мухамеджан Тынышпаевич 10, 11, 14, 15, 34, 49, 60, 76, 77, 85, 91, 94, 102, 177, 178, 226

У

Убайдулла (Убайдулка) 230

Уразаев А. 142

Ф

Фитрат Абдурауф 45, 111, 113, 130

Фрунзе Михаил Васильевич 129, 150

Х

Ходжаев Убайдулла Асадуллаевич 179

Ходжаев Файзулла Губайдуллаевич 147, 148

Худояр-хан 200, 233

Ц

Цаликов Ахмед Тембулатович 50, 51, 52, 53, 54, 55

Цвиллинг Григорий Моисеевич 170,

204, 238, 256

Церетели Ираклий Георгиевич 20

Ч

Чайкин Вадим Афанасьевич 15, 16, 17, 18, 19, 22, 28, 69, 144

Чаньшев Магди 87

Черкес Леонтий Николаевич 15, 27, 29, 67, 159, 160, 161, 167, 173, 203

Чокаев Мустафа 7, 20, 22, 25, 28, 33, 34, 43, 47, 49, 50, 57, 60, 75, 76, 77, 80, 85, 89, 91, 92, 93, 97, 100, 101, 102, 104, 105, 108, 111, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 127, 128, 134, 135, 136, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 154, 177, 213, 225, 226, 243

Чокаева (Горина) Мария 100, 127

Чхеидзе Николай Семенович 47

Ш

Шагиахметов Ислам 50, 86, 87, 178, 184, 185, 213, 243

Ша-Исхаков Ша-Алим 201

Ша-Харисов 226

Шендриков Илья Никифорович 14, 18, 24, 29, 162, 163, 164, 166, 167, 176, 204, 205, 211

Шериф-Ходжаев Садритдин 145

Шермухамедов Мирмухсин (Фикри) 40, 59

Шкапский Орест Авенирович 10, 11, 14, 15

Шмидт 209

Шнитников Николай Николаевич 23, 24, 30

Э

Энвер-паша 140, 258

Энгельс Фридрих 38

Эргаш (Иргаш, Кичик Эргаш, Ходжи Магомед Ибрагим Ходжиев) 74, 78, 108, 109, 126, 182, 227, 228, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 240, 241, 242, 243, 249, 251, 253, 270

Я

Яушев Нуширван 36, 37, 58

Александр Гзовский.
Социальная революция в Туркестане:
полумесяц и красная звезда
(туркестанские воспоминания)

Научный редактор
Т. В. Котюкова

Верстка, макет
А. В. Тутьшина, Б. В. Яблоков
Художественное оформление
М. В. Козлова

Подписано в печать 30.12.2020 г.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 16.6
Тираж 500 экз. Заказ № 2021-2/ГП

ГАУГН-ПРЕСС
e-mail: press@gaugn.ru
<http://press.gaugn.ru>

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в
ООО «Институт информационных технологий»
г. Тверь, ул. Дачная, 33, оф. 1

ISBN 978-5-6042181-6-7

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.